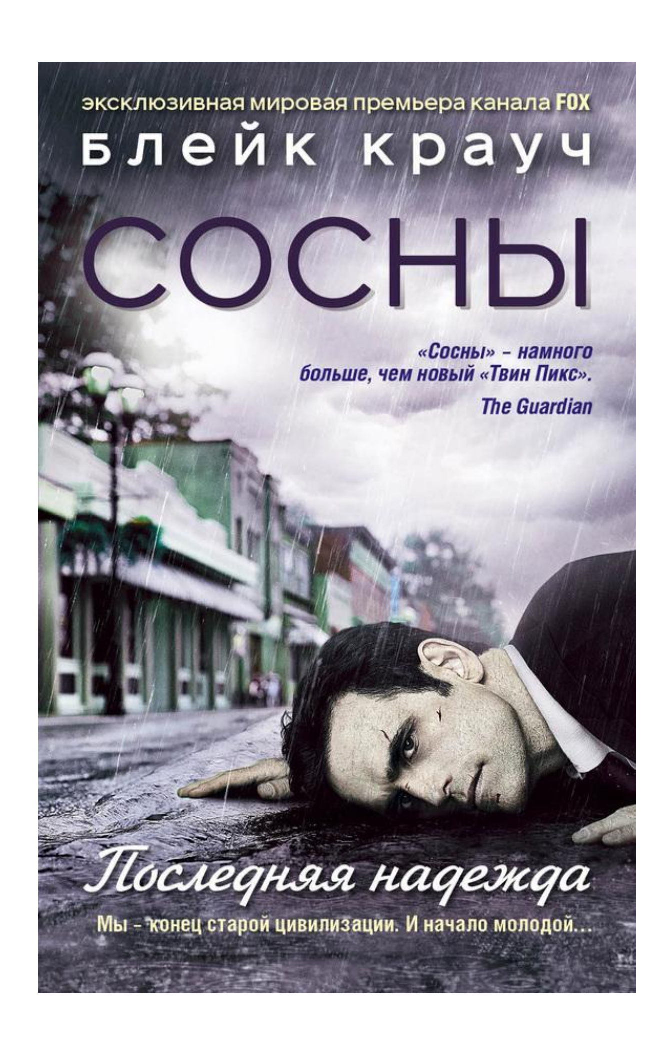
Крауч Блейк

Сосны. Последняя надежда

*** * ***

Моим ангелам,

Эннсли и Эделайн

Это художественное произведение. Все имена, персонажи, организации, места и события либо являются продуктом авторского воображения, либо используются в вымышленном контексте.

О романе «Последний город»

Добро пожаловать в Заплутавшие Сосны, последний город!

Агент Секретной службы Итан Бёрк прибыл в Заплутавшие Сосны, штат Айдахо, три недели назад. В этом городе люди во всем живут по указу: с кем вступать в брак, где жить, где работать… Их детей учат, что Дэвид Пилчер, создатель города, – Бог. Никому не позволено покидать город. И даже за то, что вы задаете вопросы, вас могут убить.

Но Итан раскрыл поразительную тайну того, что скрывается за электрической оградой, окружающей Сосны и защищающей его от ужасов внешнего мира. Эта тайна и держит население города под полным контролем безумца и армии его последователей – тайна того, что готово вот-вот прорвать ограждение и смести последние хрупкие остатки человечества.

Невероятный сюжет заключительной книги Блейка Крауча из серии «Заплутавшие Сосны» (которую в 2015 году экранизировала кинокомпания «FOX») не позволит вам оторваться от чтения до самой последней страницы.

Господь отвечал Иову из бури и сказал: Кто сей, омрачающий Провидение словами без смысла? Препояшь ныне чресла твои, как муж: Я буду спрашивать тебя, и ты объясняй Мне: Где был ты, когда Я полагал основания земли? Скажи, если знаешь. Кто положил меру ей, если знаешь? Или кто протягивал по ней вервь? На чем утверждены основания ее, или кто положил краеугольный камень ее, при общем ликовании утренних звезд, когда все сыны Божии восклицали от радости?

Иов. 38:1–7

Мы последние представители нашего вида, колония людей из начала двадцать первого века. Мы живем в горах бывшего штата Айдахо, в городе, именуемом Заплутавшие Сосны.

Наши координаты: 44 градуса, 13 минут, 0 секунд северной широты и 114 градусов, 56 минут, 16 секунд западной долготы. Слышит нас кто-нибудь?

Часть передачи по радиосвязи голосом и азбукой Морзе на всех коротковолновых частотах, ведущейся из верхнего комплекса Заплутавших Сосен в закольцованном режиме в течение последних одиннадцати лет.

Вступление

Дэвид Пилчер

Верхний комплекс (гора)

Заплутавшие Сосны

Четырнадцать лет назад

Он открыл глаза.

Окоченение, дрожь, пульсация в голове… Кто-то стоял над ним – лицо этого человека было скрыто под хирургической маской и совершенно неразличимо.

Он не знал, где он находится или даже кто он такой. Безликая маска склонилась ближе к нему, и голос – женский голос – приказал:

– Сделайте долгий глубокий вдох и продолжайте дышать.

Он вдохнул газ – теплый, концентрированный кислород. Этот газ влился в его гортань и ворвался в легкие, вызвав приятный прилив тепла. Хотя рот склонившейся над ним женщины был скрыт под маской, в глазах ее проснувшийся человек увидел адресованную ему улыбку.

– Вам лучше? – спросила она.

Он кивнул. Теперь ее лицо стало видно более отчетливо. И ее голос… что-то знакомое было в этом голосе. Не сам тембр, а те чувства, которые человек испытывал, слыша его. Желание защитить, почти родительские эмоции.

– У вас болит голова? – задала она еще один вопрос.

Он снова кивнул.

– Это скоро пройдет, – пообещала незнакомка. – Я знаю, что вы ощущаете сильную дезориентацию.

Еще один кивок.

– Это совершенно нормально. Вы знаете, где находитесь?

Отрицательное покачивание головой.

– Вы знаете, кто вы?

И снова покачивание головой.

– В этом тоже нет ничего необычного. В вашу кровеносную систему всего тридцать пять минут назад была закачана кровь. Обычно пробужденным требуется несколько часов, чтобы вспомнить себя и окружающий мир.

Он уставился на светильники над головой – длинные флюоресцентные лампы, слишком яркие для его глаз – и приоткрыл рот.

– Не пытайтесь говорить, – предупредила женщина. – Хотите, я объясню вам, что происходит?

Кивок.

– Ваше имя – Дэвид Пилчер.

Человек подумал, что эта часть информации звучит правильно. На каком-то неуловимом уровне это имя ощущалось им как свое – по крайней мере оно казалось ему вполне уместным.

– Вы не в больнице. Вы не пострадали в автокатастрофе и не перенесли сердечный приступ. Ничего подобного, – добавила незнакомка.

Он хотел сказать, что не может двигаться. Что чувствует себя холодным, как труп, и это его пугает. А женский голос продолжал объяснять:

– Вы только что были выведены из анабиоза. Все ваши жизненные показатели находятся в пределах нормы. Вы проспали восемнадцать столетий в одной из тысячи анабиозных капсул, построенных по вашему проекту. Мы все очень рады. Ваш эксперимент увенчался успехом. Степень выживаемости команды составила девяносто семь процентов. Это заметно больше, чем выходило по вашим расчетам, и у нас нет критических потерь. Поздравляю.

Пилчер лежал на каталке и, мигая, смотрел на лампы.

Датчик, показывавший частоту его сердцебиения, попискивал все чаще и чаще, но это было вызвано не страхом и не стрессом. Причиной этому была радость. За пять секунд все стало на свои места: кто он такой, где он находится и почему он здесь. Как будто настроилась фокусировка фотоаппарата.

Дэвид поднял руку – тяжелую, как кусок гранита, – и потянул маску прочь с лица медсестры. И жадно уставился на ее лицо.

Впервые за почти два тысячелетия он заговорил, и голос его звучал хрипло, но отчетливо:

– Кто-нибудь выходил наружу?

Женщина убрала маску. Это была Памела. Двадцатилетняя Пэм, похожая на призрак – бледная и слабая после пробуждения от долгого, долгого сна.

И все-таки… по-прежнему прекрасная.

Она улыбалась:

– Вы же знаете, что я не допустила бы этого, Дэвид. Мы ждали вас.

* * *

Шесть часов спустя Пилчер уже стоял на ногах и нетвердой походкой шел по коридору Уровня 1 вместе с Тедом Апшоу, Пэм, Арнольдом Поупом и человеком по имени Фрэнсис Левен. Последний носил официальный титул «управляющего» *горой* и говорил, не умолкая ни на минуту:

– …стена ковчега была один раз проломлена семьсот восемьдесят три года назад, но вакуумные датчики отследили это, и автоматы ликвидировали неисправность.

– А наши припасы? – поинтересовался Дэвид.

– Я провожу проверку, но, похоже, все осталось в полной сохранности, – сообщил Фрэнсис.

– Сколько человек из команды пробуждено?

– Только восемь, считая нас.

Они дошли до автоматических стеклянных дверей, ведущих в пещеру площадью в пять миллионов квадратных футов, которая служила складом продовольствия и строительных материалов. Эта пещера, высокопарно именуемая «ковчегом», была одним из великих достижений инженерного гения и инициативности людей.

В пещере пахло сыростью и камнем.

С потолка свисали массивные шарообразные лампы: их цепочка тянулась далеко в глубь ковчега, насколько хватало взгляда.

Люди подошли к «Хамви»[1], припаркованному у выхода в тоннель. Пилчеру уже не хватало дыхания, а ноги его, казалось, вот-вот сведет судорогой.

Поуп сел за руль.

Флюоресцентное освещение в тоннеле еще не действовало, и «Хамви» катил по крутому наклонному полу в беспросветную темноту. Его путь освещал лишь одинокий отблеск фар, отражавшийся от мокрых каменных стен.

Дэвид сидел впереди, рядом с водителем.

Он все еще ощущал некоторую дезориентацию, хотя она мало-помалу отступала.

Его подчиненные уверяли, что анабиоз длился восемнадцать веков, но с каждым вдохом мужчине все меньше и меньше в это верилось. На самом деле у него было такое чувство, будто всего несколько часов прошло с той новогодней вечеринки

в 2013 году, когда он и вся его команда выпили по бокалу шампанского «Дом Периньон», разделись донага, натянули специальные костюмы и вошли в свои анабиозные капсулы.

Спуск был достаточно крутым, и у Пилчера закладывало уши, словно в самолете. Хотя вряд ли это ощущение было порождено только перепадом давления.

Мышцы живота сводило от нервозного предвкушения.

Оглянувшись через плечо, Дэвид посмотрел на Левена, устроившегося на заднем сиденье. Почти детское личико этого тощего невысокого человечка странно контрастировало со взглядом умудренного годами старца.

– Мы сможем дышать в этой атмосфере без мер предосторожности? – спросил Пилчер.

– Она изменилась, но только чуть-чуть, – ответил Фрэнсис. – Слава богу, основными составляющими так и остались азот и кислород. Но сейчас в общем соотношении в воздухе на один процент больше кислорода и на один процент меньше азота. Содержание парниковых газов вернулось к уровню, предшествовавшему наступлению индустриальной эпохи.

– Полагаю, вы уже начали разгерметизацию верхнего комплекса?

– Это было первым вопросом, стоявшим на повестке дня. Мы уже закачиваем воздух снаружи.

– Есть еще какие-либо замечания по делу?

– Через несколько дней наша система будет полностью обеспечена энергией и отлажена.

– Какой день и год показывают наши электронные часы, если считать по христианскому календарю?

– Сегодня четырнадцатое февраля три тысячи восемьсот тринадцатого года от Рождества Христова. – Левен ухмыльнулся. – День святого Валентина, кстати.

* * *

Арнольд Поуп остановил машину. Яркий свет фар упирался в титановые ворота, защищавшие тоннель, *гору* и всех, кто спал в нем, от внешнего мира.

Поуп заглушил мотор, оставив фары включенными.

Когда все вышли из вездехода, Арнольд обошел машину сзади и открыл дверь багажного отсека. Из оружейной стойки он достал армейский дробовик.

– Ради бога, Арни, – хмыкнул Пилчер, – ты всегда подозреваешь худшее!

– За это вы мне и платите хорошую денежку, верно? – отозвался тот. – Если б решение принимал я, то с нами поехал бы целый отряд службы безопасности.

– Нет, пока что у нас прогулка для ближнего круга.

– Пэм, ты не включишь свой фонарик? – попросил Левен.

Когда она направила луч на штурвал, открывающий и закрывающий ворота, Дэвид вдруг сказал:

– Давайте подождем немного.

Фрэнсис выпрямился.

Поуп сделал шаг вперед.

Тед и Пэм повернулись к Пилчеру.

Голос Дэвида все еще был сиплым от медикаментов, вернувших его к жизни. Он медленно произнес:

– Мы не должны пропустить этот момент. – Подчиненные во все глаза смотрели на него. – Понимает ли кто-нибудь из вас, что мы сделали? Мы только что завершили самое опасное и дерзкое путешествие в истории человечества. Не через расстояние. Через время. Вы знаете, что ждет нас по ту сторону дверей?

Он сделал паузу, но вопрос его так и повис в воздухе: никто не отозвался.

– Чистое открытие, – продолжил Пилчер.

– Я не понимаю, – сказала Пэм.

– Я говорил это раньше и повторю теперь. Вот Нейл Армстронг выходит из «Аполлона-11», чтобы впервые ступить на поверхность Луны. Вот братья Райт поднимают аэроплан в воздух, впервые совершая управляемый полет. Вот Колумб сходит на берег Нового Света. И сейчас происходит то же самое. Никто из нас не может сказать, что лежит по ту сторону этих ворот.

– Вы предсказывали, что человечество вымрет, – напомнила медсестра.

– Да, но мое предсказание было всего лишь предсказанием. Я мог ошибаться. Там сейчас могут красоваться небоскребы в десять тысяч футов высотой. Представьте, что человек из двести тринадцатого года от Рождества Христова попадает в две тысячи тринадцатый. «Самое прекрасное, что только может выпасть нам на долю, – это тайна». Так сказал Альберт Эйнштейн. Мы все должны насладиться этим неповторимым моментом.

Левен снова повернулся к запорному штурвалу ворот и стал вращать его против часовой стрелки. Когда колесо наконец докрутилось до упора, он сказал:

– Сэр, вы желаете взять эту честь на себя?

Пилчер подошел к воротам. Фрэнсис пояснил:

– Откиньте эту задвижку, вот так.

Дэвид дернул задвижку. Какой-то миг ничего не происходило. Фары «Хамви» погасли, и только слабый луч фонарика Пэм разрезал тьму.

А потом под ногами у людей что-то застонало – словно скрипел корпус старого корабля. Тяжелые створки ворот содрогнулись и начали расходиться. И тогда…

Свет брызнул на цементный пол и пополз к ним непрерывно расширяющейся сияющей полосой. Сердце Пилчера неистово колотилось – это был самый захватывающий миг его жизни. Внутрь влетели клубы снега, а за ними в тоннель ворвался пронзительный порыв холодного ветра. Дэвид вздрогнул от непривычно яркого света.

Когда четырехфутовые ворота полностью отворились, внешний мир предстал перед людьми, точно картина в раме. Они увидели усеянный валунами сосновый лес, где бушевала метель.

* * *

Они шли через лес, пробиваясь сквозь мягкий снежный покров толщиной в фут. Было невероятно тихо, и шорох падающего снега звучал, подобно невнятному шепоту. Пройдя две сотни ярдов, Пилчер остановился. Остальные последовали его примеру. Предводитель этого маленького отряда сказал:

– Кажется, здесь некогда проходила дорога к Заплутавшим Соснам.

Пять человек по-прежнему стояли среди густого соснового леса, и нигде не было ни единого намека на то, что здесь когда-либо была дорога.

Дэвид достал компас.

*** * ***

Люди шли на север, в долину. Сосны возвышались над их головами.

– Интересно, – промолвил Пилчер, – сколько раз этот лес сгорал и вырастал заново?

Ему было холодно, а ноги у него гудели от усталости. Он был уверен, что остальные ощущают такую же слабость, но никто не жаловался.

Люди брели, пока деревья не расступились перед ними. Их предводитель не мог уверенно сказать, далеко ли они отошли от выхода из комплекса. Снег поутих, и впервые Дэвид увидел нечто знакомое – крутые массивные утесы, которые почти две тысячи лет назад окружали поселение Заплутавшие Сосны.

Его самого удивило облегчение, которое он испытал, вновь увидев эти горы. Две тысячи лет – долгий срок, если речь идет о лесах и реках, но горы выглядели практически прежними. Словно он встретил старых друзей.

Вскоре маленький отряд стоял в самом центре долины.

Там не осталось ни одного здания. Даже руин.

– Как будто города здесь никогда и не было, – промолвил Левен.

– Что это значит? – спросила Памела.

– Да, что это значит? – повторил за ней Пилчер.

– То, что природа взяла верх. То, что город исчез, – предположил Фрэнсис.

– Невозможно сказать с уверенностью. Быть может, Айдахо теперь – огромный заповедник дикой природы. А может, Айдахо вообще больше не существует, – возразил Дэвид. – Нам еще многое нужно узнать об этом новом мире.

Он отыскал глазами Поупа. Тот отошел ярдов на двадцать в сторону, на прогалину, и опустился на колени в снег, что-то изучая.

– Что там такое, Арни? – спросил Пилчер.

Тот жестом пригласил руководителя подойти и, когда отряд сгрудился вокруг него, указал на цепочку следов.

– Человек? – спросил Дэвид.

– Ступни у него размером с человеческие, верно, но расположены не так, – пробормотал Арнольд.

– То есть? То есть как? – посыпались на него вопросы со всех сторон.

– Не знаю, что это за существо, но оно передвигалось на четырех конечностях. Видите? – Поуп коснулся снега. – Вот задние ноги. Вот передние. Взгляните на расстояние между следами. Оно адски проворное.

*** * ***

У юго-западного края долины они нашли рощу осин и низкорослых дубов, между которыми из земли тут и там торчали камни. Пилчер присел на корточки, чтобы осмотреть один из этих камней, и размел снег у его основания. Некогда это была глыба полированного мрамора, но время сделало ее поверхность шероховатой и неровной.

– Что это? – спросила Пэм, проведя рукой по другому такому же камню.

– Остатки кладбища, – ответил Дэвид. – Надписи, конечно, стерлись. Это все, что сохранилось от Заплутавших Сосен двадцать первого века.

* * *

Они направились домой, обратно к комплексу. Все ужасно устали, всем было холодно. Снег пошел снова: белый покров окутывал поверхность утесов и ветки хвойных деревьев.

– Непохоже, чтобы кто-то еще тут жил, – заметил Левен.

– Одна из первых вещей, которые мы должны сделать, – сказал Пилчер, – это выслать беспилотники. Мы отправим их в Бойсе, Миссулу и даже в Сиэтл. Мы узнаем, осталось ли хоть что-нибудь.

Они возвращались в лес по собственным следам. Когда все в маленьком отряде умолкли, из долины позади них донесся крик – ослабленный расстоянием, но от этого не менее жуткий, он эхом отразился от засыпанных снегом утесов. Люди замерли, и через секунду еще один крик ответил первому – он был более низким, но в нем звучала та же смесь тоски и агрессии. Поуп открыл было рот, чтобы что-то сказать, и тут весь лес вокруг них огласился диким хором жутких, нечеловеческих воплей.

Люди бросились сквозь снег к убежищу – сначала трусцой, а затем, по мере того как крики приближались, все перешли на отчаянный бег. В сотне ярдов от тоннеля Пилчер почувствовал, что у него подгибаются ноги. По лицу его струился пот. Все остальные уже достигли ворот и заскочили внутрь, крича ему, чтобы бежал быстрее. Их голоса смешивались с визгами позади него.

Перед глазами у Дэвида все расплывалось. Он оглянулся через плечо и краем глаза уловил движение среди сосен – бледные четвероногие силуэты преследовали его сквозь лес. Он хватал ртом воздух и думал: «Я могу погибнуть в первый же день выхода из анабиоза!»

Мир потемнел, и лицо бегущего человека свело холодом. Он не потерял сознание – просто рухнул лицом в снег, не в силах шевельнуться. Крики становились все громче, приближались – и тут его рывком подняли с земли. С новой точки обзора, свисая с плеча Арнольда Поупа, Пилчер видел, как качаются позади деревья, видел человекоподобных тварей, несущихся к ним – первая уже была всего в пятидесяти футах.

Поуп втолкнул его в титановую дверь и сам протиснулся внутрь. Дэвид рухнул на пол, ощутив под щекой холодный бетон.

– Закройте дверь! Не пускайте их! – закричал Арнольд.

Ворота с грохотом захлопнулись, а с другой стороны донеслось несколько глухих ударов по толстому металлу.

Оказавшись в безопасности, Пилчер ощутил, как сознание ускользает от него. Последнее, что он услышал перед тем, как погрузиться в беспамятство, был голос Пэм – она с истеричным надрывом визжала:

– Что это за твари, черт побери?!

Часть I

Два часа спустя после разоблачительной речи Итана Бёрка

Дженнифер Рочестер

В доме было адски темно. Дженнифер машинально попыталась включить на кухне свет, но это не дало результата. Электричества не было. Хозяйка ощупью обошла холодильник, добралась до шкафчика над плитой, открыла его и достала хрустальный подсвечник, свечу и коробку спичек. Открыв газ, поднесла горящую спичку к конфорке и поставила чайник поверх шипящего голубого пламени. Потом зажгла огарок свечи и присела к кухонному столу.

В своей прошлой жизни она была заядлой курильщицей и, видит Бог, не отказалась бы от сигареты и сейчас, чтобы успокоить нервы и хоть чем-то занять руки, которые дрожали, не переставая, вот уже пару часов. Глаза женщины наполнились слезами, и огненный язычок свечи стал дробиться и расплываться. Все, о чем она могла сейчас думать, – это о своем муже, Тедди, и о том, как далеко она от него сейчас. Без малого в двух тысячах лет…

Дженнифер всегда лелеяла надежду, что снаружи по-прежнему есть мир. За ограждением. За всем этим кошмаром. Что где-то там по-прежнему есть ее муж. Ее дом. Ее работа в университете. В каком-то смысле именно эта надежда поддерживала Дженнифер все эти годы. Надежда на то, что однажды утром она проснется дома, в Спокане. Тедди, все еще спящий, будет лежать рядом с нею, и это место – Заплутавшие Сосны – окажется только сном. Она тихонько выскользнет из постели, отправится на кухню и сварит вкрутую яйца, приготовит мужу кружку крепкого кофе. Она будет ждать его, сидя у кухонного стола, и он вылезет из кровати в той своей кошмарной пижаме, взлохмаченный, заспанный и ужасно любимый. Она скажет: «Ночью мне снился странный сон», – но когда попытается рассказать об увиденном, то все пережитое в Заплутавших Соснах потеряется в тумане забытых сновидений. Она улыбнется мужу, сидящему по ту сторону стола, и скажет: «Но я не могу его вспомнить».

Теперь ее надежда исчезла. Одиночество ошеломляло женщину, но под ним тлел гнев. Гнев из-за того, что с нею сотворили все это, гнев из-за всех ее потерь.

Чайник на плите засвистел, и Дженнифер встала из-за стола. Мысли ее путались. Она сняла чайник с конфорки, и свист затих. Затем налила кипяток в фаянсовую кружку со вставленной в нее заварочной сеткой, куда были заранее насыпаны листья ромашки. С кружкой в одной руке и свечой в другой она вышла из темной комнаты в холл.

Большинство горожан все еще были в театре, осмысливая разоблачительные речи шерифа, и, может быть, ей следовало оставаться со всеми остальными. Но правда была в том, что ей хотелось побыть одной. Сегодня ей нужно просто поплакать в постели. Если сон придет к ней, это будет замечательно, но, если говорить честно, Дженнифер этого не ожидала.

Она обогнула нижнюю балясину перил и стала подниматься по скрипучей лестнице. Свет свечи бросал отблески на стены. Электричество и прежде отключалось несколько раз, но женщина не могла отделаться от ощущения, что нынешний перерыв в подаче электроэнергии означает нечто новое.

То, что все двери и окна в доме были крепко заперты, немного – очень немного – успокаивало ее.

Шериф Итан Бёрк

Итан смотрел на двадцатипятифутовые стальные столбы и остроконечные пики-проводники, обвитые кольцами колючей проволоки. Обычно ограждение гудело от электрического тока, в тысячу раз более мощного, чем требуется для убийства человека. Так громко, что его было слышно за сотню ярдов, а вблизи наэлектризованность воздуха ощущалась всем телом.

Сегодня Итан не слышал ничего. Хуже того, тридцатифутовые ворота были распахнуты настежь. И *зафиксированы* в раскрытом положении.

Обрывки тумана проносились мимо, словно предвестники надвигающейся бури, а Бёрк смотрел на черный лес за ограждением. Сквозь неистовое биение собственного сердца он различал визг, эхом отдающийся среди деревьев. Аберы приближались.

Заключительные слова Дэвида Пилчера непрестанно прокручивались в памяти шерифа.

«Ад сам идет к вам».

Это была вина Итана.

«Ад сам идет к вам».

Он сделал ошибку, назвав угрозы этого психа блефом.

«Ад сам идет к вам».

И сказав людям правду.

Теперь все в городе, включая его жену и сына, обречены на смерть.

* * *

Итан бросился обратно сквозь лес, чувствуя, как с каждым рывком, с каждым отчаянным выдохом в его душе нарастает паника. Он петлял среди сосен, двигаясь теперь вдоль умолкнувшего ограждения.

Его «Бронко» стоял совсем рядом, но крики звучали уже ближе, громче.

Прыгнув за руль, шериф врубил двигатель и помчался сквозь лес, нещадно убивая подвеску и вытрясая из рамы немногочисленные осколки, оставшиеся от лобового стекла.

Он достиг дороги, ведущей в город, и перевалил через обочину обратно на асфальт.

Вдавил педаль газа в пол.

Двигатель взвыл.

Бёрк вырвался из леса и промчался мимо пастбища.

Яркие лучи играли на щите при въезде в город, высвечивая идиллическую картину: семья из четырех человек приветственно махала руками, улыбаясь беспечными улыбками родом из 1950-х годов, а под этим изображением красовался оптимистический лозунг: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЗАПЛУТАВШИЕ СОСНЫ, ГДЕ ОБРЕТАЕТСЯ РАЙ!»

«Теперь уже нет», – подумал Итан.

Если им повезет, аберы сперва доберутся до пастбища и убьют весь скот, прежде чем ворваться в город.

Вот она, прямо впереди – окраина Заплутавших Сосен.

В ясный день город являл собой само совершенство. Аккуратные кварталы ярко окрашенных викторианских домиков. Белые штакетные заборчики. Пышная зеленая трава. Мейн-стрит выглядела так, словно была построена специально для туристов: чтобы они прогуливались по ней и мечтали, как уйдут на покой, поселятся здесь и будут вести счастливую жизнь. Старомодную тихую жизнь. Горы, окружавшие поселение, обещали безопасность и убежище. На первый взгляд ничто не выдавало место, которое нельзя покинуть – место, где ты поплатишься жизнью только за попытку уйти оттуда.

Но не сегодня. Сейчас жилые дома и официальные здания были зловеще темными.

Итан свернул на Десятую авеню и промчался через семь кварталов, прежде чем вывернуть на Главную улицу так резко, что оба правых колеса машины оторвались от земли.

Впереди, на пересечении Главной и Восьмой улиц, стояли все жители города – там, где он оставил их, перед оперным театром. Четыреста с лишним душ, ожидающих в темноте, как будто их всей толпой выгнали с бала. Они по-прежнему были одеты в свои нелепые костюмы, в которые облачились ради празднества.

Бёрк остановил машину и вышел. Было жутко видеть Главную улицу во мраке: лишь пламя факелов озаряло теперь витрины магазинов. Вот кофейня «Ароматный парок», «Деревянные сокровища» – магазин игрушек Кейт и Гарольда Бэллинджер, отель «Заплутавшие Сосны», пекарня Ричардсонов, «Биргартен», «Сладкоежка», компания по недвижимости «Заплутавшие Сосны», где работала жена Итана, Тереза…

Шум толпы ошеломлял.

Люди уже оправились от состояния неверия и потрясения, в которое погрузились, когда Бёрк все-таки решился рассказать им всю правду о Соснах. Они начали разговаривать друг с другом – в каком-то смысле впервые.

Кейт Бэллинджер бросилась к нему. Именно она и ее муж Гарольд должны были быть казнены на сегодняшнем празднестве, и разоблачительная речь Итана спасла их жизни в последний момент. Кто-то наскоро зашил женщине порез над левым глазом, но лицо ее по-прежнему было покрыто кровью, и на преждевременно поседевших волосах тоже виднелись кровавые пятна. Исчезновение Кейт и последующее ее появление в Заплутавших Соснах и привело Итана в этот город две тысячи лет назад. В прошлой жизни они работали вместе в секретной службе. Были напарниками. И на краткий, обжигающий промежуток времени даже стали друг для друга кем-то бо́льшим, чем просто напарники.

Шериф схватил Кейт за руку и потащил ее к заднему борту «Бронко», подальше от ушей собравшихся. Она едва не умерла сегодня, и, когда Бёрк смотрел на нее, он видел по ее глазам, что рассудок этой женщины держится на тонкой, почти перетершейся нити.

– Пилчер отключил энергию, – сказал он ей.

– Знаю.

– Нет, я хочу сказать: он отключил подачу энергии и на ограждение. Он открыл ворота.

Кейт пристально смотрела на Итана, как будто пытаясь оценить, насколько плохую новость он сообщил ей.

– Так эти твари… – произнесла она. – Эти мерзкие существа…

– Возможно, они прямо сейчас входят в город. Они идут сюда. Я слышал их у ограждения.

– Сколько их?

– Не знаю. Но даже маленькая стая может быть убийственной.

Кейт оглянулась на толпу.

Разговоры утихали, люди подбирались поближе, чтобы услышать новости.

– У некоторых из нас есть оружие, – сказала женщина. – Кое у кого – мачете.

– Это их не остановит, – возразил шериф.

– Ты не можешь поговорить с Пилчером? Вызвать его? Заставить его передумать?

– Мы перешли эту грань.

– Тогда мы отведем всех обратно в оперный театр, – предложила Кейт. – Там нет окон. И всего по одному выходу с каждой стороны сцены. Внутрь ведут двойные двери. Мы забаррикадируемся внутри.

– А что, если нас ждет многодневная осада? Ни еды, ни тепла, ни воды… И там нет достаточного количества материалов для баррикад – по крайней мере настолько прочных, чтобы они смогли удержать аберов.

– И что теперь, Итан?

– Я не знаю. Но мы не можем просто отослать людей по домам.

– Некоторые уже разошлись.

– Я же сказал тебе задержать здесь всех!

– Я пыталась.

– Сколько человек отправилось домой?

– Пятьдесят или шестьдесят.

– Боже!

Итан заметил Терезу и Бена – свою драгоценную семью. Они пробирались к нему сквозь толпу.

– Если я смогу проникнуть в *гору*, если смогу показать приближенным Пилчера, какому человеку они на самом деле служат, то у нас может появиться шанс, – сказал он решительно.

– Так иди. Прямо сейчас, – предложила Бэллинджер.

– Я не покину своих родных. Только не сейчас, когда у нас нет реального плана.

Тереза подошла к мужу. Она стянула свои длинные светлые волосы в «конский хвост». И она, и Бен были одеты в темное.

Итан поцеловал ее, а потом взъерошил волосы сына, видя в глазах двенадцатилетнего мальчика недетский взгляд – взгляд того мужчины, каким тот мог бы стать в будущем. Пугающе быстрое взросление.

– Что ты обнаружил? – спросила Тереза.

– Ничего хорошего.

– Я понимаю, – сказала Кейт. – Нам всем надо переждать где-то в безопасном месте, пока ты пробиваешься в *гору*.

– Верно, – кивнул Бёрк.

– Где-то в хорошо укрепленном месте, которое можно оборонять. Там, где уже есть запасы провианта и воды.

– Именно.

Кейт улыбнулась:

– Возможно, я действительно знаю такое место.

Итан тоже это знал.

– Пещера Скитальцев, – кивнул он.

– Да.

– Это может сработать. У меня в шерифском участке есть оружие.

– Поезжай и привези его. Возьми с собой Брэда Фишера. – Кейт указала в сторону тротуара. – Он вон там.

– Как же мы сможем увести в горы такое количество народа?

– Я разделю все население города на четыре группы по сотне, – предложила миссис Бэллинджер, – и каждую группу возглавит человек, знающий дорогу.

– А что нам делать с теми, кто ушел по домам? – спросила Тереза.

Ответом ей был одинокий крик, долетевший издалека.

До этого толпа негромко переговаривалась.

Теперь же все умолкли.

Звук доносился из южной части города – прерывистый, исполненный злобы вой.

Его нельзя было объяснить или описать тому, кто никогда его не слышал.

Но любой, кто это слышал, всем своим существом понимал его значение.

И значение было таково: ад надвигается.

– Будет достаточно тяжело защитить даже тех, кто остался, – вздохнул Итан.

– Так что, им теперь придется защищаться самим?

– Мы все теперь каждый сам за себя.

Шериф обошел «Бронко» со стороны переднего пассажирского сиденья и извлек из-под кресла мегафон. Протянув его Кейт, он спросил:

– Ты поняла?

Она кивнула.

Бёрк посмотрел на Терезу:

– Я хочу, чтобы ты и Бен остались с Кейт.

– Ладно, – согласилась та.

– Я пойду с тобой, папа, – возразил мальчик.

– Мне нужно, чтобы ты был с мамой.

– Но я могу тебе помочь!

– Это и будет твоя помощь мне. – Итан повернулся к миссис Бэллинджер. – Я отыщу тебя, когда вернусь из шерифского участка с оружием. Где вы будете?

– Приходи в маленький парк на северной окраине города.

– Тот, где беседка?

– Именно в этот.

*** * ***

Брэд Фишер, единственный адвокат Заплутавших Сосен, неуклюже пристроился на развороченном переднем пассажирском сиденье Итанова «Бронко», сжимая рукоять дверцы, в то время как Бёрк на скорости в шестьдесят миль в час вел машину по Первой авеню.

Итан глянул на своего пассажира:

– Где твоя жена?

– Мы были в театре, – ответил Брэд. – Ты произносил речь, рассказывал нам… обо всем этом. Затем я смотрю – а Меган уже нет рядом.

– Учитывая, чему она учила детей за спинами родителей, она, вероятно, решила, что люди сочтут ее предательницей, – предположил шериф. – Она испугалась за свою жизнь. Что ты испытываешь к ней теперь?

Похоже, этот вопрос застал Фишера врасплох. Обычно этот человек был аккуратно одет и гладко выбрит – образец компетентного молодого адвоката. Сейчас он задумчиво потирал подбородок, на котором уже пробивалась щетина.

– Не знаю, – вздохнул он. – У меня никогда не было чувства, будто я знаю ее или она знает меня. Мы жили вместе потому, что нам так было велено. Мы спали в одной постели. Иногда спали друг с другом.

– То же самое можно сказать о множестве настоящих браков, заключенных добровольно. Ты любил ее?

Брэд снова вздохнул:

– Это сложный вопрос… Кстати, ты поступил правильно. Ну, когда рассказал нам.

– Если бы я знал, что он отрубит энергию на ограждении…

– Не ходи туда, Итан. Ты не сможешь играть в эту игру. Ты сделал то, что считал правильным. Спас Кейт и Гарольда. Показал нам, чего на самом деле сто́ит наша жизнь.

– Интересно, долго ли продержится это убеждение, когда люди начнут погибать? – промолвил Бёрк.

Свет фар озарил темный шерифский участок. Итан свернул на тротуар прямо через бордюр, остановил «Бронко» в нескольких футах от двери и вылез, включив фонарик. Мужчины подошли к двойным дверям. Итан отпер их и распахнул створку.

– Что берем? – спросил Брэд, когда они промчались через вестибюль и свернули по коридору к кабинету шерифа.

– Все, что стреляет.

Фишер светил фонариком, пока его товарищ доставал из шкафа стволы и подбирал к ним патроны. Бёрк положил на стол «Моссберг 930»[2] и загнал в магазин восемь пуль. Затем вложил тридцать патронов в «Бушмастер AR-15»[3] и зарядил магазин «Пустынного орла». Дальше последовали еще несколько дробовиков, охотничьи ружья, «глоки», «ЗИГ-Зауэр», «смит-и-вессон» калибра.357 и еще два пистолета, но зарядка всего этого оружия отняла слишком много времени.

Кейт Бэллинджер (Хьюсон)

Она сжимала руку Гарольда. Ее муж должен был вести свою группу к входу в нескольких кварталах южнее, а она свою – к северной окраине города.

Кейт обвила руками его шею, приникнув к его губам в долгом страстном поцелуе.

– Я люблю тебя, – сказала она.

Гарольд улыбнулся. Его серебристые волосы, пропитанные потом, прилипли ко лбу, несмотря на вечерний холод. Кровоподтеки на его лице уже начали чернеть.

– Кэти, если что-нибудь случится… – начал было он.

– Не делай этого, – попросила она.

– Чего этого?

– Просто дойди до пещеры.

В нескольких кварталах от того места, где они стояли, раздался вой. Направляясь к толпе людей, ожидавших, когда она поведет их в безопасное место, Кейт оглянулась назад и послала Гарольду воздушный поцелуй.

Он поймал его на лету.

Дженнифер

В спальне она поставила свечу на комод и сняла костюм, надетый ради празднества – черный короткий плащ-тренч поверх длинного красного платья. Ее голову венчала пара самодельных дьявольских рогов, и Дженнифер выпутала их из волос. Ночная рубашка висела на плечиках с внутренней стороны двери.

Улегшись в кровать, женщина поднесла к губам чашку ромашкового чая и стала смотреть на отблески пламени свечи, танцующие на потолке.

Чай остыл, теперь он был просто теплым.

Это было для нее привычной последовательностью действий вот уже три года, и Дженнифер решила, что будет умнее не нарушать этот ритуал и сегодня. Когда твой мир распадается на части, цепляйся за привычное.

Она подумала об остальных обитателях Заплутавших Сосен. Те, вероятно, тоже переживали все это каждый на свой лад, ставя под сомнение все, что им сказали, и приходя к осознанию того, как страшно все они заблуждались. Что принесет им всем завтрашний день?

Окно у кровати было приоткрыто, и струйка холодного ночного воздуха просачивалась внутрь. Дженнифер намеренно поддерживала в комнате низкую температуру: ей нравилось засыпать в выстывшей спальне под горой одеял.

За окном было непроглядно темно, и даже сверчки умолкли. Женщина поставила кружку с чаем на прикроватный столик и укрыла ноги одеялами. Свеча, стоявшая на комоде, укоротилась уже до дюйма, но Дженнифер не хотела оставаться сейчас в полной темноте. Пусть огарок догорит сам по себе.

Женщина закрыла глаза, и у нее возникло ощущение, будто она падает. Так много мыслей, так много страхов навалилось на нее, что их вес был почти осязаем.

Нужно было просто уснуть, но Дженнифер думала о Тедди. В последний год она часто ловила себя на том, что помнит запах мужа, звук его голоса и ощущение его рук на ее теле намного яснее, чем его лицо. Она стала забывать, как он выглядит.

Где-то снаружи, во тьме, закричал человек, и Дженнифер выпрямилась. Она никогда не слышала, чтобы кто-то так кричал. Ужас, и неверие, и невыносимая боль – все слилось в этом крике, который, казалось, длился, длился и длился без конца. Этот крик означал, что там кого-то убивают. Они все-таки решили казнить Кейт и Гарольда?

Звук оборвался – резко, как будто его выключили, и Дженнифер посмотрела вниз. Оказывается, она, сама того не сознавая, вскочила с кровати и теперь стояла босиком на холодном деревянном полу. Женщина подошла к окну и подняла раму на несколько дюймов выше. В комнату хлынул холод.

Кто-то закричал в доме поблизости, потом хлопнула дверь, а потом кто-то пробежал по переулку. Еще один крик эхом раскатился по улице – но этот звук был иным. Такой же вопль издавало чудовище в «Бронко» шерифа. Ужасающий, нечеловеческий визг…

Ему ответили другие крики. С ночным ветром в комнату влетел сильный, едкий запах, подобный гниющему мускусу. Низкое, горловое рычание раздалось в саду Дженнифер, и она закрыла окно и защелкнула задвижку. Затем, отшатнувшись от окна, села на кровать. И в этот миг что-то ворвалось через окно в гостиную на первом этаже. Хозяйка рывком повернулась к двери. Пламя свечи на комоде моргнуло и угасло, и у нее перехватило дыхание. В комнате было непроглядно темно: Дженнифер не видела даже собственной ладони, поднесенной к лицу. Вскочив на ноги, она заковыляла к двери спальни, ударилась коленом о сундук, стоявший в изножье кровати, но сумела остаться на ногах.

Наконец, она оказалась у двери и услышала, как скрипят ступени под весом существа, которое взбиралось по лестнице. Миссис Рочестер закрыла дверь и нащупала замок. Тот щелкнул, закрываясь. А то, что вломилось в ее дом, теперь было в коридоре за дверью: половицы стонали под тяжестью его тела.

Снова послышался шум внизу, и дом наполнили визг и постукивание. Дженнифер опустилась на четвереньки и поползла прочь от двери, от того, что приближалось с той стороны. Упав на живот, женщина заползла под кровать. Сердце ее колотилось так, что, казалось, эти удары гулко отдавались в запыленных половицах. Она слышала, как все больше тварей взбиралось наверх.

Дверь в спальню сорвалась с петель, и шаги того, что вошло в комнату, сопровождались странным постукиванием по деревянному полу. Как будто у *этого* были когти.

Хозяйка снова почувствовала запах, куда более сильный, чем раньше. Так должна была вонять мертвечина – гниль и кровь, – и потусторонний смрад, происхождения которого женщина не знала. Она не издала ни звука. Половицы затрещали совсем рядом с кроватью, точно под весом существа, опустившегося на колени, и Дженнифер задержала дыхание. Что-то твердое и гладкое схватило ее за плечо – она закричала и рванулась. Плечо неожиданно онемело, женщина поднесла к нему ладонь и ощутила влагу. Что-то поранило ее.

– Боже, прошу Тебя… – прошептала она еле слышно.

Теперь в комнате было уже не одно существо.

«О, Тедди!..» Дженнифер хотела лишь увидеть его лицо. В последний, единственный раз. Если это действительно конец.

Кровать поднялась, одна из ножек царапнула бок миссис Рочестер, и все сооружение врезалось в стену. Царила непроглядная тьма, и женщина не могла пошевельнуться, парализованная страхом. Плечо ее обильно кровоточило, но она ничего не чувствовала. Все ее тело онемело, словно выключившись: адреналиновая реакция «бей или беги» пока еще не вступила в действие. Дженнифер сжалась в комок, спрятав лицо в коленях.

Эти существа сгрудились вокруг нее, они стояли над нею, и их нечеловеческое дыхание было частым и мелким, словно у загнавших добычу псов.

За две недели до того, как отправиться в судьбоносную поездку в Заплутавшие Сосны, Дженнифер и Тедди провели субботу в Приречном парке в Спокане. Они бросили плед для пикника на траву и сидели там до сумерек, читая каждый свою книгу и поглядывая, как водопад взбивает речную гладь в белую пену.

И теперь женщина на секунду увидела его лицо. Не прямо, а в профиль. Вечерний свет золотил остатки его волос, отражался от стекол очков в тонкой оправе. Он смотрел, как солнце садится над водопадами. В этот момент он был спокоен и доволен. И она тоже.

«Тедди!» – позвала она мысленно.

Он повернулся и посмотрел на нее.

Улыбнулся.

И все закончилось.

Итан

Брэд засовывал рюкзак, набитый патронами, в машину через разбитое заднее окно, а Итан сел за руль. Он взглянул на часы: на то, чтобы вооружиться, было потрачено одиннадцать минут.

– Поехали! – поторопил Бёрк адвоката.

Тот распахнул дверцу и вскарабкался на покореженное сиденье. Свет фар брызнул сквозь стеклянную дверь в вестибюль шерифского участка. Итан глянул в зеркало заднего вида. Сквозь красный отблеск хвостовых огней он увидел бледный силуэт, промчавшийся мимо, и включил задний ход. Они съехали с тротуара, и Бёрк ударился головой о потолок машины, когда колеса соскочили с бордюра. Он резко затормозил, остановив «Бронко» посреди проезжей части, и дернул ручку переключения передач. Что-то ударилось о дверцу машины со стороны пассажирского сиденья. Брэд закричал, и к тому времени, как водитель оглянулся на него, ноги пассажира уже исчезали за пустой оконной рамой.

В темноте Итан не видел крови, но чуял ее – сильный, резкий запах ржавого железа, разлитый в воздухе. Он вытащил пистолет. Крик умолк, и все, что слышал теперь шериф, – это затихающее царапанье ботинок Фишера по асфальту. Кто-то волочил его тело прочь. Бёрк схватил фонарик, который Брэд уронил между сиденьями, и пошарил лучом по улице.

О, Боже мой!

Луч высветил абера. Тот припал на задние лапы над телом Брэда, погрузив пасть в разорванную глотку человека. Существо подняло голову – его морда была темной от крови. Оно зашипело на свет, точно змея, и в этом шипении звучало предупреждение: не тронь мою добычу! А позади этого абера луч выхватил из тьмы еще несколько бледных фигур, выходящих на середину улицы.

Итан нажал на газ. В зеркале заднего вида он узрел, как дюжина чудовищ погналась за машиной на четвереньках. Тот, что был впереди, оказался теперь сбоку. Он прыгнул на окно со стороны водителя, но промахнулся, ударился о борт машины и отлетел прочь. Итан увидел, как сбитое им существо катится поперек улицы, и вдавил педаль газа до упора. Когда он снова посмотрел вперед, футах в двадцати перед радиатором стоял мелкий абер, застыв в свете фар и оскалив зубы. Шериф сжался в комок.

Удар бампера отбросил и эту тварь назад, футов на тридцать, после чего машина наехала на него и волокла его за собой полквартала. «Бронко» трясло так сильно, что Итан едва удерживал руль во вспотевших ладонях.

Наконец труп абера отцепился и остался лежать на асфальте. Бёрк мчался на север, и в его зеркале заднего вида была лишь темная пустая улица.

Впервые за эти мгновения шериф снова мог позволить себе дышать.

* * *

Возле северной окраины города Итан свернул на запад и проехал несколько кварталов по направлению к Главной улице, пока наконец фары его машины не высветили людей, выстроившихся шеренгой поперек улицы. Свет нескольких факелов озарял их лица.

Шериф направил «Бронко» на тротуар. Ключи он оставил в замке зажигания, чтобы фары продолжали гореть. Обойдя автомобиль сзади, откинул задний борт и взял один из трех заряженных дробовиков.

Кейт стояла у открытого люка позади парковой скамьи. С изнанки было видно, что люк сколочен из дюймовых досок и скреплен ржавыми петлями, а сверху замаскирован землей и травой. Она и еще один человек помогали людям по одному спускаться под землю.

Когда Итан подошел к Кейт, глаза их встретились. Он сунул ей в руки дробовик и оглянулся на толпу; наверху оставались еще человек двадцать пять – тридцать.

– Они должны были быть под землей уже пять минут назад, – сказал шериф.

– Мы шли так быстро, как могли, – отозвалась женщина.

– Где Бен и Тереза?

– Уже внизу.

– Аберы пришли, Кейт.

Бёрк увидел в ее глазах вопрос еще до того, как она задала его вслух:

– Где Брэд?

– Они схватили его. Я говорю тебе: у нас максимум пара минут, затем все будет кончено.

Толпа двигалась так, как и полагается при эвакуации, – в полном порядке, никто не произносил ни слова, в воздухе было разлито немое напряжение. Крики – человеческие и нечеловеческие – все чаще раздавались то тут, то там в городе.

Итан повернулся к очереди:

– У меня в машине груз оружия. Если в прошлой жизни вы владели огнестрельным оружием, если у вас есть какой-то опыт стрельбы и вы можете управиться с этим делом, идемте со мной.

Из шеренги вышли десять человек – они проследовали за Бёрком к кузову «Бронко». Среди них был Гектор Гайтер, городской пианист. Он был высок и худощав, с темными, сильно тронутыми сединой волосами – от висков у него и вовсе тянулись две совершенно белые пряди. Музыкант отличался изящными, почти аристократическими чертами лица. Для празднества он нарядился в костюм злого эльфа-убийцы.

– Ты когда-нибудь в прошлой жизни стрелял из ружья, Гектор? – недоверчиво спросил шериф.

– Когда-то я каждое Рождество охотился вместе с отцом на уток, – объяснил тот.

Итан протянул ему «Моссберг»:

– Я зарядил его пулями двенадцатого калибра. Отдача будет сильнее, чем от патронов с дробью на птиц, к которым ты привык.

Гайтер взял оружие за ствол – так странно было видеть эти мягкие, изящные руки сжимающими армейский дробовик!

– Мы с тобою спустимся последними, – сказал Бёрк и снова повернулся к своему арсеналу. – У меня осталось несколько револьверов и пара пистолетов-пулеметов. Кому что раздать?

Часть II

Пилчер

Заплутавшие Сосны

Двенадцать лет назад

Было утро.

Утро осеннего дня.

В его предыдущей жизни небо не было таким синим. Можно было смотреть прямо в бездонную глубину, отливающую фиолетовым цветом. Воздух был таким чистым и прозрачным, что все казалось нереальным, а краски – ослепительно яркими.

Пилчер шел по дороге в город. Она была заасфальтирована всего две недели назад и все еще пахла гудроном. Он прошел мимо новенького рекламного щита, на котором рабочий выводил букву «а» в слове «рай». По завершении девиз на щите будет гласить: «Добро пожаловать в Заплутавшие Сосны, где обретается рай!»

– Доброе утро! – бросил Дэвид. – Отличная работа.

– Спасибо, сэр! – отозвался рабочий.

Городу предстояло еще долго строиться, но долина уже начала выглядеть почти обжитой. Лес был по большей части вырублен: осталось лишь некоторое количество деревьев, которые будут затенять уличные тротуары и дворы перед домами.

Мимо проехала бетономешалка. Вдалеке виднелись несколько домов, находящихся на разных стадиях готовности. Для постройки жилых зданий все было подготовлено еще до ухода в анабиоз. После того как были заложены фундаменты, работа, похоже, ускорилась: город рос все быстрее с каждым днем, дома обретали форму… Школа была почти достроена. У больницы был сооружен каркас трех нижних этажей.

Пилчер дошел до выровненного, но еще не заасфальтированного перекрестка – в дальнейшем это будет угол Восьмой и Главной улиц. Вся долина гудела от отдаленного воя цепных пил, сквозь который прорывались слаженные удары молотков, вгоняющих гвозди в брусья. Дома вдоль будущей Мейн-стрит были уже возведены, хотя и не отделаны: желтые сосновые доски ярко сияли на утреннем солнце.

Подъехал Арнольд Поуп на открытом джипе «Рэнглер»: он выбрался из машины и не спеша подошел к нему.

– Прибыли взглянуть на то, как продвигаются дела?

– Великолепно, не так ли? – улыбнулся его начальник.

– Мы уже опережаем график. Если все пойдет хорошо, сто семьдесят домов будут завершены до того, как пойдет снег и будет готова внешняя отделка всех зданий в городе. Это означает, что мы сможем продолжить внутреннюю отделку зимой.

– Так на какой срок я могу назначить официальное разрезание ленточки?

– На следующую весну.

Пилчер улыбнулся, вообразив это: теплый день в мае, по всей долине яркие цветы, нежная травка, молодые, желтовато-зеленые листья…

Новый старт. Человечество начинает с чистого листа.

– Вы уже подумали, как объясните все это первым обитателям? – спросил тем временем Арнольд.

Они шли посреди улицы. Дэвид оглядывал леса, обрамляющие здание, которое должно будет стать оперным театром.

– Я полагаю, что вначале они будут потрясены и не сразу смогут поверить в то, что произошло, – сказал он задумчиво, – но когда они поймут, что я даю им шанс стать частью чего-то подобного…

– Они падут на колени, вознося вам хвалу, – довершил Поуп.

Пилчер улыбнулся. Мимо прогрохотал грузовик, везущий неошкуренные бревна.

– Можешь ли ты постичь, как велика эта возможность? – рассуждал Дэвид. – В мире, откуда мы пришли, наше существование было невероятно легким. И полным неудовлетворенности из-за этой легкости. Как чувствовать себя значимым, если ты всего лишь один из семи миллиардов? Когда еда, одежда и вообще все, что тебе нужно, покупается в соседнем торговом центре? Когда мы одурманиваем наш разум, погружаем его в сон различными зрелищами, демонстрируемыми нам «в улучшенном качестве», значимость жизни, сама цель нашего существования утрачивается.

– И какова же она? – спросил Арнольд.

– Что именно?

– Наша цель.

– Увековечить наш вид, конечно же. Править этой планетой. И мы будем править ею снова. Не при твоей и не при моей жизни, но будем. У людей, которых я вывел из анабиоза, чтобы населить свой город, не будет айфонов, айпадов, «Фейсбука», «Твиттера» и интернет-магазинов. Они будут общаться так, как когда-то общались наши предки. Лицом к лицу друг с другом. И будут жить, зная, что они – последние из человечества, что за оградой обитают миллиарды чудовищ, жаждущих пожрать их. С этим знанием они будут жить в полном понимании того, что при таких невероятных ставках их жизни имеют непревзойденную ценность. И разве не этого мы хотели в итоге? Чувствовать себя полезными? Или ценными?

Пилчер улыбнулся, глядя, как его город – его мечта – оживает буквально на глазах. Чуть помолчав, он добавил:

– Это место станет нашим Эдемом.

Тёрнеры

Джим Тёрнер поцеловал восьмилетнюю дочь в лоб и утер слезы, струящиеся из ее глаз.

Она спорила с ним:

– Я хочу, чтобы ты остался с нами!

– Я должен охранять наш дом.

– Я боюсь!

– С тобой останется мама.

– Почему снаружи кричат люди?

– Я не знаю, – солгал мужчина.

– Это из-за тех чудовищ? Нам рассказывали о них в школе. Мистер Пилчер защищает нас от них.

– Я не знаю, кто они такие, Джессика, но я должен сделать все, чтобы с тобой и с мамой ничего не случилось, понимаешь?

Девочка кивнула.

– Я люблю тебя, милая, – сказал ее отец.

– Я тоже люблю тебя, папочка.

Джим встал и обхватил ладонями лицо жены. В темноте он не видел ее, но чувствовал, как дрожат у нее губы, как мокры от слез ее щеки.

– У вас есть вода, еда, фонарик, – сказал он. Попытался пошутить: – Даже горшок, чтобы писать в него.

Супруга обняла его за шею и прошептала ему на ухо:

– Не делай этого.

– Другого способа нет.

– Подвал…

– Не выйдет. Доски слишком длинные, они не лягут поперек двери. – Тёрнер слышал, как их соседи, Миллеры, умирают в своем доме через дорогу. – Когда настанет время выходить…

– Ты выпустишь нас.

– Только этого я и хочу. Но если я не приду, чтобы сделать это, используй гвоздодер. Тебе нужно будет отжать им косяк.

– Нам нужно было остаться вместе со всеми.

– Знаю, но мы не остались и теперь делаем все, что можем, чтобы выжить. Что бы вы ни услышали, что бы ни происходило в спальне, оставайтесь в шкафу и не издавайте ни звука. Закрой ей уши, если…

– Не говори так! – простонала Грейс.

– Если что, папочка? – с любопытством спросила их дочь.

– О, Боже, не говори так! – воскликнула миссис Тёрнер.

– Я люблю вас, девочки мои, – проговорил ее муж. – А теперь мне нужно закрыть эту дверь.

– Нет, папочка!

– Тихо, Джесс, – прошептал Джим.

Он поцеловал жену, а потом дочь. Затем закрыл их в шкафу – в спальне на втором этаже их дома, выстроенного в викторианском стиле и окрашенного в цвет лаванды. Его ящик с инструментами уже стоял, открытый, на полу. Тёрнер включил фонарик и выбрал две подходящих доски в два дюйма толщиной и в четыре шириной из груды обрезков, принесенных из сарая – они остались от постройки собачьей конуры прошлым летом. Те теплые дни, когда он работал на заднем дворе…

Крик миссис Миллер разбил эти воспоминания на осколки.

– Нет, нет, нет, нет, нет! О, Бо-о-о-о-оже!!!

Джессика плакала в шкафу. Грейс пыталась успокоить ее. Джим схватил молоток и пришпилил гвозди с обоих концов каждой доски. Шурупы были бы надежнее, но на это не было времени. Он приложил сосновую доску поперек дверцы шкафа и утопил гвозди в косяки. Мысли его мчались неостановимым потоком. Мужчина снова и снова проигрывал в памяти то, что сказал шериф, но не мог это осмыслить. Как это может быть: мы – все, что осталось от человечества?

К тому времени как Тёрнер приколотил все четыре доски поперек двери, Миллеры по другую сторону улицы умолкли. Джим уронил молоток и утер лоб. Со лба у него капал пот. Опустившись на колени, он прижался губами к дверце шкафа.

– Джессика? Грейс?

– Я слышу тебя, – ответила его жена.

– Дверь заколочена, – сообщил Джим. – Теперь мне нужно найти, куда спрятаться.

– Пожалуйста, побереги себя.

Он положил руку на дверь:

– Я очень люблю вас обеих.

Грейс сказала что-то в ответ, но он не смог расслышать ее слова: слишком глухо они прозвучали. Слишком тихо. Слишком много слез было в ее голосе. Поднявшись на ноги, мужчина взял фонарик и молоток – самое близкое к оружию из всего инструментального набора. У двери в спальню он повернулся и осторожно прикрыл ее за собой. В коридоре было темно.

Последние полчаса были так плотно заполнены криками и визгами, что тишина показалась ему теперь неправильной, обманчивой.

«Где ты спрячешься? Как ты выживешь?»

Тёрнер остановился на верхней площадке лестницы. Его тянуло включить фонарик, но он боялся, что свет привлечет внимание тварей. Ведя рукой по перилам, чтобы не упасть, Джим медленно спускался по скрипящим ступеням. Гостиная была залита непроницаемо-черной тенью. Он направился к входной двери и запер ее на засов, но у него было ощущение, что это не поможет. Судя по тому, что он видел, эти твари врывались в окна.

Остаться в доме? Или уйти?

Тёрнер услышал, как по другую сторону двери что-то скребется. Наклонившись вперед, он выглянул в глазок. Ни один уличный фонарь не горел, но Джим видел, что происходит снаружи: асфальт, столбики штакетника и припаркованные у тротуара машины были слабо озарены светом звезд. Три мерзкие твари ползли по плитам дорожки, ведущей от изгороди к двери. Еще из окна спальни на втором этаже хозяин дома видел, как они рыщут по улице, но впервые узрел их так близко. Ни одно из этих существ не было крупнее его самого, но под их шкурой играли невероятно мощные мышцы. Они выглядели… Словно люди, облаченные в костюмы чудовищ. Вместо пальцев у них были когти, зубы были приспособлены, чтобы грызть и рвать, а выставленные вперед руки казались непропорционально длинными по отношению к остальному телу. Даже длиннее, чем их ноги.

– Из какого ада вы вырвались? – беззвучно, словно молясь, прошептал мужчина.

Они добрались до крыльца.

Страх неожиданно окутал Тёрнера, словно мокрая пелена. Он отпрянул от двери и двинулся обратно сквозь мрак, между диваном и кофейным столиком, а затем в кухню, где звездный свет проникал через окно над раковиной и был достаточно ярким, чтобы подсветить линолеум и указать путь. Джим положил молоток на разделочный столик и снял ключ от черного хода с гвоздя у двери. Когда он вставил ключ в скважину, что-то с силой ударило в парадную дверь. Удар, от которого расщепилось дерево и вылетел замок.

Тёрнер повернул ключ и откинул щеколду. Он открыл дверь черного хода в тот же момент, как вылетела парадная дверь. Лестница, ведущая на второй этаж, к спальне, к шкафу, где прятались его девочки, – вот что первым делом увидят эти чудовища. Джим сделал несколько шагов назад, в темноту кухни и позвал:

– Эй, вы! Сюда!

Визг, разрывающий барабанные перепонки, заполнил дом. Тёрнер ничего не видел, но слышал, как эти твари натыкаются на столы и стулья, несясь к нему. Он бросился вон из дома через черный ход, захлопнул за собой дверь и спрыгнул с единственной ступеньки на идеально подстриженную квадратную лужайку.

Джим помчался мимо собачьей будки к изгороди. Позади него разбилось стекло. А когда он достиг ворот, ведущих в переулок, то оглянулся назад и увидел, как одно из этих существ выбирается наружу через кухонное окно, тогда как два других выскочили из двери черного хода.

Он отдернул засов и ударом плеча распахнул ворота.

Итан

Вопли аберов раздавались менее чем в квартале от парка, когда Итан спустился в люк, схватился за ручку с внутренней стороны крышки и опустил ее над своей головой. По тоннелю перекатывалось эхо сотен голосов, звучащих внизу, достаточно громкое, чтобы заглушить визг чудовищ. Бёрк пошарил по крышке, но с этой стороны не было никакого замка или задвижки, никакого способа запереться от внешнего мира. Он начал спускаться по лесенке – двадцать пять железных скоб, ведущих на дно тоннеля, озаренное светом десятка факелов.

Это была дренажная труба размером шесть на шесть футов. Бетон крошился, корни и побеги тут и там проломили его. Трубе было около двух тысяч лет. Она проходила под всем городом и, помимо кладбища, была единственным изначальным сооружением, оставшимся от Заплутавших Сосен двадцать первого века. От нее веяло холодом, сыростью и древностью.

Люди стояли сплошной шеренгой, прижавшись спинами к стене, словно школьники, собранные на какие-то зловещие учения. Напряженные. Ожидающие. Дрожащие. Глаза некоторых были широко распахнуты, а у других на лицах и вовсе отсутствовало всякое выражение, как будто эти люди никак не могли принять то, что с ними происходит.

Итан быстрым шагом направился по тоннелю к Кейт.

– Все спустились? – спросила она.

– Да. Веди колонну. Мы с Гектором будем замыкающими.

Когда Бёрк двинулся назад вдоль шеренги, он приложил палец к губам, призывая всех к молчанию. Проходя мимо жены и сына, поймал взгляд Терезы, подмигнул ей и на миг сжал ее руку, после чего тут же поспешил дальше. К тому времени когда он достиг хвоста колонны, все уже двинулись в путь.

Шериф отозвал из колонны последнего человека, несущего факел. Это была женщина, которая по выходным дежурила за барной стойкой в «Биргартене». Кажется, ее звали Мэгги.

– Что вам от меня нужно? – спросила барменша. Она была молода и напугана.

– Просто держи свой факел и свети нам, – велел ей Бёрк. – Ты Мэгги, верно?

– Да.

– А я Итан.

– Я знаю.

– Идем.

Вся группа двигалась достаточно медленно, так что Итан, Гектор и Мэгги приотстали, не боясь потеряться. Свет факела подсвечивал стены и играл на крошащемся бетоне, озаряя отрезок тоннеля на сорок футов в обе стороны. Пустой промежуток между стенами позади беглецов был тревожно-черным. Слышался лишь звук шагов, шлепанье ног по воде, несколько приглушенных голосов и больше – почти ничего.

Пока они шли, мысли Итана обратились к Терезе и Бену. Они были всего в пятидесяти футах от него, но он не хотел бы в таких обстоятельствах отдаляться от них даже на пару шагов. Их группа подошла к перекрестку, и факел Мэгги вырвал из тьмы пересечение тоннелей. На долю секунды шерифу показалось, что он слышит крики, доносящиеся из темноты, но они потерялись в шуме шагов его группы.

– У нас всё в порядке? – спросила Мэгги.

Голос ее дрожал.

– Да, – ответил Итан. – Скоро мы будем в безопасности.

– Мне холодно.

Ее маскарадный костюм состоял из бикини, надетого под дождевик, и сапожек с меховой отделкой.

– Там, куда мы идем, у нас будет огонь, – заверил ее Бёрк.

– Я боюсь.

– Ты держишься молодцом, Мэгги.

Миновав два перекрестка, они свернули направо, в другой тоннель.

Проходя мимо старой железной лесенки, ведущей наверх, во тьму, Итан остановился.

– Что это за звук? – спросил Гектор.

Шериф оглянулся на свою спутницу:

– Дай мне свой факел.

– Зачем? – удивилась барменша.

Бёрк забрал у нее горящую палку и отдал ей дробовик. Потом он полез вверх, хватаясь одной рукой за перекладины, а второй сжимая факел. На десятой ступеньке снизу донесся голос Гектора:

– Итан, не хочу жаловаться, но теперь тут ничего не видно!

– Я вернусь через минуту, – пообещал шериф.

– Что ты делаешь?! – вскрикнула Мэгги.

В ее голосе звучали слезы, но Бёрк продолжал карабкаться вверх, пока не ударился головой о крышку люка. Он держался за верхнюю ступеньку лестницы, и факел в его руке освещал изнанку крышки. Жар пламени обжигал лицо.

Мэгги и Гектор продолжали взывать к нему. Итан чуть приподнял крышку. По сравнению с темнотой тоннеля озаренный звездным светом город был виден, словно днем. Шум, который заставил шерифа подняться по лестнице, был криком – человеческим. И Итан никак не мог осознать то, что теперь видел.

Какой смысл можно найти в том, что посреди улицы, которая словно сошла с обложки субботнего «Ивнинг пост», мечутся люди, преследуемые ордой чудовищ – белесых, бледных, подобных призракам в ночи? Одни мчались на задних конечностях, другие – на четвереньках, проворные и быстрые, точно волки.

Все происходящее воспринималось отрывисто, словно бы «по кусочкам» – последовательностью неизгладимых из памяти картин.

Из ближайшего дома доносятся крики – аберы вламываются внутрь через выходящее на улицу окно. Три других твари набегают на одного из распорядителей празднества, который остановился и в последний момент повернулся к ним, но взмахнул своим мачете слишком рано. Лезвие на пару дюймов разминулось с носом переднего чудища, в то время как двое других повалили человека наземь. Тридцатью ярдами дальше абер вытягивает из распоротого живота своей жертвы внутренности и поглощает их, в то время как человек, пришпиленный к мостовой его когтями, издает последний в своей жизни звук – ужасный, отчаянный вопль. Посреди Главной улицы огромный абер стоит над Меган Фишер, терзая ее. Десятки тел уже разбросаны по Главной, большинство лежит совершенно неподвижно в лужах собственной крови, двое слабо пытаются куда-то ползти, троих пожирают заживо. Словно в ужасной игре, никто не пытается бежать в каком-то определенном направлении.

Итан ощутил желание выбраться из-под земли и помочь людям. Спасти хоть кого-нибудь. Хотя бы одного человека. Убить хотя бы одно из этих чудовищ. Но это означало бы смерть – у него не было даже дробовика. Эта группа людей – одна четверть населения Заплутавших Сосен – была перехвачена на пути к спасительному люку. У них не было никакого оружия, кроме нескольких мачете. Но если бы даже они все были вооружены, сыграло бы это хоть какую-то роль? Сыграет ли это роль для группы Бёрка, если аберы найдут вход в тоннели?

Ужасная мысль.

«Думай о своих родных, – уговаривал себя шериф. – Сейчас они там, внизу. Ты нужен им. Ты нужен им живым».

– Итан! – закричала Мэгги. – Спускайся!

По улице мимо люка пробежал человек – Бёрк никогда не видел, чтобы кто-то мчался так отчаянно. Такая скорость и выплеск сил могли быть порождены только ужасом перед неотвратимой и невообразимой смертью. Бегущего преследовал монстр, несшийся на четвереньках и быстро настигающий жертву. Когда человек оглянулся, шериф узнал в нем Джима Тёрнера, городского дантиста. Второй абер врезался в Джима на полной скорости, и от этого невероятной силы удара шея мужчины с хрустом сломалась.

Итан никак не мог отделаться от вопросов: а что, если бы он не выступил перед горожанами с разоблачением? Что, если бы он позволил им убить Кейт и Гарольда и оставить все и дальше так, как было всегда? Тогда эти люди наверняка сейчас не умирали бы…

Шериф осторожно опустил крышку люка и начал спускаться. Внизу истерически рыдала Мэгги. Гектор пытался успокоить ее. Бёрк спрыгнул на дно тоннеля, вернул барменше факел и взял у нее дробовик, после чего коротко сказал:

– Идем.

Вся остальная их группа быстро двигалась по тоннелю и уже скрылась из виду.

– Что происходит там, наверху? – спросила Мэгги.

– Одна из групп не успела вовремя спуститься под землю, – ответил Итан.

– Мы должны помочь им! – вскинулся Гайтер.

– Им уже ничем не поможешь.

– Что это значит? – не поняла женщина.

Бёрк различил вдали отблеск факелов и ускорил шаг.

– Мы должны сосредоточиться на том, чтобы увести людей в безопасное место. И ни на чем ином.

– Те люди – они погибли? – настаивала Мэгги на ответе.

– Да.

– Сколько?

– Я полагаю, в конечном счете все они.

Ричардсоны

Боб Ричардсон сел за руль своего «Олдсмобиль Катлас Сиерра» 1982 года и завел мотор. Его жена, Барбара, взгромоздилась на переднее пассажирское сиденье рядом с ним.

– Это глупейшая идея, – сказала она.

Боб нажал на газ и выехал на темную улицу.

– А что ты предлагаешь? – спросил он. – Ждать в доме, пока не вломятся эти твари?

– Ты не включил фары, – заметила жена.

– Я специально, дорогая.

– А ты не думаешь, что они слышат наш мотор?

– Ты не могла бы заткнуться и позволить мне спокойно вести машину? Пожалуйста.

– Конечно. Это будет самая короткая поездка в нашей жизни, учитывая, что за пределами города нет дорог.

Боб свернул на Первую авеню. Он не был готов признать правоту жены ни на словах, ни действием (то есть включить фары), но вокруг и вправду было очень темно. Вероятно, слишком темно, чтобы ехать без света. Прошло несколько месяцев с тех пор, как Ричардсон садился за руль, и сейчас он ощущал себя неуверенно, как будто почти разучился водить машину. Они миновали шерифский участок. Стекла «Олдсмобиля» были подняты, и крики, доносящиеся из города, почти не нарушали напряженную тишину в машине. Вскоре «Сиерра» достигла окраин.

Сквозь свое окно Боб увидел какое-то движение на пастбище.

– Они там, снаружи, – сказала Барбара.

– Знаю.

Женщина протянула руку поверх колена мужа и зажгла фары. Два луча ударили через луг наискосок. Десятки растерзанных коровьих туш усеивали пастбище, и над каждой из них сгрудилась кучка чудовищ, желающих насытиться.

– Черт побери, Барбара! – воскликнул водитель.

Все твари подняли морды от своей добычи, и их окровавленные пасти засверкали в свете фар. Боб вдавил педаль акселератора в пол.

Они промчались мимо щита на выезде – идеальная семья 1950-х годов улыбается и машет руками. «МЫ НАДЕЕМСЯ, ЧТО ВАМ ПОНРАВИЛСЯ ВИЗИТ В ЗАПЛУТАВШИЕ СОСНЫ! НЕ РАССТАВАЙТЕСЬ С НАМИ НАДОЛГО! ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ ПОСКОРЕЕ!»

Дорога вела в лес. Ричардсон убавил мощность фар, оставив лишь противотуманки, мощности которых хватало, чтобы различать дорогу с разделительной полосой посередине. Клочья тумана летели поперек узкой просеки в густой сосновой чаще. Боб все время поглядывал в зеркало заднего вида, но видел лишь крохотный участок убегающего асфальта, озаренный красными хвостовыми огнями.

– Езжай быстрее! – попросила его Барбара.

– Не могу. Впереди крутой поворот.

Пассажирка перелезла назад между креслами и оперлась коленями о заднее сиденье, вглядываясь во тьму позади.

– Есть что-нибудь? – спросил ее муж.

– Ничего. Что мы будем делать?

– Не знаю. Но мы хотя бы не в городе, не посреди всего этого. Может быть, мы сумеем просто уехать в какое-нибудь тихое местечко в лесу? – неуверенно предположил Ричардсон. – Оставить этот ужас позади?

– А что, если он бесконечный? – возразила его супруга.

Вопрос повис между ними, подобно черной туче. Дорога тем временем сделала поворот, и Боб свернул, держа скорость не выше двадцати миль в час. Барбара плакала на заднем сиденье.

– Я хотела бы, чтобы он не говорил нам… – выдавила она.

– О чем это ты? – не понял водитель.

– О шерифе Бёрке. Все это случилось потому, что он сказал нам правду!

– Наверное, ты права.

– Не могу сказать, что я так уж любила этот городок, но знаешь что? – Женщина всхлипнула. – Мне не нужно было тревожиться о счетах. Не нужно было волноваться об ипотеке. Мы с тобой держали пекарню…

– Ты привыкла к такому положению вещей.

– Именно.

– Но мы не могли говорить о нашем прошлом, – напомнил Боб жене. – Не могли повидаться с нашими друзьями или родными. Нас заставили вступить в брак.

– И это оказалось не так уж плохо, – возразила миссис Ричардсон.

Шофер промолчал – в этот момент он как раз вел машину через крутой поворот. Дорога, ведущая из города, внезапно превратилась в дорогу, стремящуюся в город. Мужчина сбросил газ, когда они проехали щит с приветственным плакатом. Заплутавшие Сосны лежали впереди, окутанные мраком. Боб позволил машине проехать еще немного и остановиться, а потом заглушил двигатель.

– Мы будем просто ждать здесь? – спросила Барбара.

– Пока что – да.

– Разве нам не нужно ехать?

– У нас почти не осталось бензина.

Женщина перелезла обратно на переднее сиденье и напомнила:

– Там умирают люди. Прямо сейчас.

– Знаю.

– Будь проклят этот шериф!

– Я рад, что он это сделал.

– Что?

– Я сказал, что рад.

– Нет, я расслышала это. Я имею в виду: почему ты рад? Наших соседей убивают сейчас там, Боб…

– Мы были рабами.

– И как тебе нравится наша новая свобода?

– Если это конец, я счастлив, что узнал правду.

– Ты не боишься?

– Я в ужасе.

Ричардсон открыл дверцу.

– Куда ты идешь? – спросила его супруга.

Неяркий свет потолочной лампочки буквально ослепил водителя.

– Мне нужно побыть одному, – ответил он уклончиво.

– Я не выйду из машины.

– И будешь права, дорогая.

Итан

Пока они догоняли свою группу, шериф Бёрк ощущал растущее несоответствие между тем, что он видел наверху, и тем фактом, что здесь, в тоннеле, люди все еще живы. Это напомнило ему о том, каким отвратительно хаотическим, неупорядоченным образом действует рок во время боя: если б ты сделал шаг влево, а не вправо, то пуля пронзила бы твой глаз, а не глаз твоего товарища. Если б Кейт повела их группу к другому входу в тоннели, то на Главной улице могли бы сейчас убивать Итана и его семью. И теперь Бёрк прилагал неимоверные усилия, чтобы выкинуть из головы образ полурастерзанной Меган Фишер на мостовой. Он видел достаточно смертей и разрушений в Ираке, чтобы понять: именно бедняжка Меган будет преследовать его в кошмарах в течение многих ночей. И еще шериф знал, что никогда не перестанет гадать: что было бы, если б он рискнул всем и вышел наружу? Что, если б он убил напавшего на эту женщину абера? Спас бы ее? Уволок бы ее в тоннель? Итан проигрывал эту сцену в мыслях снова и снова, пока она не достигла идеальной четкости, как это бывает с фантазиями. Все, что угодно, лишь бы вытеснить эту картину: женщина, лежащая посреди дороги, и абер над ее телом… Хватит того, что со времен войны он не может забыть и никогда не забудет разные эпизоды невыразимых мучений и смерти. Но увиденное только что превосходило все, что он видел на войне.

Они с Мэгги и Гектором догнали колонну как раз в тот момент, когда та повернула в очередной тоннель. «Одна четверть человечества только что была уничтожена», – думал Итан.

Он бросил взгляд вдоль колонны и различил в тусклом свете затылок Терезы. Ему очень хотелось оказаться поближе к ней и Бену.

Меган на улице.

Хватит.

Меган кричит.

Хватит.

Меган…

Одинокий пронзительный вой разнесся по тоннелю. Мэгги и Гектор остановились, Итан поднял дробовик. Факел в руке барменши задрожал крупной дрожью, а шериф оглянулся. Колонна замерла: все слышали этот вой и теперь вытягивали шеи, напряженно всматриваясь в темноту тоннеля. Бёрк обратился сразу ко всем:

– Продолжайте идти дальше. Не останавливайтесь, что бы ни случилось. Просто идите!

Люди продолжили путь. Пройдя футов пятьдесят, Мэгги сказала:

– Кажется, я что-то слышу.

– Что? – спросил Гайтер.

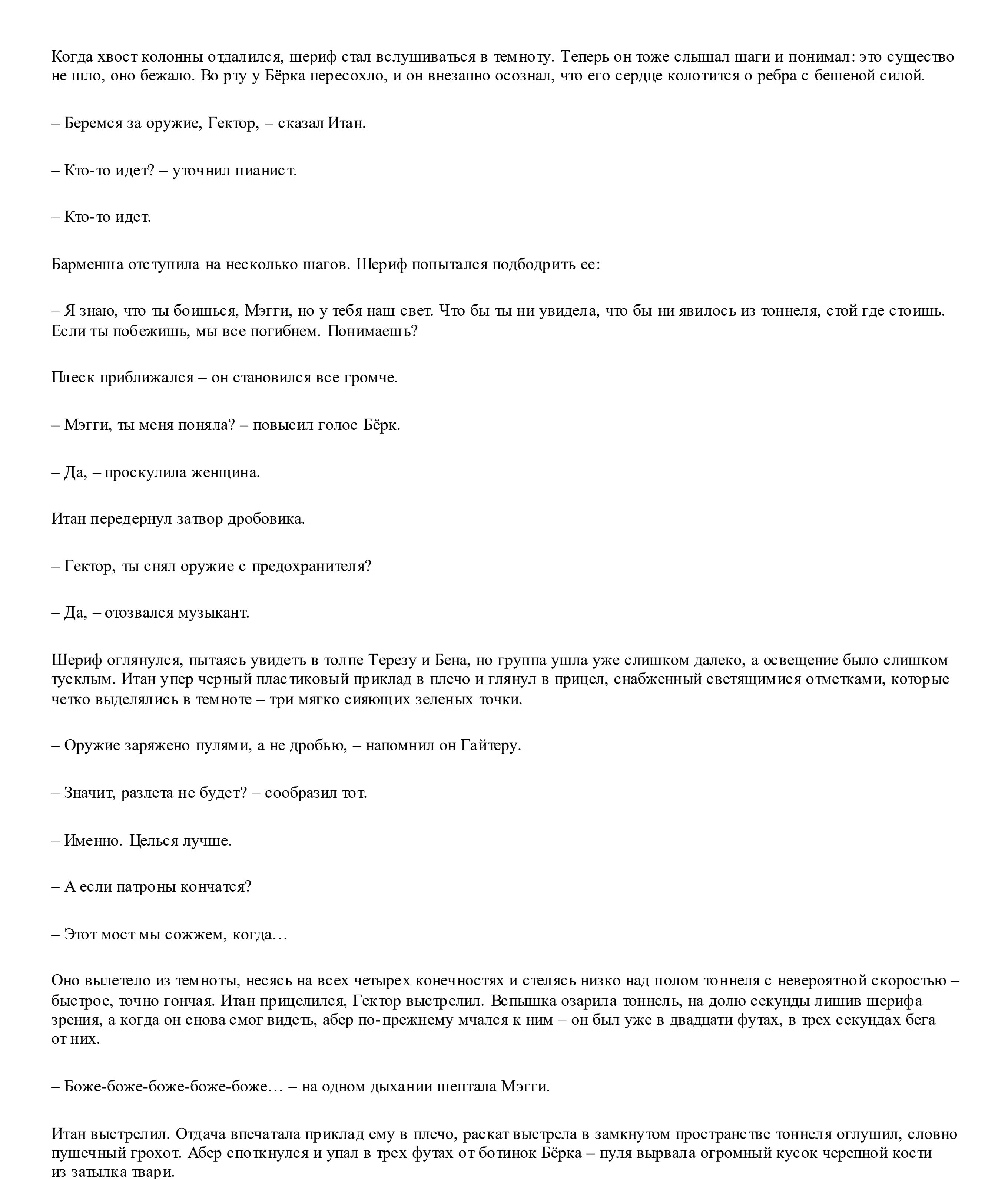
– Это похоже на… плеск. Как будто кто-то идет по воде.

– Это шаги нашей группы, – заверил ее пианист.

Женщина покачала головой и указала в темноту:

– Оно доносится с той стороны.

– Приготовьтесь, – приказал Итан. – Мы идем последними. Пусть все пройдут дальше.

Когда хвост колонны отдалился, шериф стал вслушиваться в темноту. Теперь он тоже слышал шаги и понимал: это существо не шло, оно бежало. Во рту у Бёрка пересохло, и он внезапно осознал, что его сердце колотится о ребра с бешеной силой.

– Беремся за оружие, Гектор, – сказал Итан.

– Кто-то идет? – уточнил пианист.

– Кто-то идет.

Барменша отступила на несколько шагов. Шериф попытался подбодрить ее:

– Я знаю, что ты боишься, Мэгги, но у тебя наш свет. Что бы ты ни увидела, что бы ни явилось из тоннеля, стой где стоишь. Если ты побежишь, мы все погибнем. Понимаешь?

Плеск приближался – он становился все громче.

– Мэгги, ты меня поняла? – повысил голос Бёрк.

– Да, – проскулила женщина.

Итан передернул затвор дробовика.

– Гектор, ты снял оружие с предохранителя?

– Да, – отозвался музыкант.

Шериф оглянулся, пытаясь увидеть в толпе Терезу и Бена, но группа ушла уже слишком далеко, а освещение было слишком тусклым. Итан упер черный пластиковый приклад в плечо и глянул в прицел, снабженный светящимися отметками, которые четко выделялись в темноте – три мягко сияющих зеленых точки.

– Оружие заряжено пулями, а не дробью, – напомнил он Гайтеру.

– Значит, разлета не будет? – сообразил тот.

– Именно. Целься лучше.

– А если патроны кончатся?

– Этот мост мы сожжем, когда…

Оно вылетело из темноты, несясь на всех четырех конечностях и стелясь низко над полом тоннеля с невероятной скоростью – быстрое, точно гончая. Итан прицелился, Гектор выстрелил. Вспышка озарила тоннель, на долю секунды лишив шерифа зрения, а когда он снова смог видеть, абер по-прежнему мчался к ним – он был уже в двадцати футах, в трех секундах бега от них.

– Боже-боже-боже-боже-боже… – на одном дыхании шептала Мэгги.

Итан выстрелил. Отдача впечатала приклад ему в плечо, раскат выстрела в замкнутом пространстве тоннеля оглушил, словно пушечный грохот. Абер споткнулся и упал в трех футах от ботинок Бёрка – пуля вырвала огромный кусок черепной кости из затылка твари.

– Ого! – вырвалось у пианиста.

Его голос казался Итану приглушенным – в ушах у шерифа все еще звенело. Они рысцой двинулись по тоннелю, нагоняя группу – ее местонахождение теперь было обозначено лишь далеким отблеском света. По мере того как к Бёрку возвращался слух, он начал слышать все новые и новые завывания, отдающиеся в тоннелях.

– Быстрее, – скомандовал Итан.

Мужчина слышал шаги аберов по ручью, приближающиеся сзади. Он постоянно оглядывался через плечо, во тьму, но ничего не видел.

Все трое перешли на бег. Мэгги мчалась впереди, Итан и Гектор – сзади, бок о бок, время от времени сталкиваясь локтями. Они миновали перекресток. Из тоннеля справа неслись крики, визги, вой…

Гарольд Бэллинджер

Сначала закричали люди, шедшие последними. Крики эхом разносились в темноте – человеческие, нечеловеческие.

– …бегите, бегите, бегите!..

– …о, Боже, они здесь…

– …помогите, помогите!..

– …нет, нет, нет, не-е-ет!..

Словно волна пробежала по колонне – люди сталкивались и падали в воду под ногами. Звучали все новые крики о помощи, а потом – предсмертные вопли. Все рассыпалось так быстро…

Гарольд развернулся, чтобы кинуться назад, но там уже ничего не было. Все факелы погасли. Только темнота и крики – вспышки шума, отдающиеся от стен дренажной трубы. Единственной мыслью мужчины было: «Должно быть, такие звуки раздаются в аду». Он слышал выстрелы в соседнем тоннеле.

Кейт?

Тиффани Голден выкрикнула его имя. Она кричала, приказывая всем бежать. Спасаться. Не стоять здесь. Голден находилась футах в тридцати дальше по тоннелю и держала последний факел, оставшийся у их группы. Люди проталкивались мимо Бэллинджера, кто-то ударом плеча припечатал его к рассыпающейся бетонной стене. Крики умирающих звучали все ближе…

Гарольд побежал, зажатый между двумя женщинами. Вскоре они вырвались вперед, колотя его локтями по бокам и стремясь добежать до тускнеющего света. Бэллинджер думал, что идти оставалось уже недолго. Триста-четыреста ярдов, самое большее, а потом тоннель выведет их в лес. Если бы они только смогли выйти наружу, хотя бы половина из них…

Впереди раздался новый вопль, и факел погас. Крики во внезапно наступившей темноте стали втрое громче. Гарольд почти физически ощущал в воздухе панику, и отчасти эта паника была его собственной. Его сбили с ног в текущую по тоннелю воду, кто-то пробежал по его ногам, а потом по туловищу. Бэллинджер пытался подняться, но снова упал. Люди перелезали через него, словно через неодушевленное препятствие, кто-то наступил ему на голову…

Откатившись с их пути в сторону, Гарольд все-таки сумел встать. Что-то пронеслось мимо него в темноте – оно смердело разложением. В нескольких футах кто-то умолял о помощи, но крики заглушал звук разгрызаемых костей и хрящей. Страх Бэллинджера словно сжался, придавленный грузом неверия в происходящее.

Надо было идти. Точнее, бежать. Бедолага, моливший о помощи, умолк, и теперь слышно было лишь, как чудовище пожирает свою добычу. Как такое вообще могло случиться?

Вонючее дыхание коснулось лица Гарольда, и в нескольких дюймах от него раздался низкий протяжный рык.

– Не надо, – вымолвил мужчина.

Внезапно его шею обожгло, и на грудь потекло что-то теплое. Бэллинджер по-прежнему мог дышать, он не ощущал боли, но из шеи у него обильно струилась кровь. Миг спустя у него закружилась голова. Беглец осел в ледяной поток, и тогда тварь одним взмахом лапы распорола ему живот. Боль чувствовалась слабо, словно издалека, хотя абер уже начал его жрать. Вокруг Бэллинджера слышались стоны и крики умирающих, испуганных людей, кто-то по-прежнему пробегал мимо впотьмах, пытаясь найти спасение, но сам Гарольд не издавал ни звука.

Он не пытался бороться, парализованный шоком, потерей крови, ранами, страхом, он не мог поверить, что это происходит с ним. Тварь поедала его с жадностью зверя, не кормленного много дней; когти задних лап впивались в лодыжки Бэллинджера, а передние лапы пригвоздили руки мужчины к бетону. Но он по-прежнему не ощущал никакой боли.

«Мне повезло», – успел подумать Гарольд, и это было правдой: он умер до того, как пришла настоящая боль.

Итан

Неприкрытое человеческое страдание и ужас. Хаос…

– Не останавливаться! – закричал Бёрк. – Вперед!

«Неужели напали на другую группу в соседнем тоннеле?» – думал он. Невообразимо…

Твари настигали беглецов, набрасывались, рвали их на части… Люди лезли один через другого в попытке спастись от чудовищ, роняли факелы и падали в поток. Их пожирали во тьме.

Далеко впереди померк свет от факела группы Итана.

– Куда они делись? – задыхаясь от страха, спросил шериф.

– Не знаю, – отозвался Гектор. – Свет просто исчез…

Вода под ботинками Бёрка теперь неслась стремительным потоком – уклон трубы увеличился, и навстречу беглецам дул холодный ветер. Они вышли из тоннеля в каменистое ущелье, и на миг визг аберов сменился шумом воды – она падала с высоты где-то поблизости, но в ночи ничего не было видно. Итан взглянул вверх и увидел, как факелы цепочкой скрываются в лесу. Он указал на них своим спутникам и скомандовал:

– Идите за огнями!

– Ты остаешься? – удивился Гайтер.

– Я скоро вас догоню.

Сквозь рев водопада прорезался вой аберов.

– Вперед! – рявкнул шериф.

Гектор и Мэгги поспешили к лесу.

Бёрк дослал в затвор новый патрон и влез по склону на несколько футов выше, туда, где была ровная площадка. Глаза его медленно привыкали к ночной темноте. Он уже различал силуэты деревьев и даже водопад вдали – черная вода отблескивала в свете звезд, переливаясь через край скалы на высоте нескольких сотен футов.

Мышцы Итана ныли от бега по тоннелю, а рубашка, несмотря на холод, промокла от пота. Абер вырвался из тоннеля и остановился в ущелье, сориентировался в новой обстановке и посмотрел на Бёрка… «Ну вот, началось!»

Тварь повернула голову вбок. Пуля ударила в туловище абера, и он рухнул обратно в ручей, но на смену ему из тоннеля выскочили еще два монстра. Один бросился к павшему собрату и испустил низкий прерывистый крик, а второй помчался к Итану, карабкаясь на четвереньках по каменистому откосу.

Шериф передернул затвор и выстрелил твари прямо в пасть. Она упала, но ее собрат уже несся следом, и еще два чудовища выбегали из тоннеля.

Передернуть затвор. Выстрелить.

Те два абера приближались, а из тоннеля позади них доносились все новые крики. Первого Бёрк повалил выстрелом из дробовика, но, стреляя в голову второму, промахнулся. Он дослал новый патрон, выстрелил почти в упор и попал аберу в нижнюю часть шеи. Кровь брызнула Итану в глаза, он вытер лицо, и тут на сцене появился еще один абер. Бёрк дернул затвор, нажал на спуск, но вместо выстрела раздался негромкий щелчок. *Да чтоб тебя!*

Абер тоже услышал этот звук и рванулся вперед. Шериф бросил разряженный дробовик, выхватил «Пустынного орла» и послал пулю прямо в сердце твари. Пороховой дым клубился в воздухе, сердце Итана готово было выскочить из груди, а из тоннеля по-прежнему неслись вопли. «Бежать, бежать, бежать…»

Бёрк сунул пистолет в кобуру, подхватил дробовик и полез вверх по склону, цепляясь за камни и влажную землю, пока не достиг деревьев. Едкий соленый пот заливал ему глаза.

Вдали маячили огни, а позади раздавались крики. Итан перебросил дробовик за плечо и побежал. Минуту спустя вой аберов зазвучал по-иному.

Они выбрались наружу – во множестве. Но шериф не стал оглядываться. Он продолжал бежать, продолжал карабкаться.

Часть III

Адам Тобиас Хасслер

Экспедиция Хасслера

Северо-западный Вайоминг

678 дней назад

Ярко окрашенные водоросли обрамляли отмель, струйки минеральной воды булькали, вырываясь на поверхность из вулканического мира жидкой лавы, лежащего под земной корой. В воздухе висел сильный запах серы и прочих минералов. Хасслер разделся донага под падающим снегом и спрятал свою одежду и снаряжение под вонючим пыльником. Шурша травой, он соскользнул в пруд и застонал от удовольствия.

В центре пруда было довольно глубоко, и вода была прозрачной и синей, как небо. Мужчина нашел вблизи от берега местечко глубиной фута в полтора и вытянулся на длинном гладком камне, являющем собой настоящий природный лежак. Чистое, незамутненное удовольствие… Как будто и пруд, и этот камень существовали здесь нарочно для таких случаев.

Адам валялся в пруду температурой сорок градусов по Цельсию, а сверху валил снег. Он закрыл глаза, ощущая легкое эйфорическое покалывание, напоминавшее ему о том, что значит быть человеком. Жить в цивилизованном мире обыденности и комфорта. Там, где возможность смерти не омрачает каждую секунду твоего существования.

Но осознание того, где он находится, кто он такой и почему он здесь, не отступало. Настороженный голос – тот, что хранил его живым последние восемьсот с лишним дней пребывания в глуши, – шептал, что было глупо останавливаться ради купания в этом пруду. Безрассудное потакание своей слабости. Это не спа-салон. И в любой момент могут появиться стаи аберов.

Обычно Хасслер был бдителен и не допускал ни малейших промахов, но этот пруд был настоящим подарком свыше, и человек знал, что воспоминание об этих минутах будет поддерживать его в течение многих грядущих недель. Кроме того, во время такой метели карта и компас бесполезны. Он просто погреется и отмокнет, пока не установится хорошая погода.

Адам снова закрыл глаза, чувствуя, как снежные хлопья ложатся ему на ресницы. Вдалеке он услышал звук, похожий на тот, с каким вырывается вода из дыхательного отверстия кита – это извергался один из мелких гейзеров.

Собственная улыбка удивила Хасслера. Впервые он увидел это место на тусклых цветных фотографиях в последнем томе энциклопедии «Британника» в подвале родительского дома. Она была выпущена в шестидесятые годы двадцатого века. На снимке толпа смотрела с набережной, как Олд-Фейтфул выплевывает струю кипящей минеральной воды.

Адам мечтал побывать здесь с детских лет. Он и представить себе не мог, что его первый визит в Йеллоустон состоится при таких обстоятельствах.

Через две тысячи лет, когда весь мир превратится в ад.

*** * ***

Хасслер нагреб пригоршню мелкой гальки и стал оттирать грязь и кожный жир, покрывшие его тело, подобно броне. В середине пруда, где глубина была больше его роста, он с головой ушел под воду.

Чистый впервые за много месяцев, мужчина выбрался из пруда и сел на прибитой морозом траве, чтобы дать телу остыть. Пар поднимался от его плеч, тепло дурманило голову. На другой стороне луга хвойные деревья высились, подобно призракам, почти невидимые за паром и снегом.

А потом… То, что Адам принимал за куст, начало двигаться, и сердце Хасслера замерло. Он выпрямился и прищурился.

Трудно сказать, как далеко находилось это существо, но до него в любом случае было не больше ста ярдов. С такого расстояния его можно было легко принять за человека, ползущего на четвереньках – вот только в мире больше не существовало людей. По крайней мере, вне ограды с колючей проволокой и подведенным током высокого напряжения, которая окружала город Заплутавшие Сосны.

Точнее, за пределами этого города существовал один человек – сам Хасслер.

Существо приближалось. Нет – не одно существо. Их было три.

«Ты идиот!» – обругал себя Адам. Он сидит тут, голый, а его основное средство защиты – револьвер калибра.357 – засунуто в карман пыльника на берегу пруда. Но даже «смит-и-вессон» вряд ли сильно помог бы ему против трех аберов на близком расстоянии, да еще в метель, когда видимость почти нулевая. Если б он приготовился заранее, если б заметил их издалека, то мог бы уложить одного или двух из «Винчестера». А потом пустить последнему пулю в голову из револьвера – почти в упор.

Но все эти мысли были бесполезны: чудовища направлялись к пруду. Хасслер бесшумно скользнул в воду и погрузился по шею. Теперь он едва видел монстров сквозь пар и молился, чтобы этот же пар препятствовал и их зрению. Когда аберы приблизились, человек нырнул по самые глаза. Один из монстров оказался взрослой самкой, остальные двое – помоложе и потоньше – были не крупнее четырех футов. И все же даже такие детеныши были смертоносны. Адам Тобиас однажды видел, как более мелкие аберы одолели матерого бизона. Самка же, на которую он смотрел сейчас, была вдвое крупнее любого из них.

С расстояния в шестьдесят футов было хорошо видно, как мать останавливается над грудой его одежды и снаряжения. Она опустила нос к самому пыльнику, а юнцы встали рядом с ней и тоже принялись нюхать.

Хасслер всплыл на несколько миллиметров, так, чтобы ноздри оказались над водой. Сделав длинный глубокий вдох, он нырнул, выдохнув из легких достаточно воздуха, чтобы тело погрузилось в воду. Через пару секунд Адам уже сидел на каменистом дне пруда. Струйки горячей воды пробивались сквозь крошечные трещинки в камне под его ногами. Он закрыл глаза. В легких нарастали давление и боль, от нехватки кислорода в голове словно вспыхивали снопы искр. Хасслер вонзил ногти в икры ног – жажда воздуха нарастала, ширилась, поглощала все.

Когда Адам почувствовал, что больше не в состоянии выдерживать это, он всплыл на поверхность и стал хватать воздух ртом.

Аберы ушли. Мужчина начал медленно поворачиваться в воде – дюйм за дюймом… И замер, хотя желание рвануться назад и побежать прочь было почти неодолимым. В десяти футах от него, вытянув морду к воде, стоял у края пруда один из молодых аберов. Тварь не двигалась. Голова ее была слегка склонена набок, словно что-то ее заворожило.

Изучает свое отражение?

Хасслер видел этих монстров более чем достаточно, но в основном в оптический прицел винтовки и на большом расстоянии. Он никогда не оказывался так близко к одному из них, причем еще и оставаясь незамеченным. И теперь Адам не мог отвести глаза от сердца твари: биение мышечного мешка было различимо сквозь прозрачную шкуру, и мужчина видел, как кровь пульсирует в его артериях – алых дорожках, окутывающих центральную часть тела. Все это виделось расплывчато и туманно, словно через пластинку полированного кварца. Глаза у абера были маленькими и напоминали черные алмазы – жесткие и потусторонние. Но, как ни странно, не ужасные черты монстра внушали Хасслеру такой страх. Хуже было другое. Сквозь жуткий облик – лапы с пятью когтями на каждой, ряды бритвенно-острых зубов, невероятная физическая сила – просвечивало что-то человеческое. Было неоспоримо, что эти существа произошли от людей и теперь мир принадлежит им. Дэвид Пилчер,

босс Хасслера и создатель Заплутавших Сосен, предполагал, что на одном только этом континенте обитает полмиллиарда аберов.

Пар был густым, но Адам не осмеливался снова нырнуть под воду. Он не шевелился, а абер по-прежнему рассматривал свое отражение в воде. Или тварь увидит путешественника, и тогда он умрет, или…

Издали донесся крик самки.

Молодой монстр вскинул голову. Мать закричала снова, ее голос звучал настойчиво и угрожающе, и абер помчался прочь.

Хасслер прислушивался, как три чудовища уходят прочь от пруда, и к тому времени, как он осмелился чуть-чуть пошевелиться – быстро повернуть голову, – они уже скрылись в пелене метели.

*** * ***

Адам ждал, пока закончится снегопад, но снег все продолжал валить. Человек выбрался из пруда и стряхнул три дюйма белого покрова со своего пыльника. Прежде чем сунуть ноги в ботинки, он тщательно вытер их.

Набросив плащ на мокрое тело, Хасслер взял остальные свои вещи и рысцой побежал через прогалину к сосновой роще. Нырнув под навес низко склоненных ветвей, которые защищали землю не хуже соломенной крыши, он, уже дрожа от холода, бросил вещи наземь и рывком открыл рюкзак. На самом верху лежал клок сухого лишайника, а под ним – пучок трута, собранный им в это утро.

Трут загорелся от третьей искры.

Когда в костре начали заниматься мелкие веточки, Адам отломил несколько сухих сосновых сучьев, оказавшихся поблизости, и переломил их через колено.

*** * ***

Огонь пылал, и холод отступал. Хасслер стоял нагим, греясь у огня. Вскоре он оделся и устроился поудобнее, прислонившись спиной к стволу дерева и вытянув руки к костру. За пределами его импровизированного укрытия все падал и падал снег, засыпая луг. Приближалась ночь.

Адам был в тепле и сухости. И на данный момент… Не мертв. Учитывая все происходящее в этом поганом новом мире, человек вряд ли мог надеяться на большее в конце долгого холодного дня.

*** * ***

Когда он в следующий раз открыл глаза, небо просвечивало сквозь ветви глубокой синевой, а луг был покрыт искрящимся белым покровом толщиной в фут. Костер прогорел уже несколько часов назад. Молодые деревца на лугу согнулись под тяжестью снега, образовав маленькие арки.

Благодаря горячим источникам Хасслер впервые за много месяцев не чувствовал, поднимаясь на ноги, что его суставы скрипят, словно ржавые петли. Он хотел пить, но вода во фляге за ночь замерзла. Адам съел немного вяленого мяса – ровно столько, чтобы отогнать безумный, яростный голод, всегда мучивший его после пробуждения. Подняв винтовку, он осмотрел прогалину, выискивая малейший намек на движение. Было градусов на шесть-семь холоднее, чем вчера, – пожалуй, почти минус двадцать, – и струи пара, поднимавшиеся над горячими источниками, сливались в облако, не рассеиваясь в воздухе. Помимо них, в этом зимнем пейзаже не было видно ни единого шевеления.

Хасслер достал компас и обрывок карты, а потом навьючил на плечи рюкзак. Выбравшись из-под нависающих ветвей, он пустился в путь через луг. Было холодно и совершенно безветренно, солнце недавно встало из-за горизонта. В центре луга Адам остановился и оглядел местность сквозь оптический прицел «винчестера».

По крайней мере, в данный момент он был здесь один.

* * *

По мере того как солнце поднималось все выше, блеск снежного покрова становился нестерпимым. Хасслер мог бы остановиться и достать темные очки, но долгожданный полумрак леса был уже совсем рядом. Здесь сплошь росли корабельные сосны – двухсотфутовые гиганты с прямыми стройными стволами и редкими кронами. Путь через лес был куда более опасным, и на опушке путник остановился, чтобы достать из внутреннего кармана пыльника свой револьвер и проверить заряд.

Лес шел вверх по склону. Солнце пробивалось среди сосен яркими столбами света.

* * *

Адам вышел на гребень холма. Возникшее в поле его зрения озеро сияло, как самоцвет. Вблизи от берега вода замерзла, но в центре оставалась большая полынья. Мужчина присел на посеревший от времени пень и поднял к плечу приклад винтовки.

Озеро было огромным. Хасслер оглядел в прицел линию берега. В том направлении, куда он намеревался пойти, не было ничего, кроме нетронутой сверкающей белизны. На другой стороне, на расстоянии пары миль, человек увидел самца-абера посреди полосы окровавленного снега. Тот вытягивал длинные ленты внутренностей из тела огромного медведя-гризли с разорванной глоткой. Адам начал спускаться по пологому склону и у берега озера снова изучил карту. Лес подходил близко к воде, и, держась между берегом и деревьями, человек стал пробираться к западной стороне озера. Пробивать путь в снегу было довольно утомительно. Хасслер снял винтовку с плеча и сел неподалеку от воды. Вблизи было видно, что лед вовсе не толстый – всего лишь хрупкая корочка, образовавшаяся во время ночного заморозка. Снег нынче пошел рано. Очень рано. По всем расчетам Адама, еще не закончился июль. Мужчина снова оглядел берег, а потом лес за своей спиной. Все было неподвижно, если не считать абера по ту сторону озера – тот пировал, сунув голову целиком во вспоротое брюхо гризли.

Адам откинулся на свой рюкзак и достал карту. Ветра не было, солнце стояло прямо над головой, и мужчина ощущал, что оно согревает его до самых костей. Он обожал утро – несомненно, это было его самое любимое время суток. Было что-то обнадеживающее в том, чтобы просыпаться в первых лучах солнца и не знать еще, что готовит тебе грядущий день. Если рассуждать с эмоциональной точки зрения, труднее всего был ранний вечер, когда свет начинает угасать, принося понимание того, что предстоит провести еще одну ночь под открытым небом, одному в темноте, под угрозой страшной смерти, которая может наступить в любую минуту. Но по крайней мере, в данный момент наступающая ночь ощущалась, как нечто очень далекое.

И вновь мысли Хасслера обратились на север, к Заплутавшим Соснам. К тому дню, когда он дойдет до ограждения и вернется в безопасность, к маленькому домику в викторианском стиле на Шестой улице и к женщине, которую он любил так неистово, что даже не мог до конца осознать всю глубину этого чувства. Только ради нее одной он добровольно покинул свою жизнь в 2013 году и пошел на погружение в анабиоз на две тысячи лет, не имея понятия о том, в каком мире проснется. Но он знал, что в этом мире будет жить Тереза Бёрк, а ее муж, Итан, будет давным-давно мертв, и этого было более чем достаточно, чтобы рискнуть всем.

Адам сверил карту с компасом. Господствующей приметой местности в этом регионе был пик высотой в десять тысяч футов, некогда именовавшийся горой Шеридан. Вершина пика выступала над лесом – сверкающая белизна на фоне глубокого синего неба. Там, наверху, дул ветер, вздымая со склонов снежные языки. Час ходьбы в хорошую погоду, два или три часа по свежему снегу футовой толщины.

Сейчас эта вершина просто обозначает для него север – направление, в котором лежит его дом.

Ричардсоны

Боб выбрался из машины и осторожно прикрыл за собой дверцу. В лесу было тихо – крики доносились издалека, из города. Ричардсон отошел от автомобиля на несколько ярдов и попытался думать. Покинуть город было правильным решением. Они все еще были живы.

Потолочная лампочка в машине неожиданно погасла, и наступила темнота. Боб опустился на асфальт, спрятал лицо в коленях и тихо заплакал. Через минуту позади него отворилась дверца машины, и на дорогу лег отблеск лампочек на панели управления. К нему подошла жена.

– Я же сказал – мне нужно немного побыть одному, – напомнил ей Ричардсон.

– Ты плачешь? – спросила она вместо ответа.

– Нет. – Он вытер глаза.

– Ради Бога, я же вижу: ты плачешь!

– Оставь меня одного, прошу.

– Почему ты плачешь?

Боб указал рукой в сторону города:

– Разве этого недостаточно?

Барбара села рядом с ним.

– У тебя ведь кто-то был, да? – спросила она. – Я имею в виду – до Заплутавших Сосен.

Боб не ответил.

– Твоя жена? – настаивала женщина.

– Его звали…

– Его?

– Его звали Пол.

Они замолчали и некоторое время тихо сидели на дороге. Было слышно только их дыхание. Наконец Барбара снова подала голос:

– Должно быть, для тебя это было ужасно.

– Я уверен, что и для тебя это не было увеселительной прогулкой, – отозвался ее супруг.

– Ты никогда не показывал, что ты на самом деле…

– Мне жаль.

– Мне тоже.

– В чем здесь хотя бы крупица твоей вины? Ни у кого из нас не было выбора, Барбара. Ты ведь прежде не была замужем, верно?

– Ты был у меня первым. И не только в этом смысле.

– О Боже… Прости меня.

– В чем здесь хотя бы крупица твоей вины? – Барбара невесело рассмеялась. – Пятидесятилетняя девственница…

– И гомик.

– Звучит, как сюжет плохого кино.

– А разве это не так?

– А сколько ты и Пол…

– Шестнадцать лет. Я просто поверить не могу, что он мертв, понимаешь? Что он мертв уже две тысячи лет. Мне всегда казалось, что мы с ним снова будем вместе.

– Возможно, еще будете.

– Спасибо тебе за эти слова.

Женщина протянула руку, взяла ладонь мужа и промолвила:

– В последние пять лет ты – все, что у меня было, Боб. Ты всегда относился ко мне заботливо. С уважением.

– По-моему, мы извлекли из этого все возможное.

– И делали чертовски вкусные маффины.

Где-то вдали раздался выстрел, эхом раскатившийся по долине.

– Я не хочу умирать сегодня, милый, – сказала Барбара.

Ричардсон сжал ее ладонь:

– Я этого не допущу.

Белинда Моран

Старая женщина сидела в кожаном кресле с откидной спинкой, выдвинув подставку для ног и положив на колени поднос. При свете свечей она переворачивала карты наполовину разложенного пасьянса «Косынка». Чуть дальше по улице убивали ее соседей, а она едва слышно напевала себе под нос. Выпал валет пик, и женщина положила его на королеву червей в середине вертикального ряда. Дальше – шестерка бубен. Эта карта пошла на семерку пик.

Что-то врезалось в парадную дверь дома. Белинда продолжала переворачивать карты и раскладывать их на нужные места. Еще два удара – и дверь вылетела. Старуха подняла взгляд.

Чудовище вползло внутрь и, увидев ее сидящей в кресле, зарычало.

– Я знала, что ты идешь, – произнесла хозяйка дома. – Не думала, что это займет у тебя столько времени.

Десятка треф. Хм. Для нее пока нет места. Вернем в колоду.

Монстр двинулся к Моран. Она посмотрела в маленькие черные глазки.

– Разве ты не знаешь, что невежливо входить в чей-то дом без приглашения? – спросила пожилая дама.

Ее голос остановил незваного гостя на полпути. Он наклонил голову. Кровь – несомненно, кого-то из соседей Белинды – капала с его груди на пол.

Старуха положила в ряд еще одну карту.

– Боюсь, что это игра для одного, – сказала она, – и у меня нет чая, чтобы предложить тебе.

Абер отступил назад на несколько шагов, а Моран положила на место последнюю карту.

– Ха! – воскликнула она. – Я выиграла эту игру!

Она собрала карты в колоду, сняла ее, а затем перетасовала.

– Я могу играть в «Косынку» хоть весь день, – сообщила старуха. – За свою долгую жизнь я осознала, что иногда лучшая компания для человека – это он сам.

Рычание перешло в нечто, почти похожее на мурлыканье.

– Вот так-то лучше, – сказала Белинда, начиная новый пасьянс. – Извини, что накричала на тебя. Мой вредный характер иногда берет надо мною верх.

Итан

Далекий свет постепенно приближался, но Бёрк не видел ничего вокруг. Спотыкаясь через каждые несколько шагов, он ободрал ладони, когда хватался впотьмах за шершавые сосновые ветки. «Могут ли аберы выследить нас? Благодаря своему нюху, слуху, зрению? – гадал про себя Итан. – Благодаря всему этому, вместе взятому? Насколько острые у них чувства?»

Свет факелов был уже близко, и в его отблесках Бёрк видел свою группу. Он вышел из леса у подножия утеса. Люди уже выстроились цепочкой, взбираясь по скале, точно муравьи – огоньки факелов тянулись по крутому откосу, словно новогодняя гирлянда.

Раньше Итан взбирался по этой тропе только один раз, перед тем как внедриться в ряды Скитальцев – тайной группы Гарольда и Кейт. К скале были прикреплены стальные тросы: они образовывали два ряда петель над выбитыми в камне узенькими ступенями. Человек десять-двенадцать стояли у подножия утеса, ожидая своей очереди на восхождение. Итан поискал своих родных, но ни жены, ни сына там не было.

– Это плохая идея, – сказал подошедший Гектор. – Пустить детей по откосу в темноте, держась лишь за тросы?..

Итан подумал о Бене, но тут же выбросил эту мысль из головы.

– Много за нами гонится? – спросил музыкант.

– Больше, чем мы можем одолеть, – не стал скрывать Бёрк.

Он слышал, как ниже по склону хрустят ветки. В кармане у него звенели патроны двенадцатого калибра, и шериф начал вкладывать их в магазин, не отрывая глаз от опушки леса. Загнав последний патрон в ствол, нацелил дробовик на деревья. «Только не сейчас, – думал он. – Еще немного времени, пожалуйста!»

Гектор похлопал его по плечу и напомнил:

– Пора.

Они начали подниматься по откосу, цепляясь за ледяной трос. К тому времени как Итан схватился за третью петлю, лес под ним наполнился криком и визгом. Жуткий вой поднимался к небу сквозь ветви деревьев. Ближайший факел был двадцатью футами выше, но звезды, обильно высыпавшие на небосводе, давали достаточно света, чтобы путь по скале был хорошо виден. Бёрк оглянулся на подножие утеса в тот момент, когда из леса показался первый абер. За ним появился второй, потом еще один, затем сразу пять и еще не меньше десятка. Вскоре у подножия собралось около тридцати тварей. Итан продолжал взбираться, пытаясь сосредоточиться на том, чтобы цепляться за тросы и ставить ноги на надежную опору, но каждый раз, когда он бросал взгляд вниз, аберов там становилось все больше.

Склон сделался вертикальным. Шериф продолжал подниматься и думал о том, далеко ли ушли Тереза и Бен. Может быть, они уже в безопасности пещеры Скитальцев? Неожиданно наверху раздался крик, стремительно приближавшийся. Ближе, ближе, ближе, ближе-ближе-ближе…

Он становился все громче. Итан вскинул голову, и в этот миг мимо него пролетел человек, раскинув руки и широко распахнув глаза от ужаса. Он на два дюйма разминулся с Бёрком. Голова упавшего ударилась о выступ двадцатью футами ниже, и от этого удара его тело закувыркалось в воздухе, проделав оставшийся путь до земли в мертвом молчании. Господи…

Ноги у шерифа словно превратились в желе, по левой ступне пробежала судорожная дрожь. Он прижался к скале, сжал обеими руками трос и, закрыв глаза, позволил панике пройти сквозь него и выгореть дотла. Ужас ушел, и Итан полез дальше, фут за футом подтягиваясь на ржавом тросе, в то время как аберы рвали на части тело человека, оступившегося при восхождении. Наконец шериф добрался до сколоченной из досок дорожки шириной в шесть дюймов: она тянулась по поверхности утеса. Гайтер уже был на ее середине, и Бёрк последовал за ним. Лес теперь был в трехстах футах внизу. Заплутавшие Сосны остались где-то там, по-прежнему лежа во тьме, и местонахождение городка обозначали лишь далекие крики.

Внизу, на скале, Итан заметил движение – бледные силуэты направлялись к нему.

– Они на утесе! – крикнул шериф Гектору.

Тот оглянулся. Монстры карабкались быстро, бесстрашно, как будто не веря в возможность падения. Итан остановился, одной рукой держась за трос, а другой пытаясь покрепче ухватить «Моссберг».

Бесполезно.

– Иди сюда! – позвал он пианиста.

Гайтер неуклюже развернулся на узких досках и направился обратно к Итану.

– Мне нужно, чтобы ты держал меня за пояс, – сказал ему Бёрк.

– Зачем?

– Мне здесь не хватает места, чтобы стоять и целиться.

– Не понимаю…

– Одной рукой держись за трос, второй хватай меня за ремень. Мне нужно перегнуться через край, прицелиться и выстрелить.

Музыкант бочком прошел последние несколько футов до шерифа и уцепился за его ремень, поинтересовавшись:

– Надеюсь, он застегнут?

– Надежно. Ты меня держишь?

– Держу.

И все же Итану потребовалось три секунды, чтобы собраться с духом. Он отпустил трос, сбросил дробовик с плеча и навел прицел со светящимися метками на поверхность скалы внизу. Десять аберов поднимались плотной группой. Шериф пытался сосредоточиться, выбросить страх из мыслей, но перед глазами у него по-прежнему стояла картина падения того человека и его раскалывающейся о камень головы.

Крик.

Безмолвие.

Крик.

Безмолвие.

Желудок Итана сжался. Ему казалось, что мир рушится на него – и одновременно улетает куда-то прочь. Надо собраться.

Бёрк взял на мушку вожака. Отдача от дробовика швырнула его назад, к скале, выстрел эхом раскатился по долине, отразился от западных утесов и вернулся обратно. Пуля попала в предводителя стаи. Тот рухнул с пронзительным визгом и покатился

вниз по скале, сбив еще четверых, словно кегли в боулинге. Но остальные монстры быстро пришли в себя. От людей, стоящих на дорожке, их отделяло около шестидесяти футов. Бёрк снова перегнулся через край, услышал, как застонал Гектор, и представил, как трос впивается в пальцы пианиста.

Оставшиеся в живых аберы поняли намек и рассредоточились. Шерифу понадобилось некоторое время, чтобы перестрелять их, перемещая прицел слева направо. Ни одного промаха!

Он видел, как они катятся вниз, увлекая за собой тех, кто только начал восхождение, а потом у него кончились патроны.

– Ладно, всё, – сказал Итан.

Гайтер втянул его обратно, и мужчины поспешили дальше вдоль утеса, пока не обогнули поворот в конце дорожки. Они выбежали на расширяющийся выступ, уходящий в глубь горы. Бёрк почти ничего не видел в этом проходе, пока не наткнулся на дверь в пещеру. Она была закрыта, и шериф ударил кулаком в дерево:

– Здесь еще двое! Откройте!

По ту сторону двери лязгнул засов. Скрипнули петли, и дверь открылась. В первый раз, когда Итан был здесь, он не обратил внимания на эту дверь, но теперь тщательно осмотрел ее. Она была сколочена из сосновых бревен и дополнительно скреплена замешанным на глине раствором.

Мужчина вошел внутрь вслед за Гектором. Кейт закрыла за ними дверь и вдвинула тяжелый стальной засов обратно в проушину. Итан посмотрел на нее:

– Моя семья…

– Они здесь. Они в безопасности, – заверила его Кейт.

Шериф заметил жену с сыном у возвышения. Оба показывали жестами: «Я люблю тебя». Затем Итан оглядел пещеру – несколько тысяч квадратных футов, с низкого каменного потолка на проволоке свисают керосиновые лампы. Разрозненная мебель, барная стойка слева, возвышение-сцена справа… Все выглядело шатким, как будто было сделано из старого дерева. В большом камине у дальней стены кто-то уже развел огонь. На взгляд Бёрка, там было всего около сотни человек. Все они собрались вокруг факелов, и глаза их поблескивали в свете пламени.

– Остальные группы дошли сюда? – спросил шериф.

Кейт покачала головой.

– Только мы? – Бёрк не мог поверить в это.

Глаза женщины наполнились слезами. Итан обнял ее.

– Мы найдем Гарольда, – сказал он. – Я тебе обещаю.

Крики аберов зазвучали в проходе за дверью.

– Где наша армия? – спросил Итан.

– Вся здесь, – отозвалась миссис Бэллинджер.

Шериф обвел глазами полдюжины испуганных до онемения людей, которые вряд ли когда-либо держали в руках оружие. Одно слово – с бору по сосенке! Итан снова осмотрел дверь. Засов представлял собой длинный брус цельнокованого металла толщиной в полдюйма. Он пересекал от косяка до косяка дверь пятифутовой ширины, со знанием дела подогнанную по арочному проему. Проушина выглядела достаточно прочной.

– Мы все можем встать за дверью и стрелять во все, что попытается пройти по коридору, – сказала Кейт.

– Мне это не нравится. Не говоря уже о том, сколько тварей сюда идет. И еще, никого не хочу оскорбить… – Итан посмотрел на исполненные ужаса лица вокруг, – … но кто из вас способен метко стрелять в напряженной ситуации? Этих существ не так легко убить. Те из вас, у кого револьверы, должны стрелять им в голову, и только в голову. Нет, я думаю, мы останемся здесь и будем молиться, чтобы дверь выдержала.

Затем Бёрк повернулся и обратился к остальной группе:

– Я хочу, чтобы вы все отошли к дальней стене. Опасность еще не миновала. Сохраняйте тишину.

Все начали перемещаться подальше от сцены и бара, собираясь возле диванов у дальней стены пещеры. Итан же вновь обратился к Кейт:

– Мы останемся здесь, у самой двери. Любая тварь, которая войдет в нее, умрет. Где рюкзак с патронами?

– Я принес его сюда, – ответил молодой мужчина, раньше работавший на молочной ферме.

Бёрк взял у него рюкзак и положил на пол, после чего опустился на колени и попросил:

– Свет, пожалуйста.

Мэгги поднесла поближе факел, чтобы светить ему. Шериф порылся в рюкзаке, взял коробку патронов для «винчестера» для себя самого, а потом раздал запасные патроны всем остальным. Отойдя на двадцать футов от бревенчатой двери, полностью зарядил «Моссберг». По пещере гулял беспокойный шепоток. Мэгги и какой-то парень стояли позади стрелков с факелами, а Кейт встала рядом с Итаном, сжимая дробовик, и он слышал, как она старается подавить всхлипы. Затем в проходе неожиданно послышалось движение. Бэллинджер резко выдохнула и вытерла глаза.

Бёрк всей кожей ощущал надвигающуюся схватку. Он оглянулся назад, пытаясь отыскать в толпе своих родных, но их не было видно в полумраке. Ему пришлось смириться с возможностью своей гибели. Но смириться с видением того, как аберы терзают его единственного сына или вспарывают живот его жене, Итан не мог. После этого пути дальше для него не будет. Убьют его монстры или нет, смерти родных он не переживет.

Если аберы пройдут через эту дверь и их будет больше десятка, все в пещере умрут страшной смертью. Шериф ждал криков, но вместо этого до него донесся перестук когтей по каменному полу перехода. Что-то царапнуло бревна по другую сторону двери, а потом начало скрести дверь вокруг металлической ручки.

Часть IV

Пилчер

Город Заплутавшие Сосны лежал в руинах – здания перевернуты, машины разбросаны там и сям, дороги разломаны… Уничтожена была даже больница: три ее верхних этажа были начисто сметены. Но хуже всего пришлось жилищу Итана: сам дом был буквально разбит на куски, а осины на его заднем дворе переломлены пополам, точно спички, и их стволы пробили окна насквозь.

Эта миниатюрная архитектурная копия Заплутавших Сосен была заказана Дэвидом Пилчером в 2010 году, и он не жалел о затратах на так тщательно проработанную модель, которая в итоге обошлась ему в 35 000 долларов. Почти две тысячи лет она стояла под стеклом в центре его кабинета – дань уважения не только самому городу, но и безграничным честолюбивым устремлениям Пилчера.

Ему хватило пятнадцати секунд, чтобы уничтожить ее, и теперь он сидел на кожаном диване, глядя на составленную из экранов стену, на которой было видно, как настоящий город погружается в хаос. Дэвид отключил электричество по всей долине, но наблюдательные камеры работали на батарейках, и в большинство из них были вмонтированы объективы ночного видения. Экраны показывали то, что видели камеры – а те располагались в каждой комнате каждого дома. Они вели запись в каждом учреждении и в кустах. Они были скрыты в уличных фонарях и включались, уловив излучение микрочипов, вживленных в тело каждого обитателя Заплутавших Сосен. Сегодня ночью эти камеры работали все до единой.

Почти все экраны светились. На одном из них абер преследовал женщину при свете звезд, на другом три монстра рвали на части мужчину посреди кухни. Толпа людей мчалась по проезжей части Главной улицы, пытаясь спастись от смерти, но аберы догнали их возле кондитерского магазина. Еще одно чудище пожирало Белинду Моран в ее откидном кресле. Целые семьи бежали по коридорам, ища спасения, родители пытались защитить детей от ужаса, который были не в силах прекратить. Так много страдания, кошмара и отчаяния…

Пилчер сделал глоток из бутылки шотландского виски – изготовлено в 1925 году – и попытался думать о том, какие чувства испытывает по отношению ко всему происходящему. Конечно, прецеденты подобных случаев уже были. Когда дети Божьи бунтовали, Господь насылал на них праведную кару.

Тихий голос, который Дэвид давно научился игнорировать, шептал, пробиваясь сквозь ураганной силы безумие в его мозгу: «Ты действительно веришь, что ты – их Бог?»

Бог дает людям всё?

Верно.

Бог защищает людей?

Верно.

Бог творит и создает?

Верно.

Вывод?

Все совпадает, черт побери! Доказано.

Поиск цели и смысла жизни был краеугольным камнем человеческого непокоя, и Пилчер убрал эту помеху. Он даровал четыремстам шестидесяти одному человеку в этой долине существование, о котором они и мечтать не могли. Подарил им жизнь и цель, убежище и комфорт. Они были самыми важными и востребованными представителями своего вида с тех пор, как *homo sapiens* сделал первые шаги по саваннам Восточной Африки двести тысяч лет назад – и были таковыми лишь потому, что он их избрал.

И они употребили этот дар во зло. Они потребовали полного знания – знания, к которому не были готовы, которое не могли принять и понять. И когда они узнали правду от Итана Бёрка, то восстали против своего создателя.

И все же, видя на экранах их гибель, Пилчер испытывал боль. Он ценил их жизни. Его проект ничего не значил без людей. Но все-таки… так им и надо. Пусть аберы сожрут их всех.

Еще пара сотен человек остались в анабиозе. Не впервой начинать все заново, а люди Дэвида, живущие в *горе*, готовы поддержать его во всем, не задавая вопросов, с чистой и абсолютной преданностью. Это его армия ангелов.

Пилчер встал, пошатываясь от выпитого, и неверной походкой подошел к столу. Больше никто в комплексе не знал, что творится в долине. Он приказал Теду Апшоу отключить наблюдение на ночь. Информацию о том, что сделано сегодня, следует подать обдуманно, с тонким расчетом.

Дэвид рухнул на стул, снял трубку телефона и позвонил славному старине Теду.

Пэм

Она дошла до изгороди глухой ночью. Боль от дыры, которую Итан Бёрк проделал в ее левом бедре, расходилась по всей ноге и даже растекалась вверх по туловищу. Шериф вырезал из ее тела микрочип и оставил ее безоружной на дикой стороне ограждения, и до сего момента Пэм продолжала терзаться вопросом: зачем он это сделал? Но сейчас это удивление сменилось новым, еще более сильным. Женщина смотрела на ограду и думала: «Что за чертовщина?»

Ограда была безмолвна, в ее проводах не гудело электричество. Это был глупый поступок, но Памела не смогла устоять. Она протянула руку и схватилась за толстый стальной кабель. Колючки впились ей в ладонь – но и только. Никакого удара током. Касаться проволоки было странно – как будто она совершала нечто запретное, и это доставляло почти эротическое наслаждение. Пэм выпустила провод – теперь она чувствовала воодушевление, хотя на всем ее теле выступил пот от волнения. Медленно двигаясь вдоль изгороди, Пэм гадала: было ли отключение электричества делом рук Бёрка? Огромная стая аберов промчалась мимо нее два часа назад. Сидя на сосне, в сорока футах от земли, бывшая медсестра смотрела, как они бегут на север, к Заплутавшим Соснам. Сотни и сотни аберов…

Женщина ускорила шаг, несмотря на жжение в левом бедре, и пять минут спустя достигла ворот. Они были открыты и зафиксированы в раскрытом положении. Пэм оглянулась на темный лес, через который она – и та стая чудовищ – добралась сюда. Потом уставилась на открытые ворота.

Как это возможно? Неужели стая ворвалась в долину?!

Пэм рысцой пробежала в ворота. Ногу жгло адским пламенем, но она не замедлила шаг, а только зарычала от боли. Пробежав несколько сотен ярдов, женщина услышала крики. На таком расстоянии невозможно было определить, кому они принадлежат – людям или аберам. Ясно было лишь, что кричит множество голосов. Пэм остановилась. В бедре пульсировала боль. У нее нет оружия, и она ранена. И по всей вероятности, стая монстров каким-то образом вошла в долину.

Пэм колебалась. Та часть ее психики, которая отвечала за самосохранение, нашептывала, что нужно бежать в верхний комплекс. Найти там безопасное место. Собраться с силами и позволить доктору Митеру подлатать ее ногу. Но та часть, которая управляла всей ее сущностью, боялась. И боялась не аберов. Не каких-то ужасов, с которыми можно столкнуться в наводненном чудовищами городе. Памела боялась обнаружить, что Итан Бёрк уже мертв. Это было недопустимо. После всего, что этот человек сделал с ней, она ничего в мире не желала так сильно, как найти его и медленно разорвать на куски.

Отрывая один кусок за другим, купаясь в предсмертных страданиях Бёрка.

Тед Апшоу

Когда он отворил дверь, ведущую в кабинет старика, в нос ему ударил запах алкоголя. Пилчер сидел за своим столом и, увидев Теда, широко улыбнулся – пожалуй, слишком широко. Лицо у него было красным, а глаза стеклянно блестели.

– Входи, входи! – пригласил он своего помощника, с трудом поднимаясь на ноги. Апшоу закрыл за собой дверь.

Дэвид буквально разнес свой кабинет. Два экрана были расколоты, а миниатюрная архитектурная копия Заплутавших Сосен опрокинута; стекло, которое прежде прикрывало модель, разбито, и осколки валяются по всему полу, посреди раздавленных крошечных домиков.

– Я разбудил тебя? – спросил Пилчер.

На самом деле это было не так. Тед не уснул бы в эту ночь, даже если б кто-нибудь накачал его транквилизаторами по самые гланды. Но он ответил уклончиво:

– Ничего страшного.

– Давай посидим вместе, как старые друзья.

За словами шефа явно крылось какое-то тщательно обдуманное намерение. Апшоу засомневался, действительно ли тот на самом деле так пьян?

Пилчер нетвердой походкой прошел к кожаному дивану. Следуя за ним, его посетитель отметил, что экраны в кабинете тоже выключены. Мужчины уселись на холодную кожаную обивку, лицом к этим темным экранам. Дэвид налил два больших стакана шотландского виски из бутылки с надписью «Макаллан» – судя по виду, стоил этот напиток немало – и протянул один стакан Теду. Они чокнулись хрустальными стаканами и выпили.

Это был первый алкоголь, который Апшоу пробовал почти за две тысячи лет. В далеком прошлом, когда после смерти жены он был бездомным и постоянно напивался до отключки, подобное выдержанное виски стало бы для него райским напитком. Но теперь он утратил к нему всякий вкус.

– Я все еще помню день нашей встречи, – произнес Пилчер. – Ты стоял в очереди за супом в ночлежке. Я обратил внимание на твой взгляд. В нем было так много скорби…

– Ты спас мне жизнь, – отозвался его гость.

Старик пристально посмотрел на него:

– Ты все еще веришь мне, Тед?

– Конечно, – солгал Апшоу.

– Конечно, – повторил за ним Пилчер. – Ты ведь отключил наблюдательный центр, когда я сказал тебе это сделать.

– Верно.

– И даже не спросил зачем.

– Нет.

– Потому что ты мне веришь.

Дэвид смотрел в свой стакан, вращая в нем янтарную жидкость:

– Я кое-что сделал сегодня, Тед.

Его собеседник поднял взгляд на темные экраны и ощутил, как в желудке разрастается ледяной ком. Он перевел глаза на Пилчера – тот взял пульт управления, что-то набрал на клавиатуре, и экраны озарились светом.

Будучи главой наблюдательной службы, Тед четверть своей жизни смотрел, как эти люди едят, спят, смеются, плачут, спариваются и иногда – когда они собирались на празднество – умирают.

– Мне нелегко было это сделать, – сказал Дэвид.

Тед смотрел на экраны. Его внимание сосредоточилось на одной сцене – женщина скорчилась в душевой кабине, плечи ее дрожат от рыданий, а когтистый кулак пробивает дверь ванной комнаты. Апшоу неожиданно стало нехорошо. К горлу подкатила тошнота. Пилчер не сводил с него глаз. Тед оглянулся на босса и сказал, чувствуя, как его глаза наполняются слезами:

– Ты должен это остановить.

– Слишком поздно.

– Как так?

– Я использовал наших пленных аберов, чтобы заманить стаю к ограде, а потом открыл ворота. Более пяти сотен аберов ворвались в город.

Тед вытер глаза. Пять сотен. Он едва мог осознать такое количество. Даже пятьдесят этих тварей были бы безусловной катастрофой. Он изо всех сил старался, чтобы голос не дрожал:

– Подумай о том, сколько ты трудился, чтобы собрать людей в этой долине. Десятилетия. Вспомни восторг, который ты ощущал всякий раз, как мы отправляли нового добровольца в анабиоз. Заплутавшие Сосны – это не улицы, не здания и не анабиозные камеры. Это не то, что ты построил. Заплутавшие Сосны – это люди, а ты…

– Они отвернулись от меня.

– Так все это из-за твоего проклятого тщеславия?

– У нас спят в анабиозе еще несколько сотен других. Мы начнем заново.

– Там, в городе, умирают люди, Дэвид. Дети.

– Шериф Бёрк рассказал им все.

– Ты вышел из себя, – промолвил Апшоу. – Это можно понять. А теперь пошли отряд, чтобы спасти всех, кого еще можно спасти.

– Слишком поздно.

– Пока хоть кто-то из людей жив, еще не поздно. Мы можем положить их всех обратно в анабиоз. Они и не вспомнят…

– Что сделано, то сделано. Через день или чуть позже бунт в долине будет подавлен, но я боюсь, что новый бунт назревает здесь, в убежище.

– О чем ты говоришь?

Пилчер отпил из своего стакана:

– Ты думаешь, шериф сделал все это в одиночку?

Тед сжал кулаки, чтобы унять подступающую дрожь.

– Бёрку помогал кто-то изнутри, один из моих людей, – заключил его шеф.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что у Бёрка была информация, которую невозможно получить без помощи кого-то из службы наблюдения. Кого-то из твоей группы, Тед.

Дэвид умолк, дав этим обвинительным словам повиснуть в тишине. В его стакане потрескивал лед.

– О какой информации ты говоришь? – спросил его помощник.

Пилчер проигнорировал этот вопрос, неотрывно глядя Теду в глаза:

– Твоя группа состоит из тебя самого и четырех техников-наблюдателей. Я знаю, что твоя верность непоколебима, но что насчет твоих подчиненных? Бёрку помог кто-то из них. Есть идеи насчет того, кто бы это мог быть?

– Откуда ты это взял?

– Это неверный вопрос, Тед.

Некоторое время Апшоу посмотрел вниз, в свой стакан, а затем снова поднял взгляд.

– Я не знаю, кто в моей команде мог бы совершить подобное, – сказал он. – Ты из-за этого отключил наблюдение?

– Ты руководишь самой засекреченной группой в комплексе, и ее тайны раскрыты.

– А что насчет Пэм?

– Пэм?

– Возможно, шериф столковался с нею.

Пилчер иронически рассмеялся:

– Пэм бросилась бы в огонь, если б я приказал ей!.. Кстати, она отсутствует. Ее микрочип показывает, что Пэм в городе, но она уже много часов не выходила на связь. В последний раз тебя спрашиваю: кто из твоих людей это сделал?

– Дай мне одну ночь.

– То есть?

– Дай мне одну ночь на то, чтобы узнать, кто это.

Дэвид откинулся назад и с непроницаемым выражением лица уставился на Теда. Потом он сказал:

– Ты хочешь управиться с этим сам, так?

– Хочу.

– Вопрос чести?

– Что-то вроде того.

– Вполне достойно.

Апшоу встал, и Пилчер указал на экраны:

– Только ты и я знаем, что происходит сейчас в долине. Пока что пусть это так и останется.

– Да, сэр.

– Это трудная ночь для меня, Тед. Я признателен, что у меня есть такой друг, как ты, на которого можно опереться.

Его гость попытался улыбнуться, но не смог и только с трудом выдавил из себя:

– Увидимся утром.

Оставив стакан с недопитым виски на столе, он направился к двери.

Итан

Все смолкло. Стало так тихо, что Бёрк слышал, как потрескивает огонь в очаге в дальней части помещения. Царапанье прекратилось, но потом снова послышался перестук когтей. Аберы отступали. Это имело смысл. С чего бы монстры решили, что их добыча спряталась за этой дверью? Они даже не знают, что такое дверь. Не знают, что она ведет в другое место. Большинство из них, вероятно, все еще…

Что-то опять ударилось о дверь, и люди в пещере ахнули в один голос. Засов затрясся в проушине.

Итан выпрямился в тот миг, когда раздался еще один удар в дверь, вдвое более сильный, как будто два абера врезались в нее одновременно. Шериф снял дробовик с предохранителя и оглянулся на Гектора, Кейт и остальных.

– Много их там? – спросила Бэллинджер.

– Понятия не имею, – прошептал Бёрк. – Может быть, тридцать, может быть, сто…

В темноте позади него заплакали дети. Родители пытались успокоить их, а удары в дверь продолжались. Итан подошел к левой части проема, где дверь крепилась к косяку петлями. Из одной позеленевшей латунной пластины выскочил шуруп.

– Она выдержит? – задала Кейт новый вопрос.

– Не знаю, – честно признался шериф.

Следующий удар был сильнее всех предыдущих. Пластина верхней петли полностью отделилась от косяка. К счастью, оставались еще четыре, расположенные ниже. Бёрк подозвал Мэгги, и они осмотрели проушину засова при свете факелов. От следующего удара она затряслась, но выстояла.

Итан вернулся к Кейт:

– Есть другой выход из этого помещения?

– Нет.

Атака продолжалась, и чем больше аберов кидались на сколоченную из бревен дверь, тем сильнее, похоже, они ярились. Теперь твари визжали и вопили после каждой неудачной попытки. Отскочила еще одна петля, за ней – еще одна… Финал приближался. В голове Итана билась мысль, что он должен сейчас отыскать свою семью. Даровать им обоим быструю, милосердную смерть, потому что, когда аберы ворвутся в пещеру, последние мгновения существования всех, кто здесь находится, будут наполнены невыносимым ужасом.

Вдруг в проходе за дверью стало тихо – ни малейшего шороха, никаких шагов. Люди в пещере задержали дыхание, а спустя несколько долгих мгновений Бёрк подкрался к двери и приложил ухо к дереву. Ничего.

Он потянулся к засову.

– Нет! – прошептала Кейт.

Но шериф сдвинул засов так тихо, как только мог, и взялся за дверную ручку.

– Мэгги, принеси свет, – попросил он шепотом.

Барменша с факелом встала позади него, и Итан потянул на себя дверь. Две оставшиеся петли громко заскрипели, принимая на себя весь ее вес. Свет факела озарил коридор: там пахло аберами – разложением и смертью, – но было пусто.

*** * ***

Были те, кто просто сидел у каменной стены и плакал, были те, кто молча дрожал от пережитого ужаса, и те, кто был неподвижен, как камень, и без всякого выражения на лице смотрел в свою личную бездну.

Другие взялись за дело: они помогали поддерживать огонь, чинили дверь, сооружали оружейную стойку… Кто-то принес из кладовой еду и воду, кто-то утешал скорбящих и успокаивал напуганных.

*** * ***

Итан сидел со своей семьей на сломанном двухместном кресле вблизи очага. В пещере становилось теплее, Гектор наигрывал на пианино что-то красивое – казалось, музыка отодвигает ужасающую грань, заставляет всех хоть немного почувствовать себя людьми. В слабом свете Бёрк снова и снова пересчитывал про себя тех, кто был в пещере, и по-прежнему счет обрывался на девяноста шести. А еще утром в Заплутавших Соснах проживал четыреста шестьдесят один человек…

Шериф пытался убедить себя, что, возможно, другие группы выжили. Что они каким-то образом сумели найти другое убежище, какое-то место, где до них не смогли добраться эбби. Что они забаррикадировались в домах или в театре либо убежали в лес.

Но в глубине души мужчина не верил в это. Он мог бы поддаться этой мысли, если б не выглянул из того люка и не увидел на улице Меган Фишер и всех прочих, застигнутых ужасной смертью.

Нет. Восемьдесят процентов населения Заплутавших Сосен было уничтожено.

– Я все же думаю, что мы услышим, как кто-то стучится в дверь, – заговорила вдруг Тереза. – Тебе не кажется, что кто-нибудь из них все же может сюда добраться?

– Всегда есть шанс, верно? – откликнулся ее муж.

Бен спал, положив голову ему на колени.

– Ты как? – спросила она.

– Полагаю, неплохо… если учесть, что я принял решение, навлекшее на большинство людей в этом городе жестокую гибель.

– Это не ты отключил ограждение и открыл ворота, Итан.

– Нет, я только спровоцировал это.

– Иначе Кейт и Гарольд сейчас были бы мертвы.

– Гарольд, вероятно, все равно уже мертв.

– Нельзя думать об этом так…

– Я влип в дерьмо и утащил следом всех, милая.

– Ты дал этим людям свободу.

– И я уверен, у них был шанс насладиться ею, когда аберы раздирали им глотки.

– Я хорошо знаю тебя, Итан. Нет, смотри на меня. – Тереза взяла супруга за подбородок и развернула его лицом к себе. – Я знаю тебя. Я знаю, что ты делаешь только то, что считаешь правильным.

– Хотел бы я жить в мире, где действия измерялись бы по стоящим за ними намерениям… Но истина в том, что они измеряются по их последствиям.

– Послушай, я не знаю, что будет дальше, но мне нужно сказать тебе, нужно, чтобы ты знал: сейчас, на грани гибели, я чувствую себя ближе к тебе, чем чувствовала многие годы. Быть может, чем за всю жизнь. Теперь я верю тебе, Итан. Я знаю, что ты меня любишь. Теперь я вижу это так ясно, как никогда раньше.

– Я люблю тебя, Тереза. Очень люблю. Ты для меня… всё. – Бёрк поцеловал жену, и она прижалась к нему, положив голову ему на плечо.

Он обнял ее за плечи. Вскоре Тереза уснула, и тогда Итан оглянулся по сторонам.

Общее горе было осязаемым. Оно словно висело в воздухе, оно казалось плотным, словно вода или густой дым. Ладони Бёрка похолодели. Он сунул правую руку в карман куртки. Пальцы коснулись карты памяти, где были записаны кадры того, как Дэвид Пилчер убивает собственную дочь. Шериф осторожно сжал ее между большим и указательным пальцами, чувствуя, как внутри его разворачивается тугая спираль гнева. У Теда были копии этой записи, и Итан сказал ему ничего с ними не делать. Оставить все как есть. Но это было до нападения аберов. Знает ли Апшоу, что сейчас происходит в Заплутавших Соснах?

Бёрк еще раз пересчитал людей: их по-прежнему было девяносто шесть. Какое мизерное число!

Он подумал о Пилчере – как тот сидит в тепле и безопасности своего кабинета и смотрит на двухстах шестнадцати экранах, как убивают людей, которых он выдернул из другой жизни.

***

Его разбудили голоса, и Итан открыл глаза.

Тереза беспокойно зашевелилась рядом с ним. Света не прибавилось, но было ощущение, что прошло довольно много времени. Как будто Бёрк проспал не один день.

Осторожно сняв со своих колен голову Бена, он встал и протер глаза. Люди уже пробудились и ходили по пещере, занимаясь делами. Возле двери голоса звучали громче.

Шериф заметил, что люди, стоящие там, разделились на две группы. Кейт вклинилась между Гектором и еще одним мужчиной, которые кричали во весь голос.

Итан подошел и встретился взглядом со своей помощницей.

– У нас тут кое-кто хочет выйти наружу, – пояснила она.

Мужчина по имени Иан, державший обувную мастерскую на Главной улице под вывеской «Сапожная будка Кобблера», с вызовом посмотрел на Бёрка:

– Там осталась моя жена. Нас разделили, когда составляли четыре группы.

– И что именно вы хотите сделать? – спросил Итан.

– Я хочу ей помочь! А вы как думали?

– Так идите.

– Он хочет еще и оружие, – сказала миссис Бэллинджер.

Женщина, работавшая в общинных садах, протиснулась мимо кучки собравшихся и свирепо уставилась на шерифа:

– Мои муж и сын тоже там.

– А вы понимаете, что мой муж – тоже? – повернулась к ней Кейт.

– Так почему мы прячемся здесь, вместо того чтобы их спасать? – накинулась на нее женщина.

– Вы будете мертвы через десять минут после того, как выйдете из этой пещеры, – пояснил Гектор.

– Это мой выбор, приятель! – рявкнул Иан.

– Оружие мы вам не дадим, – заявил пианист.

– Погодите минутку, – нарушил их перепалку Итан. – Это разговор для всех.

Он вышел на середину пещеры и сказал достаточно громко, чтобы все услышали:

– Соберитесь в круг! Нам нужно поговорить!

Толпа медленно собралась вокруг него – потухшие глаза, забрызганные грязью лица и одежды…

– Я знаю, что это была тяжелая ночь, – начал шериф.

Ответом ему было молчание. Бёрк ощущал гнев и обвинение в устремленных на него взглядах и гадал, до какой степени это правда, а до какой – его воображение.

– Я знаю, что все вы беспокоитесь за тех, кто не добрался сюда. Я тоже. Мы сами едва спаслись. И кое-кто из вас, возможно, гадает, почему мы не остановились и не помогли другим. Я могу сказать вам прямо сейчас: если бы мы это сделали, теперь эта пещера была бы пуста, а мы все лежали бы мертвыми в долине. Это тяжело слышать. Как человек, ответственный за то, что мы оказались в такой ситуации… – В голове у шерифа звенело эхо эмоций. Он позволил слезам проступить на глазах, а дрожи в голосе – взять верх над спокойствием. – Со своего места в конце колонны я видел, что происходило с людьми, оставшимися на поверхности. Я знаю, на что способны эти мерзкие твари. И я думаю, что всем нам нужно смириться с тяжелой, почти невыносимой истиной. Есть шанс, что мы – это всё, что осталось от Заплутавших Сосен.

– Не говори так! – закричал кто-то.

В круг вышел еще один человек. Он был одним из распорядителей празднества и по-прежнему был одет в черное и держал в руке мачете. Итан ни разу в жизни не перебросился с ним ни словом, но знал, где он живет, знал, что этот человек работает в библиотеке. Мужчина был тощим, но жилистым, с бритой головой и пробивающейся на подбородке короткой щетиной. В нем ощущалось некое высокомерие, явно не заслуженное, какое обычно свойственно тем, кто взыскует власти только ради самой власти.

– Я скажу тебе, что делать, – заявил распорядитель. – Ты должен встать на четвереньки, ползти к Пилчеру и умолять его о прощении. Сказать ему, что это сделал ты, и только ты. Сказать, что ты навлек на наши головы это дерьмо исключительно по собственной воле и что мы хотим вернуться к тому, как жили всегда. Никто из нас на это не подписывался.

– Слишком поздно, – возразил Бёрк. – Теперь вы все знаете правду. Вы не можете убрать из головы это знание. Для этого нет обычных способов.

В круг протолкнулся еще один человек, низкорослый, квадратного сложения – городской мясник:

– Ты говоришь мне, что моя жена и дочери мертвы. Что по меньшей мере десяток моих близких друзей – тоже покойники. Так что, по-твоему, нам с этим делать? Прятаться здесь, как кучка трусливых беглецов, и вычеркнуть их из памяти?!

На скулах шерифа заиграли желваки. Он шагнул к мяснику:

– Я не говорил этого, Эндрю. Я не сказал, что мы должны кого-то вычеркнуть из памяти.

– Тогда что? Что мы должны делать? – еще сильнее вспылил тот. – Ты сорвал повязку у нас с глаз. Но ради чего? Чтобы потерять почти всех наших людей и жить вот так? Я предпочел бы остаться в рабстве. Я предпочел бы жить в безопасности со своей семьей!

Итан отступил на шаг, оглядел лица собравшихся и нашел Терезу. Она плакала, но смотрела на него с любовью.

– Может быть, я и дал сигнальный выстрел, – произнес Бёрк. – Но не я отключил ограждение, и не я открыл ворота. Человек, ответственный за гибель наших родных и друзей, виновный в том, что вы вообще оказались в Заплутавших Соснах, жив и благополучно здравствует в двух милях отсюда. И я хочу задать вам вопрос: вы намерены это так и оставить?

– За ним стоит его личная армия, – напомнил Эндрю. – По твоим же собственным словам.

– Да.

– Так чего же ты хочешь от нас?

– Я хочу, чтобы вы не теряли надежду! Дэвид Пилчер – монстр, но не все в *горе* такие. Я пойду на ту сторону долины.

– Когда?

– Прямо сейчас. И я хочу, чтобы Кейт Бэллинджер и еще двое, умеющих стрелять, пошли со мной.

– Следует взять больше помощников, – возразил распорядитель праздников.

– Зачем? Чтобы привлечь больше внимания и погубить еще больше людей? – покачал головой шериф. – Нет, нам нужно идти тихо и быстро и оставаться по возможности незамеченными. И да, есть вероятность, что мы не вернемся, но альтернативой будет сидеть здесь, в пещере, и ждать неизбежного. Я считаю, что нужно идти немедленно.

– Даже если ты пройдешь в *гору*, ты веришь, что действительно сможешь остановить этого человека? – с сомнением посмотрел на него мясник.

– Я в это верю – просто ответил Бёрк.

Из толпы вышла женщина. Как и многие другие, она все еще была одета в костюм, в который облачилась для празднества – бальное платье с короной, которую позабыла снять. Ее губная помада, тушь и подводка для глаз потекли и изукрасили ее лицо разноцветными полосками.

– Я хочу кое-что сказать, – начала она. – Я знаю, что многие из вас злы на этого человека. На шерифа. Мой муж… – Женщина мгновение помедлила, чтобы собраться с силами, и продолжила: – Он был в другой группе. Мы женаты шесть лет. Это был брак по приказу, но я любила мужа. Он был моим лучшим другом, хотя мы почти не разговаривали. Удивительно, как хорошо можно узнать человека, просто глядя ему в глаза… По одному только взгляду. – По толпе пробежал шепоток в знак согласия, а говорившая посмотрела прямо на Итана. – Я хочу, чтобы ты знал: – я предпочту, чтобы Карл был мертв, предпочту и сама умереть сегодня, лишь бы не жить в этой тошнотворной пародии на город ни единого лишнего часа. Лишь бы не жить, как узники. Как рабы. Я знаю: ты сделал то, что считал правильным. Я не виню тебя ни в чем. Может быть, не все думают так же, но я знаю, что я не одна такая.

– Спасибо, – отозвался Бёрк. – Спасибо за такие слова.

Он медленно повернулся, изучая лица девяноста пяти человек, взиравших на него, и ощущая на своих плечах тяжкий груз ответственности за их жизни. Наконец произнес:

– Я выйду за эту дверь через десять минут. Кейт, ты со мной?

– Да, черт побери! – отозвалась миссис Бэллинджер.

– Нам нужны еще двое, – продолжил шериф. – Я знаю, многие из вас хотели бы пойти, но на пещеру снова могут напасть. Я хочу, чтобы оставшиеся были хорошо вооружены и стояли на страже. Если вы умеете стрелять, если вы в хорошей физической форме и если вы можете справиться со своим страхом, присоединяйтесь ко мне у двери.

* * *

Некоторое время спустя Итан сидел на сцене между Терезой и Беном.

– Я не хочу, чтобы ты снова шел туда, папа, – сказал мальчик.

– Знаю, дружок. Между нами говоря, я и сам от этого не в восторге, – вздохнул его отец.

– Так не ходи.

– Иногда нам приходится делать вещи, которые мы не хотим делать.

– Почему?

– Потому что это правильные вещи.

Бёрк и представить не мог, что происходит в голове у сына. Вся ложь, которой мальчика учили в школе, внезапно растаяла в беспощадном горниле правды. Итан помнил, как сам был в возрасте Бена и как отец будил его от кошмаров, говоря, что это

просто дурной сон, что никаких чудовищ не существует. Но в мире его сына чудовища существовали, и они были повсюду. Как помочь мальчику смириться с этим, если сам едва можешь это выдержать?

Бен обхватил Итана обеими руками и крепко прижался к нему.

– Можешь плакать, если хочешь, – сказал шериф. – Это не стыдно.

– Ты же не плачешь! – возразил ребенок.

– Взгляни еще раз.

Мальчик поднял голову и посмотрел в полные слез отцовские глаза:

– Почему ты плачешь, папа? Потому, что ты не вернешься?

– Нет, это потому, что я тебя люблю. Очень сильно.

– Ты вернешься?

– Я очень постараюсь.

– А что, если не получится?

– Он вернется, Бен, – вмешалась Тереза.

– Нет, давай будем с ним честны, – возразил ее муж. – То, что я собираюсь сделать, очень опасно, сын. Возможно, я не выживу. Если со мной что-нибудь случится, позаботься о своей маме.

– Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось… – Мальчик снова заплакал.

– Бен, посмотри на меня – попросил Бёрк.

– Что? – вновь поднял глаза его сын.

– Если что-нибудь случится со мной, ты позаботишься о своей матери. Ты будешь главным мужчиной в доме.

– Хорошо.

– Пообещай мне.

– Я обещаю.

Итан поцеловал сына в макушку и посмотрел на Терезу. Его жена была сильной женщиной.

– Ты вернешься, – сказала она, – и когда вернешься, сделаешь так, чтобы всем в этом городе жилось лучше.

Хасслер

Кочевник намеревался провести еще одну последнюю ночь в глуши, но в тот самый момент, когда он залез в спальный мешок, подвешенный на верхушке сосны, к нему пришло осознание: сна ему сегодня не видать.

Адам провел в дикой местности вне ограды тысячу триста восемь дней. Он не мог сказать точно, но, по его расчетам, Заплутавшие Сосны находились всего в нескольких милях севернее, и теперь, когда стая аберов убралась с его пути, он мог свободно дойти до дома. Каким бы ужасным ни было его путешествие, его мысли каждый день, так или иначе, устремлялись

к этому моменту. Мужчина гадал: увидит ли он снова этот город? Каково это будет – войти в ворота? Сделать первый шаг к безопасности, ко всему, что он любил?

В истории Заплутавших Сосен за ограждение выходили всего несколько Кочевников. Среди тех, кто состоял в близком окружении Пилчера, это рассматривалось как несравненная честь и жертва. Насколько знал Хасслер, ни один Кочевник так и не вернулся из долгого путешествия. Он будет первым вернувшимся, если только никто из них не явился домой во время его долгого отсутствия.

Адам действовал медленно, методично, в последний раз упаковывая свой станковый рюкзак «Келти»: пустые литровые бутылки для воды, кремень и огниво, пустая аптечка, последние несколько полосок заплесневевшей вяленой говядины. По обыкновению, мужчина упаковал переплетенный в кожу дневник в герметичный пластиковый пакет. Все, что он испытал и увидел за три с половиной года в глуши, было занесено на эти страницы. Дни скорби. Дни радости. Дни, когда он считал, что его путь вот-вот оборвется. Все, что он открыл, все, с чем столкнулся, было зафиксировано в дневнике.

Сердце его неистово колотилось, когда стая аберов численностью в пятьдесят тысяч голов мчалась через то, что некогда звалось соляными равнинами Бонневилля на Большом Соленом озере. Слезы струились по его лицу, когда он наблюдал, как небывалый закат превращает скелетоподобные останки строений Портленда из ржавых в бронзовые. Озеро Крейтер – пусто. Гора Шаста обезглавлена. Стоя на руинах Форт-Пойнта, Адам смотрел через залив на то, что осталось от моста Золотые Ворота – верхние сто футов южной башни, торчащие из воды, словно мачта затонувшего корабля.

Все те ночи, что он провел в сырости и холоде, голодный и одинокий, все серые утренние часы, когда ему, казалось, не хватит силы воли вылезти из спального мешка и идти дальше, все вечера, когда он, довольный, сидел у костра и курил трубку, остались позади. Какая странная, поразительная жизнь…

И вот теперь, пережив все это, он возвращается домой.

Хасслер упаковал рюкзак, защелкнул карабины и закинул его на плечи. В последние несколько дней он гнал себя вперед упорнее, чем обычно, и сейчас чувствовал тяжесть в ногах, медленно нарастающую боль, исцелить которую смогут лишь несколько дней отдыха. Но какое это теперь имело значение? Скоро он сможет вымыться, наполнить желудок и лечь в теплую чистую постель. Нет никакой беды в том, чтобы немного поднапрячься на последнем отрезке пути к дому.

Он шел по тропе вдоль ручья, пока она не свернула на запад. Шум воды растаял за спиной путешественника. Лес вокруг был безмолвен и темен. Каждый шаг Адама был наполнен значением – и каждый последующий больше, чем предыдущий.

За несколько минут до рассвета Хасслер остановился. Прямо впереди высилась ограда, но что-то с нею было не так. Она должна была гудеть от смертоносного электрического тока, но сейчас от нее не исходило ни звука.

Одна-единственная мысль молнией пронзила его голову: «Тереза!»

Адам бегом бросился к воротам.

Часть V

Тед

Резиденция Теда Апшоу на Уровне 4 была вдвое больше, чем у остальных, – привилегия того, кто был одним из первых, вошедших в ближнее окружение Дэвида Пилчера. Четырнадцать лет он прожил в этом крошечном помещении, и оно обрело для него атмосферу некоего домашнего комфорта, когда все расставлено по своим местам… в некотором смысле.

Жизнь в комплексе протекала в странном ритме работы и безделья, и чаще всего людям требовался не один год, чтобы найти для себя равновесие. Вне зависимости от того, в каком подразделении человек трудился, работа была тяжелой. Десять часов в день, шесть дней в неделю. И все же дела едва успевали делаться. Тед, как глава службы наблюдения, не мог припомнить ни одной недели, в которую он не работал бы по семьдесят часов, по крайней мере в последние десять лет. Но основная трудность была в том, чтобы найти, чем занять – помимо сна – остальные семьдесят часов в неделю. Апшоу был необщителен, и хотя жителей Заплутавших Сосен он видел только на мониторах слежения, у Теда возникало ощущение, что он проводит среди них каждую секунду своего рабочего времени. Так что в свободное время он желал лишь одного – побыть одному.

Он пытался рисовать, фотографировать и даже вязать на спицах – результат последнего был особенно ужасен.
Он дополнительно занимался физическими упражнениями, а однажды, восемь лет назад, отыскал в ковчеге старую пишущую машинку – «Ундервуд Тачмастер 5». Тед принес ее в свою резиденцию, притащил несколько коробок бумаги и поставил в углу своей комнаты маленький письменный стол.

Все свою жизнь этот человек ощущал, что в душе его таится Великий Американский Роман. Но сейчас никакой Америки не было – не существовало вообще ничего. Так о чем же ему писать? Был ли вообще смысл в создании книг и произведений искусства, когда человечество живет на грани исчезновения? Тед этого не знал, но, когда он начал стучать по старой клавиатуре, такой истертой, что буквы на ней были едва видны, он понял, что ему нравится писательство. Он полюбил ощущение, возникавшее при прикосновении пальцев к клавишам «Ундервуда».

Никакого экрана. Только славное, тактильно ощущаемое «щелк-щелк-щелк» клавиш, слабый запах чернил, медленное прокручивание бумаги в каретке, и он сам – наедине со своими мыслями. Сначала Апшоу пытался сочинить детективный роман, но вскоре идеи таких сюжетов иссякли. Потом он взялся писать свою автобиографию, но ему быстро наскучило вспоминать события прошлого. А еще через пару недель до него дошло. Целый день напролет он смотрит на мониторы слежения, показывающие сотни частных жизней во всех безумных подробностях. Он может сделать своими персонажами жителей Заплутавших Сосен. Составить хроники того, как они жили прежде и как вливались в жизнь города, вообразить их потаенные думы и страхи.

Тед начал записывать – и не смог остановиться. Его воображение рождало все новые истории, одну за другой, и возле письменного стола накапливались стопки бумаги, пока наконец там не собрались тысячи страниц, описывающих жизни обитателей города – как их видел автор.

Апшоу не знал, что будет делать с этими историями. Он и представить не мог, что кто-то вообще захочет их прочитать. Рабочее название его книги было «Тайная жизнь Заплутавших Сосен», и ему представлялась обложка в виде коллажа из лиц всех людей, живших в долине. Но сначала нужно было закончить книгу, и в этом заключалась еще одна проблема. Конца книге не предвиделось – ведь жизнь городка продолжалась. Случались все новые события. Люди умирали и рождались. Как можно опубликовать живую книгу, сюжет которой никогда не завершится?

Ответ пришел трагическим образом – в прошлую ночь, когда Тед сидел в кабинете Пилчера, глядя на экранах, как стая аберов опустошает город. Финал наступил всему и сразу, когда «Бог» города привел все к быстрой и неожиданной развязке.

* * *

Стук в дверь раздался рано утром.

Тед лежал на постели, как пролежал всю эту ночь, – парализованный страхом и нерешительностью.

– Войдите, – отозвался он на этот стук.

Вошел его старый друг, Дэвид Пилчер. Апшоу не смыкал глаз ни на минуту. Пилчер, судя по его виду, тоже. Старик выглядел усталым, и по тому, как он щурился от света, Тед заключил, что его мучает чудовищное похмелье. От Дэвида все еще пахло старым добрым виски, а на лице у него пробивалась суточная щетина – так же, как и на бритой голове, где местами тускло отблескивала седина.

Пилчер вытянул из-под письменного стола Апшоу стул, подтащил его к кровати и уселся, после чего пристально уставился на своего помощника:

– Ну, и что ты мне скажешь?

– А что я должен сказать? – отозвался тот.

– Насчет твоей команды. Ты сказал, что управишься с этим. Ты должен был узнать, кто из них помогал шерифу Бёрку организовать бунт.

Тед вздохнул. Потом он сел, нащупал на прикроватном столике очки с толстыми стеклами и надел их. Апшоу по-прежнему был в заляпанной рубашке с короткими рукавами и пристегивавшимся к воротнику галстуком и в тех же самых брюках, что и накануне. Он даже не озаботился разуться.

Прошлой ночью, в кабинете шефа, Апшоу испытывал страх; теперь же он ощущал лишь усталость и гнев.

Очень сильный гнев.

– Когда ты сказал мне, что у шерифа была информация, которую он не мог получить другим путем, – начал Тед, – ты хотел донести до меня, будто что-то подразумеваешь под этим?

Пилчер откинулся на спинку стула и положил ногу на ногу:

– На самом деле нет. Я лишь хотел, чтобы ты, как глава службы наблюдения, выполнил свою работу.

Его помощник кивнул.

– Я и не думал, что ты мне ответишь, но это ничего. Я знаю, что это за информация. Мне следовало сказать тебе это минувшей ночью, но я был слишком напуган.

Дэвид склонил голову набок, и Тед продолжил:

– Я нашел съемку того, что вы с Пэм сделали с твоей дочерью.

На момент в комнате повисло болезненное молчание.

– Потому что шериф Бёрк попросил тебя помочь ему? – поинтересовался Пилчер.

– Я сидел здесь всю ночь, пытаясь понять, что делать. – Апшоу сунул руку в карман и вынул записывающее устройство, напоминающее по виду пластинку слюды.

– Ты сделал копию этой записи? – спросил его гость.

– Да.

Пилчер опустил глаза, глядя в пол, но потом снова поднял их на Теда:

– Ты знаешь, сколько всего я сделал для этого проекта. Ради того, чтобы мы могли сидеть здесь сейчас, две тысячи лет спустя, последние из человечества. Я спас…

– Есть граница всему, Дэвид.

– Ты так думаешь?

– Ты убил свою дочь.

– Она помогала подполью…

– Убийству Алиссы нет оправдания. Как ты этого не понимаешь?

– Я сделал выбор, Тед, еще в той, предыдущей жизни. Нет ничего, ничего важнее, чем Заплутавшие Сосны.

– Даже твоя дочь?

– Даже моя дорогая Алисса. Ты думаешь… – по лицу старика вдруг покатились слезы, – я желал такого исхода?

– Я больше не знаю, чего ты желаешь. Ты убил всех жителей города. И свою дочь. А много лет назад – свою жену. Где же конец? Где черта?

– Нет никакой черты.

Апшоу провел пальцами по карте памяти, лежащей у него на ладони, и произнес:

– Ты еще можешь отойти от этой грани.

– О чем ты говоришь?

– Собери всех. Разъясни им ситуацию. Расскажи им, что сделал с Алиссой. Расскажи, что сделал с людьми Заплутав…

– Никто из них не поймет меня, Тед. Ты же не понял.

– Это не для того, чтобы они поняли. Это ради того, чтобы ты поступил правильно.

– Зачем мне это делать?

– Ради твоей собственной души, Дэвид.

– Послушай, что я тебе скажу. Это трагедия всей моей жизни: люди не понимают, на что я готов ради успеха проекта. Моя жена этого не понимала. Алисса не понимала. И я не удивлен, хотя мне и грустно, что ты тоже этого не понял. Взгляни на то, что я создал. Взгляни на то, чего я добился. Если бы до сих пор писались исторические труды, я был бы занесен в них, как самый известный человек из всех, кто когда-либо жил на Земле. Это не заблуждение. Это простой факт. Я спас человеческую расу, Тед, потому что был готов на что угодно ради победы. Никто никогда этого не понимал. Хотя нет, двое понимали. Но Арнольд Поуп мертв, а Пэм исчезла. Ты понимаешь, что это значит?

– Нет.

– Это значит, что грязная работа теперь ложится на мои плечи.

Неожиданно Пилчер вскочил со стула и двинулся к кровати. А Апшоу так и не понял, что происходит, пока ему в лицо не отбросило яркий блик света короткое лезвие боевого ножа в руке босса.

Итан

В итоге Бёрк мог быть уверен только в двух добровольцах – Мэгги и Гекторе. Никто другой в группе, даже Кейт, не сталкивался с эбби так близко, как эти двое. Шериф понимал, что, когда на тебя кидается эбби, даже самый отважный человек может дрогнуть. Так что идти надо с теми, кто не подведет.

Они вооружились. Раньше Мэгги стреляла только из ружья калибра.22, поэтому Бёрк зарядил для нее крупной дробью «Моссберг 930» и насыпал в карманы ее плаща запасных патронов. Потом он показал ей, как держать дробовик и как перезаряжать его, и предупредил о сильной отдаче. Для Гайтера шериф зарядил пулями «Моссберг», а кроме того, передал ему «смит-и-вессон» калибра.357. А Кейт Бэллинджер выбрала «Бушмастер AR-15» и про запас – «глок» калибра.40.

Стоя в проходе, Итан оглянулся на горстку людей, которых вооружил для охраны двери в пещеру.

– А если вы не вернетесь? – спросил распорядитель праздников.

– У вас здесь хватит провизии, чтобы продержаться несколько дней, – напомнила ему Кейт.

– А что потом?

– Полагаю, вам придется сообразить это самим.

Тереза и Бен стояли у самой двери, внутри пещеры. Они уже попрощались с Итаном. Он смотрел жене в глаза, пока тяжелая бревенчатая дверь не закрылась. Лязгнул засов.

Снаружи было холодно. Вдали в пещеру через отверстие в скале проникал дневной свет. Бёрк принялся инструктировать своих спутников:

– Пока есть возможность, никому не стрелять. Если нам очень повезет, мы спустимся в город, не сделав ни одного выстрела. Если мы выдадим свое местоположение, они, вероятно, набросятся на нас всем скопом.

Кейт повела маленький отряд к светлому выходу из скального коридора. Итан еще раз мысленно увидел Терезу и Бена, стоящих у двери – как они стояли в тот момент, когда эта дверь захлопнулась. Бёрка мучила мысль: «Неужели я видел вас в последний раз? Знаете ли вы, как сильно я вас люблю?»

*** * ***

Они стояли на краю уступа, глядя на другой край долины. Было утро, и из города, лежащего в тысяче футов под ними, не доносилось ни звука.

Солнечный свет ласкал лицо Итана.

– Такое чувство, будто это обычное хорошее утро, да? – прошептала Мэгги.

Они были слишком далеко, чтобы различить что-либо на улицах внизу. Бёрк вспомнил о бинокле, лежащем в нижнем ящике его стола в шерифском участке. Жаль, что этот бинокль сейчас не у него в руках!

Он подошел к краю и посмотрел прямо вниз, на отвесный каменный склон высотой в триста футов, поблескивающий на солнце.

Группа перешла через дощатый мостик и остановилась на другой стороне, в верхней точке спуска. Камень был теплым от солнца, и четыре человека начали спускаться вниз, цепляясь за тросы и нащупывая выбитые в камне ступени. Не было слышно ни чириканья птиц, ни даже шелеста ветра – только частое от усилий дыхание четырех человек. Ниже вершин деревьев, куда солнечные лучи еще не добрались, тросы были холодными, как лед.

Наконец отряд спустился со скал на мягкую лесную почву.

– Ты знаешь путь в город, Кейт? – спросил Итан.

– Думаю, да, – кивнула его помощница. – Так странно – я никогда не бывала здесь при свете дня.

И она повела остальных вперед, отыскивая путь среди сосен.

Кое-где еще лежал снег, испещренный следами с прошлой ночи. Двигаясь вниз по тропе вместе со своими спутниками, Бёрк всматривался в лесную чащу, но не видел ни единого движения. Лес казался совершенно вымершим.

Через некоторое время шериф услышал звук водопада.

Они спустились по крутому склону холма. Дошли до ручья и отверстия дренажного тоннеля. Трупы аберов, которых Итан застрелил ночью, лежали в воде и на берегу.

В лицо Бёрку полетели брызги, поднятые бурным потоком. Он уставился на струю, которая переливалась через край утеса в двухстах футах выше. Проходя сквозь падающую воду, солнечные лучи порождали радугу.

– Пойдем в город по тоннелю? – спросила Кейт.

– Нет, – покачал головой Итан. – Нам нужно обеспечить себе побольше пространства для бегства.

*** * ***

Через четверть мили местность стала ровнее, и они вышли из леса позади старого обветшавшего здания на восточной окраине города. Бёрк понял, что это тот самый дом, где он, едва прибыв в Заплутавшие Сосны, нашел искалеченное тело агента Эванса.

Четверо остановились в зарослях бурьяна сбоку от здания.

До этого момента тишина вполне устраивала Итана. Но сейчас она беспокоила. Как будто весь мир затаил дыхание, выжидая чего-то.

– Нам нужно кое-что найти, – сказал шериф. – Если мы отыщем автомобиль, способный ездить, то сможем быстро домчаться до южной окраины города, не боясь попасть в засаду в любую минуту. Кейт, эта старая тарахтелка перед твоим домом ездит?

– Я не заводила ее много лет, – вздохнула женщина. – Не стоит рисковать.

– Машина, которая стоит возле моего дома, на ходу, – вмешалась в разговор Мэгги.

– Когда ты последний раз каталась на ней? – поинтересовался Итан.

– Две недели назад. Как-то утром мне позвонили по телефону, и кто-то велел мне ездить по городу несколько часов.

– Я всегда гадал, зачем они это делают, – вставил Гектор.

– Потому что в обычных городах дороги никогда не бывают совершенно пустыми, – пояснил Итан. – Еще один фокус, нужный для того, чтобы Заплутавшие Сосны казались настоящим городом. Где твой дом, Мэгги?

– На Восьмой улице, между Шестой и Седьмой авеню, – ответила барменша.

– Это всего в шести кварталах отсюда. Где ключи от машины?

– В ящике прикроватного столика.

– Ты уверена?

– На сто процентов.

Итан высунулся из-за угла дома и увидел вдали на улице трупы людей. Но ни одного абера видно не было.

– Давайте присядем на минуту, – предложил шериф. – Переведем дух.

Все уселись, прислонившись к гнилым доскам стены.

– Мэгги, Гектор, у вас ведь нет боевого опыта? – спросил Итан.

Оба его помощника отрицательно покачали головами.

– Я был пилотом «Блэк Хока». Видел безумное сражение в Эль-Фаллудже, – стал рассказывать Бёрк. – А теперь нам надо пройти шесть кварталов по чрезвычайно враждебной территории, и я могу сказать вам точно: самый правильный способ передвижения – как можно меньше проявлять себя. С нашей нынешней позиции мы видим только окружающий квартал, но, когда мы пересечем улицу, обзор изменится. Мы получим новую информацию. И хотя нам нужно преодолеть шесть кварталов, мы будем покрывать это расстояние постепенно. Мы с Мэгги пересечем улицу и займем позицию. Я осмотрю округу с новой точки наблюдения, и, когда подам знак, Кейт и Гектор присоединятся к нам. Все поняли?

Остальные кивнули.

– Хочу сказать еще одно о том, как мы будем передвигаться. Это называется тактическая колонна, – продолжил шериф. – На бегу мы должны держаться как можно ближе друг к другу и контролировать свой темп, чтобы не терять бдительности. Обычно если в ближайших окрестностях чисто, у человека есть соблазн сфокусироваться на дальних подступах, чтобы увидеть,

не приближается ли что-то оттуда. Но это ошибка. Если мы заметим приближение аберов с расстояния в сто или двести ярдов, у нас будет время отреагировать. Худшее, что может случиться, – это неожиданная засада. Если одна из этих тварей выскочит из кустов или из-за угла, у вас не будет времени даже вскинуть оружие. Так что следите за опасными участками. Это главная задача. Если вы проходите мимо куста и не видите, что за ним, берите его на прицел. Понятно?

Дробовик в руках у Мэгги задрожал.

Итан коснулся ее руки.

– Ты отлично справишься, – заверил он испуганную женщину.

Она вдруг отвернулась, и ее стошнило на увядшую траву.

Кейт погладила барменшу по спине и прошептала:

– Все в порядке, милая. Бояться – это в порядке вещей. Бояться – это правильно. Это не дает тебе расслабиться.

Шериф прикинул, сколь мало подготовлена эта женщина. Мэгги никогда прежде не испытывала такого ужаса и такого напряжения. И все-таки она старалась с этим справиться.

Вытерев рот, барменша сделала несколько глубоких вдохов.

– Ну как ты? – спросил ее Итан.

– Я не смогу это сделать, – призналась его спутница. – Я думала, что справлюсь, но…

– Я знаю, что ты справишься.

– Нет. Лучше мне вернуться.

– Ты нужна нам, Мэгги. Ты нужна тем людям в пещере.

Барменша кивнула.

– Ты будешь со мной, – напомнил ей Бёрк, – и мы будем действовать постепенно.

– Хорошо.

– Ты со всем справишься.

– Мне нужна еще пара секунд, – попросила женщина.

Шериф видел такое на войне. Оцепенение в бою. Когда невыносимый ужас жестокости и постоянная угроза смерти ошеломляют солдата. В давние времена в Ираке в кошмарах военных фигурировала пуля снайпера или СВУ[4]. Но даже в самые худшие дни на улицах Эль-Фаллуджи не встречались твари, желающие съесть тебя заживо.

Бёрк помог Мэгги выпрямиться и спросил:

– Ты готова?

– Думаю, да.

Он указал ей на другую сторону улицы:

– Нам нужно добежать до того дома на углу. Не думай больше ни о чем.

– Ладно.

– На улицах ты увидишь трупы. Просто хочу тебя предупредить. Не обращай на них внимания. Даже не смотри на них.

– Горячая точка. – Барменша попыталась улыбнуться.

– Ты поняла. Теперь держись ближе.

Итан поднял свой дробовик.

Судороги в животе. Старый, знакомый страх.

Когда они отошли на пять шагов от стены дома, на улице стали отчетливо видны трупы. Шериф не мог не смотреть на них. Он насчитал семь человек, и двое из них были детьми. Все оказались буквально разорваны на части.

Мэгги продолжала идти. Бёрк слышал ее шаги в нескольких футах позади себя. Они вышли на улицу, не слыша ничего, кроме звука собственных шагов по асфальту и своего тяжелого дыхания.

Вверх и вниз по Первой авеню никого не было видно. Стояла невероятная тишина. Двое разведчиков свернули во двор и почти пробежали последние несколько шагов до двухэтажного викторианского домика. Пригнувшись, они спрятались под его окном, и Итан, заглянув за угол, снова оглядел Первую авеню в обоих направлениях.

Все было чисто.

Шериф оглянулся на Кейт и Гектора и поднял правую руку. Те вскочили на ноги и рысцой помчались через улицу. Бэллинджер уверенно двигалась первой, как будто знала, что делает, а музыкант бежал чуть позади, явно боясь оступиться. Итан точно мог определить момент, когда они увидели трупы. Лицо Гайтера побелело, а Кейт сжала зубы: оба не могли отвести взгляд от мертвых тел.

Бёрк посмотрел на Мэгги:

– Ты отлично справилась.

Теперь все четверо снова были вместе.

– Улица пуста, – заключил Итан. – Я не знаю, почему здесь так тихо, но давайте воспользуемся этим преимуществом. На этот раз идем все вчетвером. Мы выйдем на улицу и двинемся прямо посередине.

– Почему? – спросил пианист. – Разве не безопаснее держаться близко к домам, а не на открытом месте?

– Углы нам не друзья, – напомнил ему предводитель их маленького отряда.

Он дал Гектору и Кейт минуту, чтобы перевести дыхание, а потом встал.

– Каков следующий пункт назначения? – спросила Бэллинджер.

– Зеленый дом двумя кварталами дальше на другой стороне улицы. Вдоль всего фасада – ряд можжевеловых кустов. Мы спрячемся за ними. Все готовы?

– Мне идти последней? – уточнила Кейт.

– Да. Держи на прицеле правую сторону улицы и посматривай назад, чтобы мы точно знали, что нас не обходят.

На Восьмой улице царило обманчиво мирное утро.

Отряд рысцой побежал посреди проезжей части. Изящные домики по обеим сторонам улицы и белые штакетные оградки в ярком свете утреннего солнца казались безупречными и почти игрушечными. Желудок Итана ныл от голода. Шериф даже не мог вспомнить, когда в последний раз ел. Он попеременно оглядывал то дома слева, то дорогу впереди. Особенно его нервировали боковые дворики. Эти узкие каньоны между домами, ведущие на задворки, куда невозможно было заглянуть.

Наконец отряд достиг первого перекрестка.

Так странно… Бёрк ожидал, что город будет кишеть аберами. «Может быть, они ушли? – гадал он про себя. – Всю ночь рыскали по городу, а утром вернулись в леса и пустоши тем же путем, что и пришли, – через ворота, открытые Пилчером?» Это значительно упростит ситуацию, если Итан сможет добраться до управления изгородью и сумеет просто закрыть ворота снова.

До цели оставалось пройти всего два дома – так близко!

Шериф ускорил шаг и свернул в направлении подъездной дорожки зеленого дома.

Неожиданно его догнала Кейт.

– Что не так? – спросил ее Бёрк, тяжело дыша.

– Быстрее, – прохрипела та в ответ. – Бегом!

Итан прыжком перелетел на тротуар и промчался через газон. Оглянулся назад – ничего. Их группа добралась до кустов можжевельника, пробралась через переплетение ветвей и нырнула в тень между стеной дома и кустами.

Все едва дышали.

– Кейт, что случилось? – спросил шериф.

– Я видела одного, – с трудом переводя дыхание, рассказала женщина.

– Где?

– В одном из тех домов на улице.

– Внутри дома?

– Оно просто стояло у окна и смотрело наружу.

– Думаешь, оно нас видело?

– Не знаю.

Итан медленно поднялся на колени и выглянул из-за куста.

– Пригнись! – прошипела Бэллинджер.

– Мне нужно проверить. В каком доме оно было? – спросил Бёрк.

– В коричневом с желтой отделкой. Качели у переднего крыльца. Два гнома во дворе.

Итан пригляделся и увидел, как захлопнулась застекленная дверь. Послышался далекий стук деревянного переплета о косяк. Но абера шериф не видел. Он снова спрятался за кустами.

– Оно вышло наружу, – сказал Бёрк. – Дверь только что закрылась. Но я не знаю, где оно.

– Должно быть, обходит вокруг дома, – отозвалась Кейт. – Пробирается с той стороны. Насколько умны эти твари?

– До ужаса умны.

– Ты знаешь, как они охотятся? Насколько чуткие у них органы восприятия?

– Понятия не имею.

– Я что-то слышу, – вмешалась в их разговор Мэгги.

Итан сделал всем знак замолчать.

Это был знакомый звук – постукивание и царапанье. И шериф выпрямился настолько, чтобы снова выглянуть сквозь ветви.

Абер двигался по тротуару на двух ногах, направляясь к дому. Это его когти постукивали по асфальту. Перед разведчиками был крупный самец весом не меньше двухсот пятидесяти фунтов. Было заметно, что он недавно ел. Итан едва различал пульсацию его мощного сердца сквозь засохшую кровь и внутренности, налипшие на его грудь, подобно панцирю.

В футе от крыльца абер остановился и повернул голову. Бёрк пригнулся, прижал палец к губам и склонился так, чтобы шептать Кейт на ухо:

– Оно у крыльца, в двадцати футах от нас. Возможно, придется драться.

Женщина кивнула.

Шериф встал на колени, поднял дробовик и высунулся поверх можжевелового куста. «Есть ли у меня патрон в стволе? – попытался вспомнить он. – Конечно, есть. Прошлой ночью я до отказа зарядил оружие».

Абер исчез, но запах его был очень сильным. И близким.

Тварь с криком выскочила с другой стороны куста, оскалив зубы. Ее глаза напоминали влажные черные камни.

Выстрел был оглушительным. Несмотря на размер абера, пуля опрокинула его на траву. Он рухнул навзничь с зияющей раной в груди – из нее, подобно гейзеру, выплеснулась темная кровь, заливая прозрачную шкуру.

Кейт уже вскочила на ноги, Гектор и Мэгги застыли за кустами.

– Нужно бежать, – скомандовал Итан и выбрался из-за живой изгороди.

Абер все еще был жив. Он стонал, пытаясь зажать рану – размером она была с монету в двадцать пять центов, – и смотрел, не веря, как вместе с кровью из его тела утекает жизнь. Когда Бёрк пробегал мимо, тварь протянула к нему лапу, и коготь рванул край его штанины, легко пройдя сквозь плотную джинсовую ткань.

Кейт бежала по пятам за шерифом, Гектор и Мэгги отставали.

– Живее! – рявкнул на них предводитель.

Все четверо выбежали на улицу. Пот выступал на лбу Итана и заливал глаза – их уже щипало от соли. Отряд промчался через следующий перекресток. Пока на улицах больше никого не было. Шериф глянул через плечо вдоль Восьмой улицы. Мэгги и Гектор мчались, напрягая все силы, и, насколько хватало глаз, позади них тоже никого не было видно.

Весь следующий квартал справа от них занимала школа. За оградой из цепей, протянутых между столбиками, сиротливо виднелась игровая площадка – доски для качания, подвесные качели, горки и карусели, шест для тетербола и баскетбольное кольцо… Красные кирпичные стены школы за площадкой…

– О боже! – выдохнула Мэгги.

Итан оглянулся. Барменша остановилась посреди улицы и смотрела на школу. Бёрк подбежал к ней:

– Нам нужно двигаться дальше.

Но женщина указала рукой в сторону здания. Боковая дверь школы была открыта, и на пороге стоял человек, махавший им рукой.

– Что нам делать? – спросила Мэгги.

И правда – что им делать? Разведчикам предстояло принять одно из тех решений, которые определяют все. Итан перелез через четырёхфутовую ограду и помчался через школьный двор, мимо песочницы и турников в тени гигантского тополя, желтыми листьями которого была усыпана вся площадка. Человек, державший дверь открытой, был ему знаком: это был Шпиц, занимавший в Заплутавших Соснах должность почтальона. Отличная работа для города, где не принимают и не отправляют почту! И все же Шпиц несколько дней в неделю обходил улицы, набивая почтовые ящики фальшивыми рекламными листовками, ложными налоговыми уведомлениями и тому подобной макулатурой. Это был крепкий, мускулистый человек с аккуратно подстриженной бородой, и по обхвату его талии трудно было предположить, что он проводит много времени в движении. Сейчас он был одет в рваную черную футболку и килт – так почтальон нарядился для празднества, – а его левая рука была обмотана окровавленной тряпицей. На щеке у него красовался страшный порез, а из левой ноги был вырван кусок плоти.

– Привет, шериф, – сказал он, когда Итан приблизился. – Не ожидал тебя увидеть.

– Взаимно, Шпиц. Выглядишь ты ужасно, – отозвался Бёрк.

– Просто поверхностные раны. – Почтальон улыбнулся. – Мы думали, другие группы уничтожены.

– Наша сумела добраться по тоннелям до пещеры.

– Сколько вас там?

– Девяносто шесть.

– У нас тут восемьдесят три в подвале школы.

– А Гарольд? – спросила Кейт.

– Извини… – Бородач покачал головой.

– Мы думали, все остальные погибли, – произнес Гектор.

– На нас напали по дороге к тоннелям. Мы потеряли примерно тридцать человек у реки. Страшно… Как видите, я слегка подрался с одним из этих сукиных детей. Понадобилось пять человек, чтобы убить эту тварь, и, если бы у одного из нас не оказалось мачете, она перебила бы всех. Минуту назад я услышал выстрел и поэтому вышел наружу.

– Один из них напал на нас в соседнем квартале, – пояснил Итан. – Мы надеялись, что они, возможно, ушли обратно в лес.

– О нет! Город кишит ими. Я организовал рейды по ближайшим домам – тем, куда можно добежать за пару минут. Кое-где в зданиях по-прежнему прячутся люди. Перед рассветом я забрал Грейси и Джессику Тёрнер – Джим заколотил их досками в стенном шкафу. Он ведь был не в вашей группе?

– Я видел его прошлой ночью, – сказал Итан. – Он не выжил.

– Очень жаль.

– Как держатся ваши люди? – спросила Мэгги.

– За ночь трое умерли от ран. Еще двое в очень плохом состоянии. Вероятно, не доживут до вечера. Многие из нас исцарапаны, как черти, и все напуганы до смерти. Почти нет воды, только немного набрали из питьевых фонтанчиков. В нашей группе оказался учитель, и, если бы он не подсказал нам пойти сюда, мы все погибли бы. Я даже не сомневаюсь в этом. Прошлой ночью… это была война.

– Насколько безопасно в подвале? – поинтересовался шериф.

– Могло быть и хуже. Мы заперлись за двумя дверьми в музыкальной комнате. Там нет окон. Только один вход, он же выход. Мы возвели баррикады. Я не скажу, что они неприступны, но мы держимся.

В нескольких кварталах от школы послышался вопль.

– Лучше заползайте внутрь, – предложил Шпиц. – Судя по всему, у той твари, что вы убили, были приятели.

Итан взглянул на Кейт, а потом снова перевел глаза на почтальона:

– Я направляюсь в *гору*. За Пилчером.

– Если там есть раненые, я, наверное, смогу помочь, – промолвила Мэгги. – В прошлой жизни я училась на медсестру.

– Мы с радостью приняли бы вас, – согласился Шпиц.

Первому аберу ответил второй.

– У вас есть какое-нибудь оружие? – спросил Бёрк, вновь поворачиваясь к бородачу.

– Только одно мачете, – развел тот руками.

«Черт. Нужно оставить с ними кого-то, кто умеет стрелять. Этой группе нужна какая-нибудь защита получше большого ножа», – пронеслось в голове у шерифа.

– Кейт, ты тоже останешься с ними, – приказал он старшей из женщин.

– Я нужна тебе! – запротестовала та.

– Да, но если мы оба пойдем туда и погибнем, что тогда? Подумай об этом так: если я не смогу добраться до места, ты сможешь пойти вместо меня. Ты – наш запасной игрок. А пока что будешь защищать этих людей.

– Ну что ж, Итан, полагаю, тогда остаемся только ты да я, – вздохнул Гектор. По его тону было очевидно, что он не в восторге от этой идеи.

– Увижу ли я тебя снова, шериф? – спросил Шпиц.

– Будем надеяться. – Бёрк схватил Мэгги за руку и уточнил: – В ящике прикроватного столика?

– Да. Подняться наверх, на площадке лестницы повернуть направо, дверь в конце коридора, – объяснила барменша.

– Твой дом заперт?

– Нет.

– Как его узнать?

– Розовый с белой отделкой. На передней двери висит венок.

Наконец, Мэгги и Шпиц направились внутрь школьного здания. Итан повернулся было, собираясь уходить, но Кейт обняла его, обвив его шею холодными руками. Она притянула его к себе с силой, и их губы соприкоснулись. Эта женщина поцеловала его, а он… он это позволил.

– Будь осторожен, – сказала Кейт и скрылась за дверью.

Бёрк посмотрел на Гайтера. Аберы завывали уже ближе.

– Два квартала, – напомнил Итан своему спутнику. – Мы можем успеть.

Они пробежали через школьный двор, между столиками для пикника, на открытое игровое поле, направляясь прямо к ограде. Шериф оглянулся назад и заметил движение на улице позади – бледные силуэты на четвереньках. Забросив дробовик за плечо, он оперся руками о верх ограды и перепрыгнул через нее, крепко ударившись подошвами об утоптанную землю по ту сторону. Затем выскочил на перекресток.

Справа – чисто. Слева – четверо аберов направлялись к ним, все еще за несколько кварталов отсюда. В соседнем квартале еще один абер выскочил прямо сквозь переднее окно дома, разбив стекло, и кинулся к Итану.

– Беги, не останавливайся! – крикнул тот Гектору, а сам замер, приняв стойку для стрельбы, и дослал в ствол патрон. Пианист промчался мимо, и Бёрк свалил чудовище выстрелом в голову, после чего побежал следом за Гайтером. Когда они достигли перекрестка у самого дома Мэгги, до шерифа дошло, что он так и не спросил, как выглядит ее машина. В квартале стояло немало автомобилей, и два были припаркованы у тротуара перед самым домом барменши.

Аберы появились прямо впереди. Они бежали от Главной улицы, расположенной в одном квартале, и Итан оглянулся как раз вовремя, чтобы увидеть еще с полдюжины монстров, огибающих угол близ школы, в двух кварталах от них. Они с Гектором пробежали оставшиеся тридцать футов до дома Мэгги, запрыгнули на крытое крылечко и рванули застекленную дверь. Аберы кричали, с разных сторон сбегаясь к дому. Рука музыканта соскользнула с дверной ручки, но Бёрк сумел повернуть ее, ударил плечом в дверь и ворвался внутрь.

– Запри дверь! – заорал он, когда Гектор ввалился в дом следом за ним. – Встань на середине лестницы и стреляй в любую тварь, которая запрыгнет в дом!

– А ты куда?! – крикнул тот в ответ.

– За ключами от машины!

Итан помчался вверх по лестнице, прыгая через две ступени. Крики чудовищ были слышны даже сквозь стены. Наверху шериф повернул направо, кинулся к закрытой двери в конце коридора и пролетел через нее, даже не задержавшись.

Желтые стены, белая лепнина поверху, мягкие занавеси задернуты, большая, аккуратно застеленная кровать с несколькими подушками, стопка романов Джейн Остин и курильница для благовоний на прикроватном столике… Тихая обитель Мэгги.

Итан подбежал к прикроватному столику и рывком выдвинул ящик. Внизу зазвенело, разбиваясь, стекло, раскололось дерево. Послышалось рычание, что-то закричал Гектор… Итан сунул руку в ящик, и пальцы его нащупали ключи, лежащие у задней стенки.

Раздался выстрел из дробовика.

Аберы завизжали.

– Боже! – вскрикнул пианист.

Щелк-щелк – это он дослал в ствол патрон.

Бах.

Щелк-щелк.

Пустая гильза катится вниз по ступеням.

Итан сунул ключи в передний карман джинсов и выскочил в коридор. Гектор снова закричал, а выстрелы прекратились. Гладкие подошвы ботинок Бёрка скользнули по деревянному полу, когда он достиг верхней площадки лестницы и попытался остановиться на середине движения.

Кровь. Повсюду…

Трое аберов накинулись на Гайтера: один терзал его правую ногу, другой пожирал бицепс правой руки, а третий прогрызал живот, стараясь добраться до желудка. Пианист пронзительно кричал, колотя свободной рукой по голове твари, раздиравшей его внутренности. Итан вскинул дробовик.

Первая пуля расколола череп монстра, зарывшегося в живот Гектора, второго шериф пристрелил, когда тот с рычанием поднял морду, но третий уже бросился и летел к Бёрку, выставив когти, готовый врезаться в него на огромной скорости. Однако за мгновение до этого шериф успел передернуть затвор «Моссберга» и выстрелить. Абер отлетел назад и скатился вниз по лестнице, врезавшись в еще двух своих собратьев, только что прорвавшихся сквозь парадную дверь. Итан дослал в ствол новый патрон и потверже встал на верхней площадке, пытаясь рассчитать свое следующее действие и обуздать страх. Однако он не мог отделаться от мысли, что все идет кувырком. Его левая рука онемела от отдачи «Моссберга»: было больно даже прижимать приклад к плечу.

Два монстра выползли из-под трупа сородича и уставились на шерифа. Он пристрелил их обоих, пока они взбирались по лестнице. В воздухе висел пороховой дым, и несколько мгновений было слышно только слабое размеренное шипение, словно работал крошечный насос – это с каждым ударом сердца разорванная бедренная артерия Гектора выбрасывала в сторону парадной двери дугу алой жидкости.

Мокрая от крови лестница выглядела совсем ненадежной.

Музыкант стонал и дрожал, обеими руками сжимая собственные внутренности и глядя на них с ужасом и непониманием. Он милосердно быстро истекал кровью, лицо его было белым от шока, а волосы пропитались холодным смертным потом – он уже напоминал труп, хотя ему еще только предстояло стать таковым. Гайтер смотрел на Итана с тем выражением, которое бывает только у умирающего солдата, когда он видит своего товарища, счастливо избежавшего пули.

Страх.

Неверие.

Боже-прошу-скажи-что-это-происходит-не-со-мной!

Парадная дверь была снесена с петель, и Бёрк увидел в проем, как во двор влетают все новые аберы. Они будут пожирать Гектора, пока тот еще дышит…

Шериф вытащил пистолет и снял его с предохранителя.

– Ты отправляешься в лучшее место, – произнес он, не имея никакого представления о том, правда ли это.

Пианист молча смотрел на него.

«Мне следовало послать тебя за ключами», – понял Итан и всадил пулю между его глаз.

Когда чудовища хлынули в парадную дверь, шериф уже мчался по коридору прочь от спальни Мэгги. Он выбрал вторую дверь справа, тихо прикрыл ее за собой и защелкнул замок, понимая, что нет ни единого шанса на то, что эта хлипкая задвижка кого-то остановит. Под окном из матового стекла стояла ванна на ножках. Двинувшись к ней, Бёрк услышал, как аберы бегут по лестнице и как они жрут. Он положил дробовик на раковину, высившуюся на изящной опоре, ступил в ванну и откинул шпингалет на окне, а потом поднял стекло на два фута над нижним краем рамы и надавил на него, чтобы оно не сползало. Вскарабкавшись на край ванны, выглянул из окна в маленький задний двор – пустой и обнесенный оградой.

Заскрипели ступени – аберы поднимались на второй этаж. Снаружи, в коридоре, послышался тяжелый удар, как будто что-то на полной скорости врезалось в одну из дверей. Итан ступил на пол ванной и схватил дробовик. По другую сторону двери

завизжали монстры, и что-то ударило в нее. Дерево начало трескаться посередине. Шериф дослал очередной патрон, выстрелил, целясь по центру дверного полотна, и услышал, как тяжелое тело ударилось о противоположную стену коридора. Теперь в двери зияло отверстие, пробитое пулей, а снизу, расплываясь по шахматным плиткам пола, подтекала лужа крови.

Бёрк снова взобрался на край ванны. Он бросил дробовик на крышу и протиснулся в окно как раз в тот момент, когда другой абер врезался в дверь ванной комнаты позади него. Встав на колени под окном, Итан вставил в магазин восемь патронов, а потом перебросил через плечо ремень дробовика. Чудовища все еще пытались выбить дверь ванной. Шериф закрыл окно и осторожно подобрался к краю крыши. До земли в заднем дворике было около двенадцати футов. Встав на четвереньки, Итан перевалился через край, держась за водосточный желоб, а потом вытянулся во весь рост, уменьшив тем самым высоту падения до пяти футов. Его крепко приложило о землю; он упал на бок, чтобы погасить силу удара, перекатился и мгновенно вскочил на ноги. Через стеклянные панели задней двери Бёрк видел, как по дому носятся омерзительные твари. Затем Итан пробежал через выложенное кирпичом патио. Его мышцы и кости, каждый квадратный дюйм его плоти отзывались во время этого бега все нарастающей болью. Забор был выстроен из потемневших от непогоды досок высотой в пять футов, а калитка в нем вела на боковой дворик. Шериф выглянул через забор – аберов видно не было. Он откинул засов и приотворил калитку ровно настолько, чтобы проскользнуть в нее.

Наверху, на втором этаже, со звоном разбилось стекло. Бёрк пробежал вдоль боковой стороны дома и замедлил шаг перед тем, как выйти в передний двор. Сейчас там было пусто. Он уставился на две машины, припаркованные у тротуара перед домом Мэгги. Старый джип CJ-5 с брезентовым верхом и белый хетчбэк «Бьюик» доисторического вида…

Итан вытащил из кармана ключи – три на одном кольце, и все три – без каких-либо меток.

Где-то наверху он услышал скрежет – как будто когти царапали по черепичной крыше – и бросился через двор. На полпути к дороге оглянулся: как раз вовремя, чтобы увидеть, как абер спрыгивает с крыши над крыльцом. Тварь коснулась земли и сразу же бросилась в погоню. Бёрк остановился на тротуаре, развернулся, вскинул дробовик и выстрелил аберу в грудь. Внутри дома поднялся вой.

«Бьюик» стоял ближе к бегущему человеку. Шансы, что это машина Мэгги, были пятьдесят на пятьдесят. Итан распахнул пассажирскую дверцу, нырнул внутрь и захлопнул ее за собой. Затем, перебравшись за руль, воткнул первый ключ в замок зажигания.

Ничего.

«Ну, давай же!»

Ключ номер два сразу же вошел в замок, но не повернулся. Из парадной двери дома Мэгги выскочил еще один монстр.

Шериф взялся за третий ключ.

Следом за первым абером появились еще четверо. В тот момент, когда двое из них подбежали по газону к своему умирающему собрату, выяснилось, что третий ключ вообще не входит в замок зажигания.

Черт. Черт. Черт!

Итан плашмя бросился на сиденье и сполз на пол. Он ничего не видел отсюда, но слышал, как шумят аберы во дворе. «Они заглянут внутрь, увидят тебя, и что ты тогда будешь делать? – вертелось у него в голове. – Иди немедленно!» Он протянул руку, взялся за дверную ручку и осторожно потянул ее.

Дверца приоткрылась. Бёрк выскользнул на асфальт, пригибаясь и держась так, чтобы машина заслоняла его от дома и от этих тварей во дворе. На улице аберов не было.

Шериф привстал, чтобы видеть сквозь стекла машины. В переднем дворе он насчитал шесть тварей, а сквозь открытую дверь увидел еще двух, пожирающих то, что осталось от Гектора. Джип был припаркован в нескольких футах от бампера «Бьюика».

Итан схватил с переднего сиденья дробовик и пополз по асфальту. Рискуя быть увиденным, он за несколько секунд преодолел промежуток между двумя машинами, однако монстры его не заметили. Бёрк встал и бросил взгляд через пластиковые оконца в брезентовой крыше джипа. Некоторые аберы снова скрылись в доме, но один из них по-прежнему стоял, скуля, над телом сородича, которого Итан только что застрелил.

Дверца машины с водительской стороны была не заперта. Бёрк залез внутрь и поставил дробовик между креслами. Затем вставил в замок зажигания первый ключ – и в этот момент аберы взвыли. Они увидели Бёрка и направились к нему.

Шериф повернул ключ. Никакого эффекта. Он начал было нащупывать второй ключ, но осознал, что времени нет, поэтому схватил дробовик, выпрыгнул из машины и выбежал на середину дороги.

Пятеро тварей уже неслись в его сторону.

«Ни одного промаха – или ты умрешь!»

Бёрк застрелил того монстра, что бежал первым, потом двух, державшихся слева, и отскочил назад – оставшаяся пара была уже близко. Ему потребовалось три пули, чтобы уложить четвертого, и только один выстрел, чтобы убить пятого, не добежавшего до цели всего десять футов.

Еще трое аберов выскочили из дома. Боковым зрением Итан заметил движение на прилегающих улицах – стаи чудовищ сбегались к нему со всех сторон.

Рычание позади заставило его обернуться. Два абера неслись на четвереньках прямо на него, словно пара снарядов: крупная самка и монстр поменьше, весивший, должно быть, не больше семидесяти пяти фунтов. Бёрк прицелился в меньшего и выстрелил – в яблочко! Тварь покатилась по асфальту. Самка резко остановилась, склонилась над своим поверженным детенышем и испустила долгий, горестный вой. Итан выбросил пустую гильзу и прицелился снова.

Абер-мать смотрела на него, и ошибиться было невозможно: в ее прищуренных глазах цвета топленых сливок пылала ненависть – ненависть разумного существа. Она поднялась на задние конечности и кинулась на Итана.

Визг.

Щелчок.

Магазин был пуст.

Итан бросил дробовик, выхватил пистолет и, отступая к джипу, уложил самку двумя пулями калибра.50, выпущенными ей в горло. Но аберы были уже повсюду, и шериф метнулся к машине. Тварь ростом в семь футов вспрыгнула к нему на капот. Бёрк убил ее выстрелом в голову почти в упор, за полсекунды до того, как абер дотянулся когтями до его горла, после чего забрался в джип.

Он не мог вспомнить, какой ключ пробовал в прошлый раз, и просто сунул в замок первый попавшийся. За пластиковым окном со стороны пассажирского сиденья возник очередной абер. Его коготь располосовал брезент, и длинная мускулистая лапа протянулась внутрь автомобиля. Итан схватил пистолет, лежавший у него на коленях, и, когда тварь попыталась влезть в машину, выстрелил ей в морду.

Ключ не повернулся.

Когда шериф взялся за следующий, в голову ему пришла ужасающая мысль: «А что, если машина Мэгги припаркована на другой стороне улицы? Или у тротуара чуть дальше? Вряд ли ей приходилось ездить часто…»

Тогда его съедят заживо в этом джипе.

Позади послышался звук раздираемого брезента. Итан оглянулся и увидел, как черные когти выдирают заднее окошко. Видно сквозь старый, помутневший пластик было плохо, но шерифу хватило и этого, чтобы прицелиться. Он выстрелил сквозь окно. Кровь брызнула на пластик, и затвор пистолета отошел назад.

Разряжен.

У Бёрка остался всего один магазин, и ему нужно было минимум тридцать секунд, чтобы достать коробку с патронами 50-го калибра и перезарядить…

Стоп. Нет. Он не взял запасные патроны для «Пустынного орла»! У него были только патроны для «Моссберга».

Аберы приближались. Итан видел десяток тварей сквозь лобовое стекло и слышал, как еще более многочисленная стая направляется к нему от дома Мэгги. Он схватился за второй ключ. «Как странно, от того, повернется этот ключ или нет, зависит, выживу я или умру», – промелькнула у него отчаянная мысль. Ключ вошел в замок зажигания, и шериф с силой надавил на педаль сцепления. «Пожалуйста, пусть сработает!»

Двигатель провернулся несколько раз вхолостую… И ожил.

Его похожий на бульканье звук означал жизнь. Бёрк снял автомобиль с ручного тормоза и схватился за рукоять переключения, управлявшую трехскоростной коробкой передач. Включив задний ход, он нажал на газ. Джип рванулся назад и ударился о «Бьюик», расплющив оказавшегося у него на пути визжащего абера о бампер. Итан же врубил первую передачу, крутанул руль и вдавил педаль газа в пол изо всех сил. Машина вылетела на проезжую часть.

Аберы были повсюду. Если б шериф управлял чем-нибудь более тяжелым, то без колебаний повел бы машину напролом через эту стаю. Но джип был маленьким, с узкой колесной базой и мог легко опрокинуться, так что Итан сомневался, что этот автомобиль выдержит лобовое столкновение даже со средних размеров самцом. Тем не менее он прибавил скорость. Хорошо…

Бёрк сделал резкий поворот влево, чтобы объехать аберов, и джип накренился, встав на два боковых колеса. Затем он выпрямился. Четыре твари бежали прямо на него, не боясь ничего и, похоже, не собираясь отклоняться от своего самоубийственного курса. Итан снова резко свернул и перевалил через бордюр, после чего на скорости в тридцать миль в час проломил штакетный заборчик, промчался через передний двор углового дома и снова вырвался сквозь ограду с другой стороны. С сильным ударом джип соскочил с тротуара на проезжую часть, и его шины завизжали, когда шериф вывел машину из заноса.

Дорога впереди была пуста. Мотор работал на максимальных оборотах, и Бёрк переключился на вторую передачу. Машина явно была крепче, чем можно было судить по ее виду. Шериф посмотрел в зеркало заднего вида: за ним прямо по улице гнались тридцать-сорок аберов, крики которых были слышны даже сквозь рев восьмицилиндрового двигателя.

Следующий квартал Итан пролетел на скорости в шестьдесят миль в час. Он миновал детский парк, где десять-двенадцать детенышей аберов пировали на груде лежащих в траве тел. Трупов было сорок или пятьдесят. Одна из обреченных групп…

Потом Шестая авеню резко оборвалась. Вдалеке маячили вершины величественных корабельных сосен, и Итан сбросил передачу. Он опередил гнавшихся за ним монстров по меньшей мере на четверть мили.

На Тринадцатой улице Бёрк резко свернул направо и снова вдавил педаль газа. Один квартал он ехал вдоль леса, а затем, миновав больницу, снова переключил передачу и медленно свернул налево, к главному выезду из города. Вскоре выезд остался позади. Город Заплутавшие Сосны стал отдаляться в зеркале заднего вида. Итан проехал мимо щита с прощальным плакатом, гадая, сумел ли кто-нибудь забраться так далеко в лес, когда началось кровопролитие.

Словно в ответ на его вопрос, на обочине дороги показался чей-то «Олдсмобиль». Почти все его стекла были выбиты, а корпус покрыт царапинами и вмятинами. Кто-то пытался бежать на окраины города, но группа аберов нашла его и здесь… Итан проехал мимо.

Возле знака «Впереди крутой поворот» шериф свернул с дороги в лес, не сбавляя скорости, поехал между деревьями. Впереди замаячили валуны. Карманы Бёрка были набиты патронами для дробовика, но сам дробовик остался валяться на улице перед домом Мэгги. У него был разряженный пистолет – и ноль патронов к нему. Не самый идеальный расклад для того, что он собирался сделать…

Большой скальный выход, маскировавший вход в убежище, возвышался в сотне ярдов впереди. Итан включил вторую передачу и покрепче сжал рулевое колесо.

Пятьдесят ярдов. Шериф вдавил педаль в пол, и из вентиляционных решеток повеяло жаром от перегретого мотора.

Двадцать пять ярдов. Бёрк приготовился к столкновению. Стрелка спидометра едва заметно вздрагивала, приближаясь к отметке в сорок миль в час. Итан направил автомобиль в каменную стену.

Тереза Бёрк

Она была в Сиэтле, в их старом доме в Куин-Энн. Их семья собралась на заднем дворе в один из тех дивных летних вечеров, когда видишь всю округу. Гору Рейнир, Пьюджет-Саунд и Олимпийский полуостров по ту сторону залива, озеро Юнион

и линию горизонта. Все красивое и зеленое, а на воде мерцает закатное солнце. Такие вечера были наградой за тоску холодных серых дней с непрерывным мелким дождем. В такие вечера город был почти невыносимо прекрасен.

Итан стоял у жаровни, готовя филе лосося на кедровых щепках, сбрызнутых вином, Бен настраивал гитару в гамаке, а сама Тереза стояла чуть поодаль. Все было невероятно ярким и живым, и в этой яркости таилось ощущение грезы. Женщина даже усомнилась в реальности происходящего, когда подошла к мужу и положила руки ему на плечи. Но она чувствовала запах жарящейся рыбы и действительно ощущала, как светит в глаза неяркое вечернее солнце, а от славного бурбона, который она пригубила, в ногах поселилась приятная слабость.

«Кажется, этот кусок уже готов», – сказала миссис Бёрк, и тут мир внезапно начал содрогаться. И хотя ее глаза уже были открыты, она каким-то образом распахнула их вновь и обнаружила, что сын трясет ее за плечо, чтобы разбудить.

Тереза села на холодном каменном полу пещеры, не понимая, что происходит. Несколько мгновений она даже не могла сообразить, где находится. Люди бежали мимо нее к тяжелой, сколоченной из бревен двери, которая теперь была распахнута настежь.

Сон быстро выцветал, и реальный мир обрушился на женщину, словно тяжелое похмелье. Бёрк не могла вспомнить, когда в последний раз ей снилась прошлая жизнь, и то, что этот сон явился к ней именно сейчас, в такой обстановке, казалось особенно жестоким.

Она посмотрела на Бена:

– Почему дверь открыта?

– Нам надо уходить, мама, – отозвался мальчик.

– Почему?

– Аберы возвращаются. Один из часовых увидел, как целая стая лезет на утес.

Это известие рывком вернуло Терезу к полному осознанию ситуации.

– Сколько их? – уточнила она.

– Я не знаю.

– Почему все покидают пещеру?

– Они считают, что дверь не выдержит еще одной атаки.

Бен схватил мать за руку и потянул, заставляя ее подняться на ноги.

Они направились к открытой двери. Паника в пещере усиливалась; люди, приближаясь к выходу, сбивались в тесные кучки и упирались локтями друг другу в ребра – так, что едва могли двигаться в такой тесноте. Тереза протянула вторую руку, покрепче ухватила сына и поставила его впереди себя.

Они с трудом протолкались через толпу, стоящую в проеме массивной двери.

Голоса бегущих людей эхом отдавались в тоннеле. Все старались как можно скорее выйти к дневному свету.

Тереза и Бен шагнули под полуденное небо, такое синее, что оно казалось почти ненастоящим. Миссис Бёрк ступила на край уступа и посмотрела прямо вниз, отчего внутри у нее все перевернулось.

– О господи! – выдавила она.

По меньшей мере двадцать аберов уже взбирались на утес, и еще около пятидесяти собрались у подножия, тремя сотнями футов ниже. А из леса выходили все новые и новые… Бен тоже шагнул к краю, но Тереза заставила его отойти назад:

– Даже не думай об этом.

Хаос, зародившийся в пещере, снаружи перешел в истерику: люди теперь видели, что именно на них надвигается. Кто-то побежал обратно в тоннель, кто-то попытался вскарабкаться выше по склону горы, а некоторые просто замерли от страха и уселись у каменной стены, стараясь уверить себя, что все это происходит не с ними, что такого не может быть… Те, кого вооружил Итан, заняли позиции вдоль выступа, пытаясь взять на прицел уже штурмующих откос аберов.

Тереза видела, как одна из женщин уронила ружье. Видела, как мужчина оступился и с криком упал вниз, в этот страшный лес. А потом с уступа прозвучал первый выстрел.

– Мама, что нам делать? – прошептал Бен.

Миссис Бёрк не могла вынести ужас, нарастающий в глазах ребенка. Она оглянулась на каменистую тропу, ведущую в пещеру.

– Может, нам надо было остаться внутри? – спросил ее сын.

– И молиться, чтобы дверь выстояла? Нет. – Она помотала головой.

Справа от устья пещеры начинался узкий выступ, который тянулся дальше по склону горы. С такого расстояния Тереза не могла различить, можно ли было пройти по нему, но это было хотя бы что-то.

– Идем. – Она взяла сына за плечо и повела его обратно по тропе к проходу. За их спинами слышались все новые выстрелы.

– Но ты ведь сказала… – начал было удивленный мальчик.

– Мы идем не в пещеру, Бен, – объяснила женщина.

Когда они достигли устья, Тереза впервые как следует осмотрела уступ. Он был не шире фута, и там не было ни досок, ни тросов. Похоже, пройти по нему было на самой грани возможного.

Миссис Бёрк внимательно посмотрела на сына. Мимо них пробегали люди, торопясь вернуться в пещеру. Где-то в лесу, далеко внизу, визжали чудовища…

– Нам нужно пройти по этому выступу, – сказала Тереза.

Сын уставился на узкую природную тропку на склоне горы:

– Выглядит жутко…

– Ты предпочел бы быть запертым в пещере, в то время как полсотни аберов ломают дверь?

– А как же все остальные?

– Моя задача – защитить тебя. Ты готов?

Мальчик быстро, неуверенно кивнул, и Тереза ощутила, как ее желудок сжался в тугой комок. Она ступила на тропу и прижалась грудью к скале, ведя ладонями по камню. Двигаясь боком и делая мелкие шаркающие шажки, женщина цеплялась за выбоины, когда ей удавалось нашарить их. Пройдя пять футов, она оглянулась на Бена:

– Видишь, как я это делаю?

– Ага.

– Твоя очередь.

Как ни трудно было покидать безопасную широкую тропу, ведущую в глубь горы, видеть, как сын ступает на узкий карниз, было бесконечно труднее. Первым делом ребенок, конечно же, посмотрел вниз.

– Нет, не делай так, милый. Гляди на меня, – велела ему мать.

Бен вскинул на нее глаза:

– При ярком свете это куда страшнее!

– Просто сосредоточься на том, чтобы делать аккуратные шаги, и прижимай руки к скале, как я. Иногда тут есть за что схватиться.

Бен шаг за шагом двинулся к Терезе.

– Ты отлично справляешься, сынок, – подбодрила она его.

Наконец он дошел до нее, и они продолжили путь вместе. Через двадцать футов под ними открылась зияющая пропасть, вертикальный откос в четыреста футов. Лес был прямо под ними. Если сорвешься, то даже ни обо что не ударишься, пока не рухнешь на землю у подножия.

– Как ты, дружок? – спросила Тереза.

– Все в порядке, – откликнулся сын.

– Ты не смотришь вниз?

– Нет.

Тереза оглянулась. Конечно же, он смотрел!

– Черт тебя побери, Бен! – рассердилась она.

– Я ничего не могу поделать, – пожаловался мальчик. – У меня от этого в животе странное чувство, как будто все дрожит…

Матери хотелось протянуть руку, коснуться его и крепко прижать к себе.

– Нам нужно идти дальше, – промолвила она настойчиво.

Тереза не была уверена, но ей казалось, что тропа сужается. Пятка левой ноги, которую она ставила перпендикулярно к краю, носком к горе, свешивалась с уступа уже на дюйм или два.

Когда они приблизились к изгибу горного склона, со стороны устья пещеры послышались беспорядочные выстрелы, и мать с сыном посмотрели в ту сторону. Несколько десятков человек отступали по тропе в тоннель так быстро и целеустремленно, что было понятно – они пытаются спасти свои жизни. Раздался крик абера, потом еще один, и еще… Бледные, с прозрачной кожей и плотью чудовища вскарабкались по горному склону. Оказавшись на широком уступе, они бросились на четвереньках по тропе к тоннелю.

– Что, если они нас увидят? – спросил Бен.

– Не шевелись, – прошептала Тереза. – Даже пальцем не двигай.

Когда последний из монстров – женщина насчитала их сорок четыре – скрылся в тоннеле, она снова подала голос:

– Идем.

Они уже огибали склон, и в этот момент из тоннеля долетел гулкий громовой раскат.

– Что это?! – вздрогнул Бен.

– Аберы. Они бьются о дверь пещеры, – объяснила миссис Бёрк.

Она обхватила скалу руками и сделала шаг за угол, на карниз шириной в шесть дюймов. Ей казалось, что сердце колотится у нее в глотке.

Неожиданно из прохода вырвался громкий слитный крик множества голосов.

Часть VI

Хасслер

Газ-Воркс-парк, Сиэтл, Вашингтон

1816 лет назад

Хасслер переворачивал бургеры на гриле неподалеку от развалин здания Сиэтлской газово-энергетической компании. Ржавые цилиндры и сплетение арматуры маячили поодаль, словно макет пейзажа в стиле стимпанк. Изумрудно-зеленые лужайки простирались до берега озера Юнион, искрящегося под предвечерним солнцем. Июнь. Тепло. Кажется, весь город вышел погулять и насладиться этим редким погожим днем.

Парусные лодки вписывают цветные треугольники в голубой простор озера. Воздушные змеи добавляют цветные крапинки в голубой простор неба. Тарелочки-фрисби рассекают воздух, и звонкое эхо детского смеха доносится от заводской насосной станции, переделанной теперь в «игровой цех».

Это был ежегодный корпоративный пикник, устраиваемый секретной службой Сиэтла для полевых агентов. Хасслер не мог отделаться от мысли о том, как странно видеть все эти голые ноги, обутые в сандалии, вместо наглаженных черных костюмов – женских и мужских.

Его ассистент Майк подошел с двумя пустыми тарелками и несколькими заказами на спиральные сосиски, и пока Адам накалывал вилкой одну из этих сосисок, он заметил, как Тереза Бёрк отделилась от группы, с которой стояла до того, и направилась к берегу. Походка ее была слишком быстрой, чтобы это можно было назвать прогулочным шагом.

Хасслер отложил вилку и взглянул на своего помощника.

– Я упоминал о том, что намерен тебя повысить? – спросил он Майка.

Глаза ассистента расширились, и в них блеснул огонек корыстного интереса. Молодой человек работал у Адама всего восемь месяцев, но уже проявил в ряде случаев полное отсутствие компетентности – что было особенно странно, если учесть, что основной его работой было отвечать на телефонные звонки, разливать кофе и печатать под диктовку отчеты специальных агентов.

– Серьезно? – переспросил Майк.

Хасслер стянул через голову свой красно-белый клетчатый фартук и протянул его помощнику:

– В твои новые обязанности входит спрашивать людей, хотят ли они гамбургер, сосиску или и то, и другое. И следи, чтобы ничего не подгорело.

Плечи молодого человека поникли:

– Я хотел взять порцию для Лейси…

– Это твоя новая девушка?

– Да.

– Так скажи ей, чтобы пришла сюда, и ты сможешь накормить ее и сообщить ей эту важную новость о твоем повышении.

Адам хлопнул Майка по плечу и пошел прочь от гриля, ступая по невысокой траве, испещренной золотистыми крапинками лютиков.

Тереза стояла у воды.

Хасслер подошел к берегу и остановился футах в двадцати от нее, притворяясь, что любуется великолепным видом.
Там и правда было на что посмотреть: радиовышки на вершине Капитолийского холма, домики на склонах Куин-Энн…
Несколько мгновений спустя мужчина оглянулся. Миссис Бёрк неотрывно смотрела на другой берег, и на скулах ее играли желваки, а взгляд был очень напряженным.

– Всё в порядке? – спросил Адам.

Женщина вздрогнула, обернулась, вытерла глаза и изобразила на лице жалкое подобие улыбки.

– Да-да. Просто наслаждаюсь хорошим днем. Жаль, что они так редко выпадают!

– Верно. В такие дни я иногда жалею, что не умею управляться с парусом.

Тереза оглянулась назад, на парк, где отдыхали все остальные участники пикника. Хасслер проследил за ее взглядом. Ветерок донес до них приятный запах пива, разлитого в пластиковые стаканы. Адам заметил Итана Бёрка и Кейт Хьюсон, стоящих чуть в стороне от остальных, вдвоем. Кейт смеялась, в то время как Итан рассказывал какую-то историю или анекдот, иллюстрируя свои слова жестами.

Хасслер чуть сократил расстояние, отделявшее его от Терезы.

– Вам не очень-то весело, верно?

Она покачала головой.

– Такие корпоративные вечеринки родным, должно быть, кажутся странными, – заметил Адам. – Мои агенты видят друг друга через день. Вероятно, они проводят друг с другом больше времени, чем с собственными супругами. А потом вы приходите сюда и чувствуете себя посторонней.

Миссис Бёрк улыбнулась.

– Вы очень точно описали это. – Она хотела было сказать еще что-то, но оборвала себя на полуслове.

– Так что? – подбодрил ее Хасслер, делая еще шаг ближе. Он уже чувствовал запах геля для душа, который его собеседница использовала сегодня утром.

Глаза Терезы были ясными и зелеными. Адаму Тобиасу показалось, что электрический разряд прошил его зрачки и ушел куда-то в живот. Он разом ощутил тошноту, восторг, страх… Это означало – чувствовать себя живым. Великолепно живым.

– Мне следует тревожиться? – спросила женщина.

– Тревожиться? – удивился Хасслер.

Бёрк понизила голос:

– Насчет них. Насчет Итана и… – Ей словно бы не хотелось произносить это имя, как будто оно оставляло во рту дурной вкус. – И Кейт.

– В каком смысле тревожиться?

Он знал, что жена Итана имеет в виду. Ему просто хотелось услышать, как она выскажет это вслух.

– Они ведь напарники, да? Вот уже четыре месяца, если не ошибаюсь? – уточнила Тереза.

– Да, что-то вроде того.

– Это ведь очень тесные отношения, верно? Между напарниками.

– Может быть. Такая работа сближает. Часто бывает нужно проводить вместе много времени. И приходится доверять другому собственную жизнь.

– Значит, она в некотором роде его рабочая жена.

– Мне было бы сложно назвать хотя бы одну пару агентов, находящихся у меня в подчинении, которые не были бы дружны между собою, – отозвался Хасслер. – Сама сущность работы подталкивает людей друг к другу.

– Это так тяжело… – промолвила Тереза.

– Мне трудно представить.

– Так вы не думаете…

– Лично я не видел никаких поводов заподозрить Итана в том, что он не хранит супружескую верность. Он везучий человек. Надеюсь, вы это знаете.

Миссис Бёрк вздохнула и спрятала лицо в ладонях.

– Что случилось? – насторожился Адам.

– Мне не следовало…

– Нет, всё в порядке. Говорите.

– Окажите мне услугу, – попросила женщина.

– Скажите какую.

– Не рассказывайте Итану об этом разговоре. Вы не очень хорошо знаете меня, Адам, но я вовсе не ревнива. Это просто… я сама не знаю, что со мной.

– На устах моих печать. – Хасслер улыбнулся. – И вы должны знать, я чертовски хорош в том, что касается конфиденциальности. Слово «тайна» – второе название моей работы, видит Бог.

Теперь уже Тереза улыбнулась ему, и он едва смог это выдержать, зная, что в ближайшие дни не сможет думать почти ни о чем, кроме этой ее улыбки.

– Спасибо, – сказала женщина и мимолетно коснулась его плеча.

Это мгновение показалось ему годом.

– Я могу остаться здесь, – предложил Адам. – Составить вам компанию.

– О нет, у вас есть обязанности распорядителя пикника, а мне пора вспомнить о том, что я уже большая девочка, и не раскисать. Но спасибо за предложение.

Тереза пошла вверх по травянистому склону, а Хасслер смотрел ей вслед. Он и сам не мог точно сказать, что в этой женщине заставляет его сердце рваться прочь из груди. Говоря по правде, они были просто знакомыми. Да и беседовали между собой всего лишь несколько раз – когда она проходила через его кабинет, чтобы принести Итану что-нибудь, когда они с нею сталкивались на симфоническом концерте, когда его приглашали в дом Бёрков на чай со сладостями…

Хасслер никогда не был женат и ни в кого не влюблялся со времен окончания школы, но в этот момент, стоя на берегу озера Юнион и глядя, как Тереза подходит к своему мужу и обвивает рукой его талию, он ощутил обжигающую вспышку ревности – словно увидел, как принадлежащая ему женщина уходит с другим мужчиной.

Итан

Он пробил бампером джипа замаскированную под камень дверь. Осколок металла ударил в лобовое стекло, оставив прямо посередине длинную ветвистую трещину.

Итан почти ожидал, что за дверью его будет караулить целая бригада людей Пилчера, но тоннель оказался пуст, и шериф переключился на третью передачу. Тридцать пять миль в час вверх по крутому откосу – больше выжать из машины было невозможно. Над головой Бёрка проносились подвешенные к потолку лампы, с каменных сводов на треснувшее лобовое стекло падали капли воды. Каждый раз, огибая поворот, шериф готовился увидеть преграду на своем пути и строй людей Пилчера с автоматами в руках и с приказом стрелять на поражение. Но все-таки оставалась возможность, что приближенные Дэвида понятия не имеют, что он сделал.

Единственные экраны, куда выводилась информация с камер, располагались в штаб-квартире службы наблюдения и в кабинете Пилчера. Техников-наблюдателей можно было где-то запереть, опоить, подкупить или даже убить. Ближнее окружение шефа, несомненно, питало невероятную верность по отношению к нему, но Итан не мог представить, что все они просто стояли и смотрели, как Дэвид убивает остатки человечества.

Вскоре шериф насторожился. Он подъезжал все ближе, но по-прежнему не замечал никаких признаков противодействия. Мужчина мог держать пари: Пилчер намеревался удостовериться, что все до единого жители Заплутавших Сосен перебиты, а потом подать это своим людям, как ужасающий несчастный случай. Поломка, изгородь выключилась сама собой, ничего нельзя было сделать…

Когда за длинным плавным поворотом показался въезд в *гору*, Итан снял ногу с педали газа. Вкатившись в обширную пещеру, он позволил джипу остановиться, передвинул рукоять переключения передач на первую скорость и выключил двигатель. После этого поднял с пола пистолет, оттянул затвор назад и отпустил, чтобы оружие выглядело заряженным. Порывшись в карманах еще раз, Бёрк нашел только две коробки патронов двенадцатого калибра и фонарик.

Открыв дверцу, он ступил на каменный пол. В ковчеге стояла тишина: ни единого звука, кроме тихого шипения насосов, подающих воздух, которое доносилось из освещенного синими лампами анабиозного центра. Итан расстегнул куртку и бросил ее на сиденье джипа, сунув бесполезный пистолет за ремень испачканных грязью и кровью джинсов. Когда он подошел к толстым стеклянным дверям, ведущим на первый уровень комплекса, до шерифа дошло, что у него нет электронного пропуска. Камера, расположенная над дверьми, была направлена прямо на него.

«Вы смотрите на меня сейчас? – усмехнулся про себя Бёрк. – Вы должны знать, что я здесь».

И неожиданно позади него раздался голос:

– Заложи руки за голову и сомкни пальцы.

Итан поднял руки и медленно повернулся. Парень лет двадцати с небольшим, в бандане, повязанной вокруг головы, стоял футах в пятидесяти от него, возле ближайшего из огромных резервуаров ковчега, и целился в Бёрка из «AR-15».

– Привет, Маркус, – сказал ему шериф.

Молодой человек двинулся к нему. В желтом свете висячих ламп-шаров он выглядел злым, как черт. Что ж, если честно, у него был для этого повод. Во время их последней стычки Итан ударил его рукоятью пистолета.

– Мистер Пилчер знал, что ты придешь, – заявил Маркус.

– Он сам так тебе сказал, да? – отозвался шериф.

– Он рассказал мне обо всем, что ты сделал.

– Обо всем, что я сделал?

– И еще сказал мне пристрелить тебя, так что…

– Маркус, в Заплутавших Соснах гибнут люди. Женщины. Дети.

Парень наполовину сократил расстояние между ними, и Итан увидел в его глазах такую ярость, что понял: тот действительно может нажать на спуск.

Стеклянные двери открылись. Бёрк оглянулся и увидел высокого светловолосого мужчину – тот шел, направив пистолет ему в сердце. Итан помнил его по той встрече в морге. Друг Алиссы, Алан Спир – глава службы безопасности Пилчера.

Шериф посмотрел на Маркуса – парень уже поднес винтовку к плечу, готовясь выстрелить.

– У тебя тоже приказ пристрелить меня, как только увидишь? – спросил Итан у Алана.

– Лучше поверь в это, – ответил тот.

– Где Тед?

– Понятия не имею.

– Возможно, тебе лучше сначала выслушать меня, – предложил Бёрк.

Маркус приближался, и, когда Спир направил свой пистолет Итану в лицо, молодой человек протянул руку и вытащил «Пустынного орла» из-за пояса у незваного гостя, после чего бросил это оружие на каменный пол.

– Вы понятия не имеете, что происходит снаружи, – продолжал шериф. – Никто из вас понятия не имеет. Прошлой ночью Пилчер отключил ограждение и открыл ворота. Он впустил в долину стаю аберов. Большинство жителей города уничтожено.

– Чушь собачья! – бросил Алан.

– Он врет! – воскликнул Маркус. – Почему мы вообще слушаем…

– Я хочу вам кое-что показать, – сказал Итан. – Я сейчас медленно суну руку в карман…

– Клянусь Богом, это будет последнее движение в твоей жизни, – перебил его друг Алиссы.

– Вы же забрали у меня оружие, – напомнил ему шериф.

– Алан, у нас есть приказ, – вмешался Маркус. – Я…

– Захлопни пасть, – процедил Бёрк. – Сейчас разговаривают взрослые. – Он снова перевел взгляд на главу службы безопасности. – Помнишь нашу встречу в морге? Помнишь, о чем ты меня попросил?

– Узнать, кто убил Алиссу.

– Верно. – Спир неотрывно смотрел на Итана.

– Я узнал это, – объявил шериф.

На челюсти Алана заходили желваки.

– Это сделал твой босс, – продолжал Бёрк. – И Пэм.

– Ты явился сюда с такими обвинениями, и лучше бы тебе их… – начал было все еще держащий его на мушке человек.

– Тебе доказать это? – Итан указан на свой карман. – Можно?

– Медленно.

Шериф сунул руку в карман и пошарил там, пока его пальцы не нащупали искомое. Достав квадратную пластинку – карту памяти, – он поднял ее вверх.

– Пилчер и Пэм убили Алиссу. Но сначала они пытали ее. Это дал мне глава службы наблюдения. Здесь показано все. – Стоящий перед Итаном мужчина по-прежнему направлял на него свой пистолет, и выражение его лица было непроницаемым. – У меня к тебе один вопрос, Алан. Если я говорю тебе правду, кому ты отдашь свою верность?

– Он играет с тобой! – прорычал Маркус.

– Есть лишь один способ убедиться, – настаивал Бёрк. – Что тебе стоит поглядеть это, Алан? Разве что смерть Алиссы тебя совершенно не интересует…

Сквозь стеклянную дверь Итан увидел, как по коридору бежит еще один охранник. Он был одет в черное, вооружен шокером, пистолетом и автоматом и налит адреналином до самых глаз. На подходах к стеклянной двери охранник увидел шерифа и вскинул оружие – и тут же Алан обхватил правой рукой его шею и приставил к его виску пистолет.

Дверь распахнулась.

– Я его захватил, – сказал Спир. – Спокойно.

– Убей его! – закричал Маркус. – У тебя есть приказ!

– Какого черта ты творишь, Алан? – поинтересовался вновь прибывший.

– Тебе не надо убивать этого человека, Мастин. Пока не надо, – ответит тот.

– Надо или не надо – какое это вообще имеет значение? И тебе это известно, как никому из нас! – начал спорить охранник.

Алан плотнее сдавил горло Итана:

– Шериф говорит, что город атакован мерзкими тварями и что ворота открыл наш босс. Он также утверждает, что за смерть Алиссы ответственны мистер Пилчер и Пэм.

– Одно дело сказать, – возразил Мастин, – другое – доказать это.

Бёрк снова поднял вверх карту памяти.

– Он утверждает, что здесь заснята смерть Алиссы, – пояснил начальник службы безопасности.

– И что? – фыркнул Маркус.

Спир перевел угрожающий взгляд на парня:

– Что ты сказал, сынок?.. Предположим, что эта дикая чушь – правда. И с твоей точки зрения нормально, что мистер Пилчер убил свою дочь, родную дочь, и попытался это скрыть?! Ты хочешь это так и оставить?

– Он босс, – не сдавался юноша. – Если он делал что-то подобное, то наверняка у него…

– Но он же не Бог, верно?

Из тоннеля донесся вопль – его эхо загуляло по ковчегу.

Алан выпустил Итана и с подозрением посмотрел на него:

– Что это?

– Судя по звуку, кое-кто из аберов нашел дорогу в ваше убежище, – ответил шериф. – Я просто проехал дверь в тоннель насквозь.

Глава службы безопасности посмотрел на вооружение Мастина:

– У нас есть что-нибудь помощнее «AR-15»?

– Крупнокалиберный пулемет «M-230» на поворотной турели, – ответил охранник.

– Мастин, Маркус, бегите к этому пулемету! – распорядился Алан. – Соберите всех. Всю команду.

– А что ты намерен сделать с ним? – спросил Маркус, указывая подбородком на Итана.

– Мы с ним пойдем в центр наблюдения и посмотрим, что он принес.

– Нам было велено убить его, – возразил парень, поднимая винтовку.

Алан сделал шаг к нему и встал так, что ствол «AR-15» уперся главе безопасности в грудь:

– Ты мог бы не целиться в меня из оружия, сынок?

Маркус опустил винтовку.

– Пока вы с Мастином принимаете меры, чтобы нас не съели, я намерен взглянуть на то, что принес шериф, – заявил Спир. – Он уверяет, что это запись того, что случилось с моей подругой. И если там окажется что-то другое, я пристрелю его на месте. Так тебе будет спокойней?

Тереза

– Ты почти дотянулся! – прошептала она.

Бен опустил ногу пониже, нащупывая следующий выступ.

Крики и вопли из пещеры Скитальцев все еще были слышны. Узкий выступ только что закончился, и теперь двое беглецов сползали вниз по откосу крутизной градусов в пятьдесят. Пока что наличие уступов и выбоин в твердом, сплошном граните спасало их жизни, но Тереза не могла не думать о том, что малейший промах и любой непрочно держащийся камешек грозит им падением с высоты в двести футов. Мысль о том, что ее сын спускается по этой каменной стене вместе с ней, была почти невыносима.

Если Бен сорвется, она прыгнет следом за ним.

Но пока что он слушал ее указания и следовал им, справляясь со своим страхом и неуверенностью чертовски хорошо для двенадцатилетнего пацана.

Бен слез на выступ, где последние несколько минут сидела его мать. Этот выступ никуда не вел, но по крайней мере был достаточно широким, чтобы они могли отдохнуть и не цепляться так отчаянно за выемки в скале. Им оставалось еще проделать долгий спуск, но прогресс уже был налицо, и вершины сосен маячили всего в двадцати футах ниже.

Еще один крик вырвался из устья тоннеля далеко вверху.

– Не думай об этом, – торопливо сказала Тереза. – Не думай о том, что с ними происходит. Сосредоточься на том, что тебе надо сделать, Бен. На том, чтобы двигаться аккуратно и обдуманно.

– Все в этой пещере умрут, – выдавил ребенок.

– Бен…

– Если бы мы не нашли этот карниз…

– Но мы его нашли. И скоро мы спустимся с этого откоса и разыщем твоего отца.

– Ты боишься? – спросил мальчик.

– Конечно, боюсь.

– Я тоже.

Бёрк протянула руку и коснулась щеки сына. Щека была холодной, скользкой от пота и розовой от усталости и начинающегося солнечного ожога.

– Как ты думаешь, с папой все в порядке? – спросил Бен.

– Думаю, да, – ответила Тереза, но глаза ее наполнились слезами при мысли об Итане. – Твой папаша – крутой чувак. Надеюсь, ты это знаешь.

Ее сын кивнул, отведя взгляд от утеса и посмотрев в загадочную темноту густого соснового леса.

– Я не хочу, чтобы меня съели, – промолвил он.

– Нас не съедят. Мы тоже крутые чуваки. Мы – семейство крутых чуваков.

– Ты не крутой чувак, – возразил Бен.

– То есть?

– Ты – крутая чувиха.

Тереза закатила глаза и сказала:

– Поднимайся, пацан. Нам нужно двигаться дальше.

* * *

Было уже за полдень, когда мать и сын сошли со скалы на мягкую лесную почву. Они провели на утесе несколько часов под прямыми палящими солнечными лучами, и теперь оба вытирали пот, ожидая, пока их глаза приспособятся к прохладной тени деревьев.

– Что теперь? – спросил Бен.

Тереза была не совсем уверена, что знает ответ на этот вопрос. По ее расчетам, они были примерно в миле от окраины города, но ей казалось, что направиться в Заплутавшие Сосны будет небезопасно. Аберы хотели есть.

Они останутся там, где есть люди, или хотя бы там, где они были. Но с другой стороны, если они с Беном вернутся в город, то смогут спрятаться в доме. Запереться в подвале. Если монстры найдут их в лесу, скрыться будет негде. Уже приближался вечер, и миссис Бёрк не нравилась мысль устроиться спать на улице и в темноте.

– Думаю, мы возвращаемся в город, – произнесла она.

– Но там же аберы!

– Я знаю место, где мы можем спрятаться. Переждать это, пока твой папа все не уладит.

Тереза зашагала между деревьями, и Бен следовал за ней по пятам.

– Почему мы идем так медленно? – поинтересовался он.

– Потому что нам нельзя наступать на ветки. Мы должны двигаться бесшумно. Если что-то направится в нашу сторону, мы должны услышать это как можно раньше и спрятаться.

И они пошли дальше, петляя между деревьями. Криков больше не было слышно – ни человеческих, ни аберовских. Ничего, кроме шагов двух усталых людей по усыпанной сосновыми иглами почве, их тяжелого дыхания и шороха ветра в кронах деревьев.

Итан

Бёрк прошел за Аланом через стеклянную дверь. Они поднялись по лестнице на второй этаж и с верхней площадки свернули в коридор, ведущий на Уровень 2. Когда приблизились к центру наблюдения, Спир достал из кармана электронный пропуск. Он поднес его к двери, но над считывателем загорелась красная лампочка. Мужчина попробовал снова – с тем же результатом. Он постучал по двери:

– Это Алан Спир. Откройте!

Ответа не было.

Главный безопасник отступил назад, выпустил в считыватель четыре пули, а затем впечатал в центр двери свой ботинок тринадцатого размера.

Она распахнулась, и Итан позволил Алану войти первым. В комнате было темно: ее освещало лишь мерцание составленной из экранов стены. За пультом управления никого не было. Бёрк остался ждать на пороге, а Спир направился к внутренней двери. Он поднес свой пропуск к считывателю – и на нем загорелся зеленый свет. Замок открылся, и Алан нацелил свой «AR-15» в боковую комнату.

– Чисто, – резюмировал он.

Итан вошел в помещение и посмотрел на него:

– Ты сумеешь управиться с этой системой?

– Я смогу понять, как проиграть эту карту памяти. Давай ее сюда.

Мужчины сели у пульта.

Спир сунул карту в порт, а шериф посмотрел на экраны.

Все они были темными, кроме одного.

Камера показывала школьный подвал – большую толпу, сгрудившуюся в темном помещении. В центре подвала на импровизированных матрасах лежали раненые, рядом с ними хлопотали несколько непострадавших человек. Бёрк поискал взглядом Кейт, но не смог различить ее среди остальных.

Неожиданно изображение появилось на другом экране. Это был дальний вид через все поле – приречный парк. Вдоль реки ковылял какой-то мужчина.

– Смотри, Алан, – указал Итан на этот монитор.

Начальник безопасности поднял взгляд.

Мужчина на экране побежал – неловкой, шаткой походкой раненого человека.

Три абера ворвались в поле зрения камеры с левой стороны монитора в тот момент, когда беглец скрылся с правой.

Загорелся новый монитор – кадры с Шестой улицы, где жил Итан. Мужчина выбежал из парка на дорогу. Монстры гнались за ним на задних конечностях. Человек и его преследователи приближались к камере.

Чудовища догнали его перед домом шерифа и убили прямо посреди улицы.

Итан почувствовал приступ тошноты. И ярости.

– Я подумал сегодня утром, что что-то не так, – заметил Алан.

– Почему?

– Мастин, тот охранник, который к нам выбежал, – снайпер. Каждый день он с утра до вечера сидит на вершине горы, озирая город и каньон, и отстреливает всех аберов, которые пытаются подобраться поближе. Сегодня утром я увидел его в столовой, хотя в это время ему полагалось быть на посту. Он сказал, что Пилчер отозвал его с дежурства на сегодня. Но причины не назвал. И день сегодня был ясным.

– Это для того, чтобы Мастин не увидел, что его босс сделал со всеми этими невинными людьми, – угрюмо заключил Бёрк.

– Когда они прорвались за ограждение? – спросил Спир.

– Прошлой ночью. Тебе не сказали?

– Ни слова.

Зажегся новый экран.

– Это файл с карты памяти? – уточнил Итан.

– Да. Ты это видел?

– Видел.

– И что?

– Забыть это невозможно.

Алан поставил видеофайл на воспроизведение.

С угла высокого потолка камера смотрела вниз на помещение морга. Там были Пилчер, Пэм и Алисса. Дочь Дэвида была пристегнута толстыми кожаными ремнями к прозекторскому столу.

– Запись без звука? – спросил главный безопасник.

– Это к лучшему.

Было видно, что Алисса кричит: ее голова приподнялась от поверхности стола, и все мышцы напряглись.

Памела подошла, схватила девушку за волосы и рывком заставила ее опустить голову на металлическую столешницу.

Затем в кадр вошел Дэвид Пилчер. Он положил на обитый металлом стол маленький нож, после чего вскарабкался на этот стол сам, прижимая к нему тело дочери. Итан отвернулся. Он уже видел это один раз, и ему не требовалось освежать эти картины в памяти.

– Господи Иисусе!.. – выдохнул Алан.

Он остановил видео и резко встал, оттолкнув свой стул от пульта.

– Куда ты собрался? – повернулся к нему шериф.

– А как ты думаешь куда? – Начальник безопасности двинулся к двери.

– Подожди.

– Что? – Спир оглянулся. Глядя на его лицо, невозможно было сказать, что именно он видел пару мгновений назад. Ледяное нордическое спокойствие, невыразительное, как зимнее небо…

– Ты нужен людям в городе, – напомнил ему Итан.

– Сначала я его убью, если ты не возражаешь.

– Ты не подумал…

– Свою родную дочь!..

– Ему конец, – сказал Бёрк. – Он все равно что покойник. Но у него есть информация, которая нам нужна. Иди и мобилизуй своих людей. Вышлите команду, чтобы закрыть ворота и восстановить подачу электричества на ограждение. А я пойду к Пилчеру.

– Пойдешь?

Итан встал:

– Именно.

Алан вынул из кармана свой электронный пропуск, бросил его на пол и сказал:

– Тебе это понадобится.

Рядом с пропуском упал ключ.

– И это тоже. От лифта. А пока мы заняты там… – Спир достал из наплечной кобуры миниатюрный «глок», взял его за ствол и протянул шерифу. Когда тот взял оружие, Алан добавил: – Если в следующий раз, когда мы увидимся, ты признаешься, что в запале пустил пулю в кишки этому стервецу и смотрел, как тот медленно истекает кровью, я тебя пойму.

– Мне жаль, что Алисса… – начал было Бёрк, но безопасник уже вышел из комнаты.

Итан нагнулся и поднял с пола ключ и пластиковую карточку.

Коридор был пуст.

На полпути вниз по лестнице шериф услышал звук – очень хорошо знакомый ему с тех пор, как он побывал на войне. Стреляли из крупнокалиберного пулемета – как будто смерть исполняла партию на барабанах.

К тому времени как Бёрк достиг Уровня 1, шум стал невыносимым. Люди покидали свои рабочие места, выбегали из жилых помещений… Остановившись у двойных дверей без каких-либо надписей и табличек, Итан провел пропуском через считыватель. Двери открылись. Мужчина вошел в тесную кабину лифта, вставил ключ в замок на контрольной панели и повернул его. Единственная кнопка замигала. Шериф нажал ее, двери закрылись, и грохот пулемета начал постепенно стихать вдали. Итан подумал о своих родных, и страх за них распустился в его животе, словно цветок из битого стекла.

Двери отворились.

Он вошел в жилище Пилчера.

Проходя через кухню, Бёрк услышал шкворчание жарящегося мяса. В воздухе витали запахи чеснока, лука и оливкового масла. Видимо, в тот момент, когда в комплекс ворвались аберы и поднялась тревога, шеф-повар Тим был за работой: тщательно сервировал завтрак своего босса, украшая фарфоровую тарелочку сложным узором из капелек красного соуса, выдавленного из пакетика.

Двинувшись по коридору к кабинету Дэвида, Итан проверил, заряжен ли Аланов «глок», и с радостью отметил, что патрон уже в стволе.

Не озаботившись постучаться, шериф открыл дверь в кабинет Пилчера и вошел.

Хозяин апартаментов сидел на одном из кожаных диванов, повернувшись лицом к экранной стене и закинув ноги на кофейный столик из древесины акации. В одной руке он держал пульт дистанционного управления, в другой – бутылку с чем-то коричневым и явно хорошо выдержанным. Левая сторона стены показывала кадры с камер в Заплутавших Соснах. Правая – данные наблюдения внутри убежища.

Итан подошел к дивану и сел рядом с Пилчером. Он мог сломать этому человеку шею. Мог забить его до смерти или задушить. Единственное, что его действительно останавливало, – это мысль, что смерть Дэвида принадлежит жителям города. Бёрк не мог похитить ее у них. Только не после того, что сделал с ними этот человек.

Босс оглянулся. Его лицо было покрыто глубокими царапинами, из которых все еще сочилась кровь.

– С кем это ты сцепился? – спросил Итан.

– Сегодня утром мне пришлось отпустить Теда, – вздохнул Дэвид.

Бёрк ощутил острый приступ ненависти. От Пилчера пахло выпивкой, он был одет в черный атласный халат, а волосы его были взъерошены. Он протянул шерифу бутылку.

– Нет, спасибо, – отказался тот.

На одном из экранов Итан увидел частые вспышки пулеметных выстрелов. Крупнокалиберные пули косили аберов в тоннеле.

На другом – орава тварей на Главной улице вяло поедала трупы людей, убитых прошлой ночью. Животы у аберов были раздуты от обилия пищи.

– Вот так все заканчивается, – тихо произнес Пилчер.

– Ничего не заканчивается – кроме тебя, – возразил Бёрк.

– Я тебя не виню, – заявил вдруг босс.

– Винить меня? За что?

– За твою зависть.

– И кому именно я, по-твоему, завидую?

– Мне, конечно. Тому, каково это – сидеть вот здесь за этим столом. Быть… создателем всего этого.

– Ты думаешь, что все было ради этого? Что мне нужно твое место?

– Я знаю, что ты искренне веришь, что хотел дать людям истину и свободу, но истина в том, Итан, что в этом мире нет ничего, кроме власти. Власти убивать и власти миловать. – Дэвид махнул рукой в сторону экранов. – Управлять жизнями. Делать их лучше или хуже. Если Бог когда-нибудь существовал, то, кажется, я знаю, как он должен был себя чувствовать. Люди требуют ответов, с которыми не в силах совладать. Люди ненавидят его, даже когда наслаждаются безопасностью, которую он даровал им. Думаю, я наконец понял, почему Бог ушел прочь и предоставил миру заниматься самоуничтожением. – Пилчер улыбнулся. – И когда-нибудь ты это тоже поймешь, Итан. После того как некоторое время сидел за этим столом, ты поймешь, что эти люди в долине не такие, как ты и я. Они не смогут совладать с тем, что ты рассказал им вчера вечером. Ты сам увидишь.

– Может, да, а может, и нет. В любом случае они заслуживали того, чтобы узнать правду.

– Я не говорю, что все было идеально. Или даже что все было честно. Но до того, как ты пришел, Итан, все работало. Я защищал этих людей, и они вели жизнь, настолько близкую к нормальной, насколько вообще было возможно. Я дал им прекрасный город и возможность верить в то, что все так, как и должно быть.

Пилчер сделал глоток прямо из горлышка бутылки и продолжил:

– Твой фатальный провал, Итан, заключается в том, что ты ошибочно считаешь, будто все люди такие же, как ты. Что у них есть твоя отвага, твое бесстрашие, твоя сила воли… А на самом деле ты и я – исключение; мы скроены из одной материи, а все прочие – из другой. Даже мои люди в этом комплексе борются со страхом. Но не мы с тобой. Мы знаем истину и не боимся посмотреть ей в глаза. Между нами только одно различие: я осознаю этот факт, а тебе еще предстоит усвоить его – медленно, болезненно, великой ценой человеческой жизни. Но когда-нибудь ты вспомнишь этот разговор, Итан. Ты поймешь, почему я сделал то, что сделал.

– Я никогда не пойму, почему ты отключил ограду. И почему ты убил свою дочь.

– Поймешь, когда будешь править достаточно долго.

– Я не собираюсь править.

– Нет? – Пилчер рассмеялся. – Как ты думаешь, что там, внизу? Плимутская скала?[5] Ты намерен написать конституцию? Учредить демократию? Мир за оградой слишком жесток, слишком враждебен. Городу требуется сильный лидер.

– Почему ты отключил ограждение, Дэвид?

Старик сделал еще глоток виски.

– Без меня в этом мире не существовало бы сейчас человека как вида. Мы здесь благодаря мне и только мне. Моим деньгам. Моему гению и моему предвидению. Я дал им все.

– Почему ты это сделал?

– Можно с тем же успехом сказать, что я создал этих людей. И тебя тоже. И тебе еще хватает наглости спрашивать…

– Почему?

В глазах Пилчера внезапно вспыхнула необузданная ярость:

– Где они были, когда я открыл, что человеческий геном распадается? Что человечество исчезнет за несколько поколений? Когда я построил тысячу анабиозных камер? Когда прокопал тоннель в сердце горы и забил ковчег площадью в пять миллионов квадратных футов достаточным количеством припасов, чтобы заново отстроить последний город на свете? И уж если речь об этом, Итан: где был ты?!

Все тело Дэвида сотрясалось от злости.

– Где ты был в тот день, когда я вышел из анабиоза и вывел свою команду наружу – лишь для того, чтобы обнаружить, что миром завладели аберы? Когда я шел по Главной улице, глядя, как мои рабочие возводят каждое из зданий и асфальтируют каждую из дорог? В то утро, когда я вызвал в этот кабинет главу центра анабиоза и велел ему пробудить тебя, чтобы ты снова мог встретиться со своими женой и сыном? Я дал тебе эту жизнь, Итан. Тебе и всем в этой долине. Всем под этой горой.

– Почему? – еще раз повторил Бёрк.

– Потому, что я мог это сделать! – прорычал Пилчер. – Потому, что я их создатель, черт побери, а создания не имеют права сомневаться в том, кто создал их, кто дал им дыхание и кто в любую секунду может отнять все это!

Итан снова посмотрел на экраны. Они показывали ему царящий в пещере хаос. В пулемете кончились патроны, и теперь охранники отступали, расстреливая атакующих монстров из своих автоматических винтовок.

– Я даже мог не впустить тебя сюда. Я мог заблокировать лифт. Что ты собираешься сделать со мною? – тихо спросил Пилчер.

– Это решать людям, которых ты пытался убить.

Глаза Дэвида затуманились. Словно на краткий миг он отчетливо увидел сам себя, а потом перевел взгляд на стол и на стену экранов. Голос его сделался хриплым от прилива эмоций.

– Ты отнимаешь у меня все это, – произнес он, после чего вдруг моргнул, и его маленькие черные глазки снова стали жесткими: словно растаявший было лед опять был схвачен морозом.

В руке у Пилчера, точно ниоткуда, возник боевой нож с коротким лезвием, и он нанес неожиданный резкий удар, целясь прямо в живот Итану. Шериф встречным выпадом отвел запястье старика, и лезвие только скользнуло по его боку. Вскочив на ноги, Бёрк выдал мощный хук с левой руки – так, что голову Дэвида развернуло, и его скула треснула. Сила удара скинула босса с дивана – его голова врезалась в край кофейного столика.

Пилчер рухнул на спину, и нож вывалился из его ладони, звякнув о деревянный пол.

Часть VII

Хасслер

Штаб-квартира секретной службы

Сиэтл, Вашингтон

1814 лет назад

Адам Хасслер вошел в свой угловой кабинет в центре «Колумбия» и с удовольствием отметил, что Итан Бёрк уже сидит в кресле напротив его рабочего стола. Сам Адам, судя по часам, опоздал на пять минут. Бёрк, вероятно, пришел минут на пять раньше назначенного срока, и это означало, что он дожидается по меньшей мере десять минут.

Это хорошо.

– Извини, что заставил тебя ждать, – бросил Хасслер, проходя мимо агента.

– Ничего страшного.

– Думаю, ты гадаешь, почему я отозвал тебя с того дела в Эверетте.

– Мы уже были близки к тому, чтобы произвести арест.

– Рад слышать, но у меня для тебя есть кое-что более срочное.

Адам сел и изучающе посмотрел на Итана через стол. Сегодня тот был одет не в деловой черный костюм с белой рубашкой. Его стандартной одеждой для полевой работы был серый спортивный комбинезон. На плечах все еще не высохли влажные пятна от дождя, прошедшего незадолго до полудня. Наметанный глаз Хасслера различал под серой тканью очертания потайной наплечной кобуры.

Ему пришло в голову, что он все еще может отменить это. Пока слова не сорвались с языка, он не совершил преступление. За годы работы в службе правопорядка ему не раз приходилось допрашивать преступников, и он постоянно слышал одно и то же: о размытых границах между правильным и неправильным. О том, что они крали только ради своей семьи. О том, что они намеревались совершить это только один раз. И любимая отговорка: они даже не осознавали, что пересекают черту, пока не оказались глубоко на вражеской территории по другую сторону, без надежды когда-либо вернуться обратно.

Но сейчас, когда Адам сидел по эту сторону стола, по эту сторону черты, все упомянутые рассуждения о двоякой природе добра и зла казались ему полной чушью. Он видел свой выбор с кристальной ясностью. Если он пошлет Итана на это задание, то пересечет черту навсегда. Безвозвратно.

Если же он отменит всю эту затею и позволит Бёрку вернуться в Эверетт, к незавершенному расследованию, то останется хорошим человеком, который едва не совершил очень плохой поступок.

Ничего непонятного. Никаких серых зон, если смотреть с его точки зрения.

– Сэр? – напомнил о себе Итан.

Хасслер представил Терезу, какой она была два года назад на том корпоративном пикнике, и подумал о сидящем перед ним человеке, флиртующем с Кейт Хьюсон, в то время как его жена плачет в одиночестве на берегу озера Юнион.

Опасения Терезы, касающиеся Кейт и Итана, подтвердились в прошлом году, и тогда Хьюсон неожиданно получила приказ о переводе в Бойсе, столицу штата Айдахо. Бёрк обманывал Терезу со своей напарницей, и все об этом знали. Он унижал свою жену, а такая женщина, как она, заслуживала куда большего.

– Адам? – снова позвал Итан шефа.

Хасслер выдохнул, слушая, как барабанит дождь по оконному стеклу за его спиной.

– Кейт Хьюсон пропала, – сообщил он.

Бёрк подался вперед:

– И давно?

– Четыре дня назад.

– Она пропала на задании?

– Ее напарник тоже исчез. Его фамилия Эванс. У тебя с Кейт были… особые отношения, верно?

Итан ничего не сказал – он просто продолжал пристально смотреть на начальника.

– Вот я и подумал, что ты захочешь заняться поисками своей прежней напарницы, – закончил тот.

Бёрк встал.

– Из Бойсе по электронной почте прислали файлы по этому делу, – продолжал Адам. – Мы сразу же заказали тебе билет на рейс, вылетающий из аэропорта Сиэтл-Такома. Завтра утром ты встретишься с агентом Сталлингсом в офисе местного агентства в Бойсе, и вы вдвоем направитесь на север, в последний пункт, из которого поступали вести о Кейт.

– Где это?

– Городок под названием Заплутавшие Сосны.

Через минуту Хасслер уже смотрел вслед уходящему Итану.

Он сделал это. Привел все в движение. И, как ни странно, он не чувствовал ничего нового. Ни сожаления, ни страха, ни нетерпения. Если удается обуздать эмоции, тому, кто это сделал, становится легче. Развернувшись в кресле, Адам посмотрел на серую влажную морось, висящую над центром Сиэтла. Капельки воды собирались на стеклах и стекали вниз. Из своего кабинета на тридцать первом этаже он видел здание, где работала помощником юриста Тереза, и теперь вообразил, как она сидит в своем невыразительном офисном «кубике» и печатает отчеты.

Хасслер не знал, как именно, но был уверен: когда-нибудь он ее заполучит. Он будет любить ее так, как она того заслуживает. Каким-то образом – и это была самая большая загадка всего его существования – эта женщина сумела стать единственным в его мире, что вообще имело хоть какое-то значение.

Открыв сотовый телефон-«раскладушку», Хасслер набрал номер.

– Алло? – отозвался Дэвид Пилчер.

– Это я, – сказал Адам.

– Я уже начал сомневаться, услышу ли тебя снова.

– Он прибудет к тебе завтра.

– Мы будем готовы.

Хасслер закрыл телефон, вынул аккумулятор и разломал корпус пополам. Обломки он выкинул в пластиковый контейнер на дне мусорной корзины, где покоились остатки вчерашнего обеда.

Тереза

Тереза и Бен достигли опушки леса, когда солнце уже опускалось за дальние горные пики.

– Жди здесь, – прошептала женщина сыну. Сама она поползла дальше сквозь рощицу карликовых дубов. Мертвые листья слишком громко хрустели под ее коленями.

На краю рощицы миссис Бёрк выглянула сквозь ветви.

Они достигли окраин Заплутавших Сосен, но каким-то образом прошли весь лес насквозь, до северной окраины города. Насколько видела Тереза, улицы казались пустыми, в домах не было света… И нигде не было слышно ни единого шороха.

Женщина оглянулась на Бена и махнула ему рукой. Он шумно пополз по усыпанной листьями почве и присел на корточки рядом с матерью. Приблизив губы к его уху, Тереза прошептала:

– Нам нужно пройти десять кварталов.

– А куда мы идем?

– В участок шерифа.

– Шагом или бегом?

– Бегом, – все так же тихо ответила Тереза. – Но сначала сделай несколько вдохов, наполни легкие воздухом.

Они с Беном начали жадно вдыхать кислород.

– Готов? – наконец спросила миссис Бёрк.

– Готов.

Тереза выбралась из подлеска и встала на ноги, после чего обернулась и помогла Бену подняться с земли. Они стояли на заднем дворе домика, который был ей знаком – она продала этот дом юной многообещающей чете три месяца назад, когда за соблюдение правил проживания в городе эту чету вознаградили разрешением получить жилье побольше и получше того, что было у них прежде. Какая участь постигла хозяев этого дома в последние двадцать четыре часа, полные кошмара?

Большинство передних двориков в Заплутавших Соснах были обнесены белыми штакетными заборчиками. Тереза и Бен рысцой побежали вдоль этих заборчиков по тротуару.

В долине смеркалось. Ночь, казалось, всегда наступала слишком быстро после того, как солнце уходило за горы, и, учитывая, что во всей долине не было электроэнергии, вечер обещал быть темным.

Вскоре мать и сын наткнулись на первый труп, лежащий на улице. Тереза оглянулась на Бена:

– Не смотри, милый.

Но сама она не смогла последовать этому совету. Радовало лишь то, что труп был сильно истерзан: он был похож не на человеческое тело, а на груду костей и внутренностей. На оголенной грудной клетке устроился стервятник, насыщаясь останками.

Через некоторое время Тереза с сыном достигли пересечения Первой авеню и Одиннадцатой улицы. Она уже видела невдалеке высокие сосны, растущие на лужайке перед шерифским участком.

– Почти на месте, – сказала женщина. – Осталось полтора квартала.

– Я устал, – пожаловался мальчик.

– Я тоже. Но давай не сбавлять скорости.

На пересечении Первой и Тринадцатой улиц Бен прошептал:

– Мам!

– Что?

– Смотри!

В трех кварталах впереди по Тринадцатой улице прямо к ним на четвереньках неслись два бледных силуэта.

– Быстрей! – крикнула миссис Бёрк.

Они увеличили скорость, и порожденный страхом адреналин придал им новых сил. Тереза перескочила бордюр и побежала по подстриженной траве к входу в участок шерифа. Оказавшись вместе с сыном внутри, она остановилась и оглянулась через стеклянную дверь в сторону улицы.

– Они видели, как мы вошли сюда? – спросил Бен.

Первый абер вылетел на перекресток на полной скорости и, не задержавшись ни на миг, изменил курс, направляясь прямиком к участку.

– Идем! – Тереза резко развернулась и бросилась бежать через вестибюль.

Чем дальше от входа, тем меньше света становилось вокруг. В коридоре миссис Бёрк свернула в кабинет Итана и увидела, что оружейный шкаф широко распахнут, патроны разбросаны по полу, а несколько ружей все еще валяются на столе. Нижние ящики шкафа тоже были открыты. Женщина сунула туда руку, вытянула большой пистолет, направила его в стену и нажала на спуск. Ничего не произошло. Или оружие стоит на предохранителе, или не заряжено, или и то, и другое разом.

– Быстрее, мама! – закричал Бен.

Тереза схватила из ящика револьвер, но он был пуст, и она даже не знала, как открыть барабан, чтобы зарядить его, даже если бы ей удалось подобрать подходящие патроны. Вокруг оружейного шкафа было разбросано не меньше полудюжины разного размера обойм – они валялись прямо под ногами.

– Мам, что ты делаешь? – спросил мальчик.

Миссис Бёрк стало ясно, что так у нее ничего не получится. У них почти нет времени, и, несмотря на брак с агентом секретной службы, она почти ничего не знала об огнестрельном оружии.

– Новый план, – сказала она.

– Что? – не понял ее сын.

Тереза рывком открыла рабочий стол мужа. Это должно быть здесь. В свою первую неделю на этой работе Итан устроил жене экскурсию по участку и среди прочего запер ее в тюремной камере, покручивая на пальце ключ, подвешенный к кольцу, и шутливо приговаривая врастяжечку: «Похоже, вам придется провести ночь взаперти, миссис Бёрк, если вы не сумеете предложить шерифу подходящую взятку». Она видела, как он потом положил ключ в средний ящик этого стола, и теперь ее пальцы отчаянно шарили по деревянному дну, до самой задней стенки.

Вот.

Женщина нащупала колечко, вытащила ключ и обежала стол, махнув рукой Бену.

– Что нам делать? – спросил тот.

– Просто беги за мной! – И они бросились обратно по коридору.

Снаружи визжали аберы.

– Они здесь, мам! – завопил мальчик.

Пересекая вестибюль, Тереза бросила взгляд в сторону входа и увидела, как пара монстров бежит по дорожке, окаймленной молодыми соснами. Через считаные секунды они должны добраться до участка.

– Быстрее, Бен! – закричала женщина, и они свернули в другой темный коридор.

В дальнем конце Тереза разглядела черные прутья решетки – здесь находилась единственная в Заплутавших Соснах тюремная камера. Когда она впервые увидела ее, это напомнило ей о клетках в шоу Энди Гриффита. Что-то почти эксцентричное было в этих вертикальных прутьях. Внутри находились единственная койка и стол. Нечто вроде местечка, куда по субботам запирают проспаться пьяниц и дебоширов. Но сейчас эта камера казалась Терезе спасательным плотом в море опасностей.

В конце коридора сквозь высоко расположенное зарешеченное окно косо падал угасающий вечерний свет. Тереза ударилась грудью о решетку камеры, и в тот же миг аберы ворвались в участок сквозь застекленную дверь. Женщина схватила ключ и вставила его в замок. Позади, в темном коридоре, клацали когти. Один из аберов пронзительно завизжал…

Замок открылся. Тереза распахнула дверь и крикнула:

– Внутрь!

Бен вбежал в камеру в тот момент, когда первый из монстров выскочил из коридора. Тереза шагнула внутрь, захлопнула дверь и заперла ее за полсекунды до того, как абер врезался в решетку. Бен закричал. Первое чудовище поднялось с пола, а из коридора вылез еще один его сородич.

Впервые миссис Бёрк видела абера так близко. Тот из них, что таранил камеру, был огромным, и все его тело было измазано засохшей кровью. Сквозь эту окровавленную шкуру словно сочилась сама смерть.

Бен прижимался спиной к стене, широко распахнув глаза, и под ногами у него образовалась лужица.

– Они смогут достать нас здесь? – спросил он.

– Я так не думаю, – отозвалась его мать.

– Ты уверена?

– Нет.

Когда второй абер врезался в прутья, вся конструкция содрогнулась.

Тереза обняла Бена обеими руками. Первый монстр выпрямился во весь свой рост – футов пять с половиной. Тварь склонила голову и рассматривала людей сквозь решетку – ее глаза молочного цвета мигали. Существо явно что-то обдумывало, решало проблему…

– Что это движется у него в груди? – с ужасом прошептала Тереза.

– Это его сердце, мам, – ответил мальчик.

– Откуда ты… – удивилась женщина, но не закончила фразу. Все верно, их учили этому в школе.

Сердце абера сокращалось часто и сильно. Сквозь кожу и плоть Тереза видела его расплывчато и нечетко, словно через ледяную преграду толщиной в несколько дюймов. Ноги у чудища были непропорционально короткими – даже сейчас, когда он полностью их выпрямил, – а передние конечности доставали до пола. Существо просунуло между прутьями правую руку – тощую, но бугристую от мышц. Рука была больше четырех футов длиной, и женщина в ужасе смотрела, как черные когти тянутся к ним над самым полом камеры.

– Прочь! – крикнула она.

Второй монстр подошел к боковой стене камеры и сделал то же самое. Его левая рука была не короче пяти футов, и, когда один из его когтей царапнул ботинок Бена, миссис Бёрк с силой наступила на эту лапу.

Абер взревел. Тереза оттащила сына в самый дальний от решетки угол, и там они вскарабкались на металлическую койку.

– Мама, мы умрем? – спросил ребенок еле слышно.

– Нет.

Еще три чудовища появились из коридора и бросились к камере, визжа и шипя. За ними прибежали новые, и в помещении стало еще более шумно. Вскоре через решетку тянулось уже пятнадцать лап, и еще больше аберов кидались на прутья. Тереза опустилась на голый матрас и крепко прижала к себе Бена. Свет, проникающий через окно, из синего стал фиолетовым, в комнате постепенно становилось все темнее. Женщина приблизила губы к уху сына и заговорила, с трудом перекрывая производимый монстрами шум:

– Думай о другом месте и другом времени.

Бен дрожал в ее объятиях, а в помещение все сбегались и сбегались аберы. Последнее, что видела Тереза в меркнущем свете, – это комната, плотно забитая монстрами. Один из них стоял на коленях у решетки, пытаясь засунуть коготь в замочную скважину. А потом вдруг Тереза вообще перестала что-либо видеть. На Заплутавшие Сосны опустилась ночь.

Мать и сын остались в темноте в окружении чудовищ.

Итан

Бёрк спустился на лифте из апартаментов Пилчера в коридор Уровня 1. Когда двери открылись, он снова услышал выстрелы, но теперь они звучали где-то далеко. Итан направился к стеклянной двери в конце коридора и, проходя через проем в коттедж, достал пистолет, который дал ему Алан. Казалось, большинство ближайшего окружения Пилчера спустились вниз, чтобы увидеть своими глазами причину суматохи. Не меньше сотни человек толклись здесь, растерянные и испуганные. Сюда выстрелы доносились громче: откуда-то из глубины тоннеля, ведущего через гору к Заплутавшим Соснам, слышались выкрики.

Повсюду были мертвые аберы. Они грудами лежали в тоннеле, еще сорок или пятьдесят трупов валялись в пещере. Кровь потоками струилась по каменному полу. У входа в анабиозный центр лежали в ряд пять человеческих тел, укрытых простынями. Воздух наполнял запах пороха. Из тоннеля выбежал Алан. Итан протолкался к нему через толпу и увидел, что лицо главы службы безопасности забрызгано кровью, а правая рука располосована – явно взмахом когтя.

В тоннеле зазвучали выстрелы «AR-15», за которыми последовал крик.

– Мы оттесняем их назад, – сказал Спир, – но там было не меньше двухсот тварей. Я потерял людей, у меня кончились патроны… Но если б у нас не было этого пулемета, все пошло бы намного хуже… Где Пилчер?

– Лежит без сознания, связанный, в своем кабинете, – рассказал Бёрк.

– Я кого-нибудь пошлю за ним. – Рация безопасника пискнула, и он поднес ее к губам: – Алан на связи. Прием.

Из рации донесся голос Мастина – он кричал, стараясь перекрыть выстрелы:

– Мы только что выдавили последнюю группу из тоннеля, но дверь повреждена! Прием!

– Я уже послал к вам грузовик с листами армированной стали и трех сварщиков, – отозвался начальник службы безопасности. – Они быстренько заварят дверь. Прием.

– Понял. Мы удержим рубеж! Конец связи.

– Нельзя запечатывать этот выход – сказал Итан. – В долине еще остались люди – надо привести их всех сюда. Там мои жена и сын.

– Мы приведем всех, но сначала нам нужно перегруппироваться и перезарядить оружие, – возразил Спир. – Я потерял восемь человек – и это только те потери, о которых я знаю. Если мы намереваемся воевать с этими тварями в Заплутавших Соснах, нам лучше взять все стволы, какие есть у нас в арсенале. А еще нужно отыскать побольше патронов для пулемета. – Взгляд его стал угрюмым. – И мы не сможем выйти туда ночью.

– О чем ты? – нахмурился Бёрк.

– Уже вечер. Задолго до того, как мы будем готовы идти, снаружи стемнеет. Мы отправимся в город при первых проблесках света.

– Завтра?

– У нас нет снаряжения для ночного боя.

– Ты подумал о безоружных людях в долине? Ты подумал о моей семье?

– В темноте нас всех перебьют, и ты это знаешь. И в итоге мы просто потеряем наш единственный шанс спасти этих людей.

– Будь оно все проклято!

– Думаешь, мне не хочется ринуться в город, паля из автомата?

Не ответив, Итан двинулся к тоннелю.

– Куда ты? – бросил ему вслед Алан.

– Найти свою семью.

– Если ты пойдешь туда ночью, итог будет только один – тебя съедят. Там сотни этих тварей.

Сделав два шага по тоннелю, шериф остановился.

– Я могу представить себе, что ты чувствуешь, – продолжил Спир. – Если б там была моя семья, ты не смог бы меня удержать. Но ты умнее, чем я, Итан. И ты, конечно же, понимаешь, что твоя смерть сегодня ночью во время самоубийственного выхода в город не спасет ни твоих родных, ни чьих-либо еще.

Черт. Он был прав.

Бёрк повернулся и резко, яростно выдохнул.

– Значит, жителям Заплутавших Сосен придется провести еще одну ночь в темноте и холоде, без еды и воды, в долине, кишащей аберами, – медленно произнес он.

Алан подошел поближе к нему. Далеко внизу, в тоннеле, по-прежнему слышались выстрелы.

– Надеюсь, те, кто пережил вторжение изначально, найдут безопасное место, чтобы отсидеться, – произнес Спир. – Где сейчас твоя семья?

– Я оставил их в пещере, за запертой дверью, на полпути вверх по горе.

– Значит, они в безопасности.

– Мы не можем точно знать этого. И еще есть группа в школе, – напомнил Итан. – В подвале. Восемьдесят или девяносто человек. Что, если просто…

– Слишком рискованно, – не дал ему договорить Алан. – И ты это знаешь.

Шериф кивнул:

– А что насчет ворот в ограждении? Они по-прежнему распахнуты настежь. И еще тысяча или тридцать тысяч аберов могут просто войти в нашу долину, если захотят!

– Я попросил главного техника разобраться с этим. Он сказал, что мы не можем включить ограждение изнутри комплекса.

– Почему?

– Очевидно, Пилчер заблокировал внутреннюю систему. Единственный способ включить ограждение и закрыть ворота – это ручное управление.

– И могу предположить…

– Да, оно находится на ограждении. Если б все было так легко, получилось бы скучно, верно?

– Надо послать туда кого-нибудь, – сказал Итан. – Прямо сейчас.

– Есть потайной выход на южном склоне горы. Он всего в четверти мили от ограждения.

– Пошли этого своего техника и пару охранников.

– Ладно. Но пока я этим занят… – Алан оглянулся через плечо на толпу людей, бродящих по ковчегу. – Они ничего не знают. Просто услышали выстрелы и спустились посмотреть, что происходит.

– Я поговорю с ними, – согласился Бёрк и направился к толпе.

– Будь с ними помягче, – произнес, глядя ему в спину, безопасник.

– С чего бы? – обернулся шериф.

– Потому что это единственная жизнь, какую они знают, а ты собираешься разбить ее вдребезги.

Тереза

Она резко вырвалась из сна, но, открыв глаза, увидела лишь полную, непроницаемую темноту. Бен ворочался и стонал во сне: «Нет, нет, нет!» Тереза потрясла его, чтобы разбудить, и прошептала:

– Всё в порядке, дружок. Мама с тобой.

Она уже несколько лет не говорила сыну подобных слов. С тех самых пор, когда была молодой мамашей, укачивавшей младенца. Они оба засыпали тогда под тихий шорох сиэтлского дождя, доносившегося сквозь треснувшее стекло в детской.

– Что происходит? – спросил проснувшийся Бен.

– Мы все еще в тюремной камере, но живы и целы, – ответила Тереза.

– А где чудовища?

За решетками было тихо – ни звука, ни движения, – и это нервировало.

– Думаю, они пока что ушли, – предположила Тереза.

– Я очень хочу пить.

– Знаю, дружок. Я тоже.

– Вроде бы за стойкой в вестибюле был кулер с водой?

– Кажется, да.

– Может быть, мы сможем проскользнуть туда и попробуем взять…

– Я не думаю, что это хорошая идея, Бенджамин, – неожиданно произнес женский голос во мраке по ту сторону решетки.

Тереза вздрогнула:

– Кто здесь?!

– Ты не узнаешь мой голос, дорогая? Как ты можешь! Ты изливала мне душу каждый четвертый четверг месяца за последние…

– Пэм? Боже, что ты тут…

– Несколько часов назад я услышала ваши крики и увидела, как аберы загнали вас в шерифский участок, – объяснила из темноты Памела. – Я так рада видеть, что вы оба невредимы, ты даже не представляешь! Это была хитрая идея – запереться здесь, Тереза.

Миссис Бёрк ожидала, что ее глаза хоть до какой-то степени приспособятся к темноте, но по-прежнему не могла различить даже собственную руку, поднесенную к лицу.

– Я не совсем понимаю, что случилось здесь вчера ночью, – продолжила ее собеседница. – Твой муж показал горожанам аберов?

– Он рассказал им все, – ответила Тереза. – Об аберах. О наблюдении. Про то, что они попали в будущее через две тысячи лет. Что мы – единственные, кто остался в мире.

– Так он действительно это сделал? Вот мерзавец… Эй, не смотри на меня так!

Тереза ощутила, как в основании затылка словно бы стягивается холодный узел.

– Здесь же темно, как в яме, – сказала она.

– Да. Темно. Но я вижу, как ты держишь Бенджамина в объятиях и таращишься в темноту примерно в том направлении, где я сижу. И мне не нравится…

– Как ты нас видишь?

– Это называется очки ночного видения, Тереза, и это не первый раз, когда я разглядываю тебя сквозь них.

– О чем она говорит, мама? – подал голос ребенок.

– Бен, я не… – начала объяснять миссис Бёрк, но Памела перебила ее:

– Бенджамин, я говорю о том случае, когда застала твоих мать и отца тайком выходящими из вашего дома на Шестой улице, после наступления темноты. Ты же знаешь, это строго запрещено.

– Не говори так с моим сыном! – прикрикнула на нее запертая в камере пленница.

– Не говори так с женщиной, которая целится в тебя из оружия двенадцатого калибра, – послышалось из-за решетки.

На миг наступило полное молчание. Тереза пыталась представить себе эту картину – Пэм сидит в полной темноте перед их камерой, надвинув на глаза очки ночного видения и наведя на них с Беном дробовик.

– Ты наставляешь оружие на моего сына? – Миссис Бёрк пыталась спросить это невозмутимо, но голос ее дрогнул, выдавая нарастающие в ее душе ярость и страх.

– Я собираюсь пристрелить и его тоже.

Силы окончательно покинули Терезу. Она привстала на колени и попыталась заслонить Бена своим телом.

– Да на здоровье! – хмыкнула Памела. – Мне надо всего лишь… – она словно бы немного переместилась, так как голос ее теперь звучал из другой точки, – … встать и пройти к другой стороне камеры. Тогда у меня опять будет четкий прицел.

– Зачем ты это делаешь? Ты же мой психоаналитик! – попыталась разговорить ее запертая в камере женщина.

– Я никогда не была твоим психоаналитиком.

– О чем ты говоришь?

– Мне действительно жаль, Тереза. Ты мне нравилась. Я наслаждалась нашими сеансами. Я хочу, чтобы ты знала: в том, что произойдет сейчас с тобой и с твоим сыном, нет ничего личного. Ты просто имела несчастье быть замужем за человеком, который уничтожил этот город.

– Итан ничего не уничтожал. Он просто сказал всем правду.

– Он не должен был этого делать. Правда может быть опасна для слабых умов.

– Ты же знала, верно? – спросила миссис Бёрк. – Ты все время это знала.

– Что? Правду о Заплутавших Соснах? Конечно, я знала. Я помогала строить этот город, Тереза. Я была здесь с самого начала. С первого дня. Это место – единственный дом, который у меня когда-либо был, и твой муж разрушил его. Он разрушил все.

– Итан не открывал ворота. Он не отключал ограждение и не впускал чудовищ в долину. Это сделал твой босс.

– Мой босс, Дэвид Пилчер, создал этот город. Каждый дом и каждую дорогу. Он лично выбрал каждого из жителей, каждого члена команды. Без него вы все были бы мертвы уже много столетий. Как ты смеешь сомневаться в человеке, который дал тебе такую жизнь?!

– Пэм, прошу тебя! Мой сын ни за что это не в ответе. Ты это знаешь.

– Ты не понимаешь, милая. Дело не в том, чтобы возложить на тебя или Бена ответственность за действия Итана. Я далека от этого.

– Тогда чего ты хочешь? – Тереза чувствовала, как к ее горлу подступают слезы. В душе у нее нарастала паника.

Сын уже плакал, содрогаясь в ее объятиях.

– Все, чего я хочу в данный момент, – это причинить боль твоему мужу. Ничего более, – ответила Памела. – Если он еще жив, он, в конце концов, явится сюда, разыскивая вас. И знаешь, что он найдет?

– Не надо этого делать, Пэм.

– Он найдет вас двоих мертвыми – и меня, сидящую здесь. Ждущую. Я хочу, чтобы он узнал, что я сделала с вами, прежде чем убью его.

– Но послушай…

– Я слушаю. Но прежде, чем ты начнешь говорить, спроси себя: действительно ли ты веришь, что сможешь заставить меня передумать?

И тут Тереза услышала едва различимый звук из другого конца коридора, откуда-то из вестибюля. Как будто хрустнул осколок стекла. «Пожалуйста, пусть это будет абер! – взмолилась женщина. – Пожалуйста…»

– Большинство жителей этого города погибли прошлой ночью, – произнесла она вслух. – Я даже не знаю, сколько нас осталось.

Вдалеке снова звякнула стекляшка, и Тереза слегка повысила голос:

– Что бы ты ни чувствовала по отношению к моему мужу, как тебе вообще могла прийти в голову мысль о том, что убийство нас двоих, сумевших выжить, пойдет на пользу нашему виду?! Человечество и так на грани вымирания!

– Ого, это важное замечание, Тереза! – отозвалась Памела. – Я не подумала об этом.

– Правда?

– Нет. Я просто шучу. Мне наплевать. – Судя по звукам, Пэм дослала патрон в ствол. – Я обещаю, что не заставлю вас страдать. И – хочешь скажу тебе честно? Потрать секунду, чтобы увидеть в этом хорошую сторону. По крайней мере, вы двое умрете не от когтей аберов. Так вы ничего не почувствуете. Ну, может быть, и почувствуете что-то, но все закончится раньше, чем вы это осознаете.

– Он же ребенок! – закричала миссис Бёрк.

– Ах да, чуть не забыла – ты не бросишь мне ключ от камеры, прежде чем…

Внезапно все помещение озарила вспышка выстрела. Грохот был оглушительным. «Мы мертвы, – подумала Тереза. – Она это сделала».

Но она все еще могла думать. И по-прежнему сжимала сына в объятиях. Она приготовилась к боли, но боль не пришла. Кто-то громко звал ее по имени: человеческий голос доносился до нее сквозь звон, стоящий у нее в ушах, и казалось, что ее зовут со дна глубокого колодца. Снова вспыхнула искра, на миг явившись светлой точкой среди тьмы. «Это и есть свет в конце тоннеля? – гадала Тереза. – Может быть, я умерла и теперь лечу к этому свету? И мой сын со мной…»

Новая искра, но на сей раз свет не погас. Он становился ярче и ярче, пока язычок пламени не затанцевал на пучке высушенного мха. Над огнем поднялся дымок: Тереза почувствовала его запах и увидела руки, поднявшие горящий трут с пола. Огонь озарил самое грязное из лиц, виденных ею в этой и прошлой жизни. Кудлатая борода, обрамляющая это лицо, должно быть, росла годами.

Но эти глаза… Даже в затухающем свете пламени, сквозь грязь и отпечаток дикости на этом лице она узнала их. И шок от того, что она едва не умерла, был в этот миг сметен потрясением – потрясением от того, что она вновь видит этого человека.

– Тереза! Любимая! – хриплым голосом позвал мужчина.

Миссис Бёрк выпустила Бена и рванулась вперед. В тот миг, когда огонь совсем угас, она оказалась у решетки и сунула руки между прутьями. Схватив человека, стоящего по ту сторону, притянула его к решетке.

Адам Хасслер пах так, как и полагается пахнуть тому, кто скитался в глуши не один год, а когда руки женщины скользнули под пыльник и обвились вокруг его талии, она ощутила, что от него остались только кожа да кости.

– Адам? – прошептала она, не веря своим глазам.

– Это я, Тереза.

– О, Боже мой!

– Поверить не могу, что я действительно прикасаюсь к тебе…

Хасслер поцеловал пленницу сквозь решетку. Бен слез с кровати и подошел поближе.

– Я думал, ты умер, – сказал он Адаму.

– Я должен был умереть, парень, – откликнулся тот. – Я должен был умереть тысячу раз.

Итан

Он стоял на капоте джипа Мэгги и смотрел на лица полутора сотен людей, собравшихся вокруг него в ковчеге. Ему было странно видеть их всех разом. Эти люди четырнадцать лет совместно трудились над тем, чтобы и дальше держать впотьмах своих собратьев-людей, жителей Заплутавших Сосен.

– Прошлой ночью я сделал нелегкий выбор, – начал Итан. – Я рассказал обитателям города правду. Я рассказал им, какой сейчас год, и показал им абера.

– Ты не имел на это права! – крикнул кто-то из толпы.

Бёрк проигнорировал этот выкрик.

– Я предполагаю, что никто из вас не согласен с этим выбором, и на самом деле это для меня не такой уж сюрприз, – продолжил он свою речь. – Но посмотрим, согласны ли вы с тем, что решил сделать в ответ Дэвид Пилчер. Он отключил подачу электроэнергии на ограждение и открыл ворота. По меньшей мере пять сотен аберов вошли в долину посреди ночи. Больше половины населения города убито. Те, кто сумел спастись, прячутся без еды, воды и тепла, потому что Пилчер отключил электричество еще и в городе.

На лицах собравшихся отразилось недоверие.

– Ложь! – заорал кто-то еще.

– Я понимаю, что в какой-то момент своей прошлой жизни каждый из вас крепко клюнул на то, что предлагал Дэвид Пилчер, – еще больше повысил голос шериф. – И если говорить честно, то он гений. Этого никто не может отрицать. Никто не может сказать, что он лишен умения предвидеть и что он, вероятно, самый амбициозный человек из всех, когда-либо живших на Земле. Я понимаю, что привлекло вас к нему. Это желание быть заодно с тем, кто владеет такой силой. Это заставляет вас считать себя круче. Судя по тому, что я узнал, многие из вас находились в изрядной яме, когда в вашей жизни появился Дэвид Пилчер. Он дал вам цель и значимость, и я полностью понимаю все это. Но он – такое же чудовище, как аберы, живущие по ту сторону ограждения. А может быть, и в большей степени. Идея Заплутавших Сосен всегда была для него намного важнее, чем люди, которые называют этот город своим домом. И, как ни жаль мне говорить такое, эта идея для него важнее любого из вас. Вы все знали Алиссу. Все, что я слышал, подтверждает – она была всеобщей любимицей в горном убежище. Но она не поддерживала политику своего отца. Алисса считала, что жители Сосен заслуживают лучшего, чем жизнь под непрестанным наблюдением, когда их принуждают убивать друг друга и держат в неведении о реальности. То, что я сейчас покажу вам, ужасно, и я прошу прощения за это, но вы должны знать, какому человеку служите, так что вам придется это увидеть.

Итан указал поверх голов толпы на стодюймовый монитор, укрепленный на каменной стене рядом со стеклянной дверью.

Обычно на этот монитор выводилось рабочее расписание: имена дежурных в службах наблюдения, безопасности и анабиоза, время прибытия и убытия транспорта, курсировавшего между горой и Заплутавшими Соснами. Кроме того, экран был частью системы внутреннего оповещения для ближнего окружения Пилчера.

Сегодня этот монитор покажет, как Дэвид Пилчер, создатель Заплутавших Сосен, убивает свою единственную дочь.

– Включай! – крикнул Бёрк одному из техников-наблюдателей Теда, стоящему позади экрана.

Тереза

Дым поднимался вверх и выходил в зарешеченное окно под потолком. Огонь поедал ножки рабочего стула Белинды, подпитываясь, помимо того, пачкой принтерной бумаги. Бен растянулся на единственном матрасе, который Тереза стянула с металлической койки и положила рядом с костром. Сама она сидела напротив Хасслера, согревая у огня руки. По другую сторону решетки лежало на бетонном полу тело Памелы – вокруг ее головы все еще растекалась лужа крови.

– Я увидел, что ограждение отключено, – рассказывал Адам, – и бросился в город. Добрался до нашего дома, но вас там не было. Я искал повсюду и решил, что вы с Беном мертвы. Но когда я искал патроны в кабинете шерифа, то услышал твой голос, умолявший Пэм пощадить вас. Совсем не так я представлял себе возвращение домой…

– А я не представляла его вообще, – отозвалась Тереза. – Мне сказали, что ты не вернешься.

– Что здесь произошло?

– Город теперь знает правду.

– Обо всем?

– Обо всем. Мы потеряли множество людей. Я полагаю, что тот, кто начал эту игру, решил смести фигурки с доски и отправиться домой.

– Кто рассказал всем правду?

– Было устроено празднество для казни Кейт и Гарольда Бэллинджер, но вместо того, чтобы их убить, шериф воспользовался этой возможностью, чтобы отдернуть занавес.

– Поуп?

– Поуп мертв, Адам. – Тереза немного помедлила в нерешительности. – Многое произошло с тех пор, как ты ушел. Теперь шериф – Итан.

– Итан здесь?

– Он был внедрен в город месяц назад или около того – и перевернул все это место вверх дном. С тех пор все стало другим.

Хасслер уставился на пламя.

– Я не знал, что он был здесь, – промолвил он.

– А откуда тебе было знать? – вздохнула миссис Бёрк.

– Нет, я просто… Итан знает?

– О нас?

– Да.

– Нет, я не сказала ему. То есть я собиралась сделать это рано или поздно, но мы с Беном обсудили это и решили не спешить. Мы не думали, что когда-нибудь увидим тебя снова.

Слезы выкатились из уголков глаз Адама, прочертив дорожки в покрывавшей его лицо грязи.

Бен смотрел на него с матраса.

– Это как кошмар, – сказал Хасслер.

– Что как кошмар? – не поняла его собеседница.

– Вернуться домой вот так… Каждый день, который я провел за ограждением, лицом к лицу со смертью, голодом и жаждой, ты и только ты давала мне сил идти дальше. Мысль о том, какой будет моя жизнь, когда я вернусь…

– Адам! – воскликнула женщина.

– Тот год, что мы прожили вместе…

– Прошу тебя!

– …был самым счастливым в моей жизни. Я люблю тебя. И никогда не перестану любить. – Хасслер передвинулся вокруг костра и обнял Терезу одной рукой, а потом посмотрел на Бена. – Я был тебе отцом, не так ли? – Он снова перевел взгляд на любимую женщину. – А для тебя я был мужчиной. Защитником.

– Я не выжила бы в Заплутавших Соснах без тебя, Адам, но я думала, что ты никогда не вернешься. А потом вдруг мой муж появился здесь, словно ниоткуда… – попыталась объяснить Тереза.

Где-то снаружи завыли аберы.

Хасслер подтянул к себе свой рюкзак, открыл его, порылся внутри и извлек переплетенный в кожу журнал. Разорвав пластиковую обертку, он открыл потрепанную книгу на первой странице и, поднеся ее поближе к костру, указал собеседникам

на посвящение: «Когда ты вернешься – а ты вернешься, – я буду трахать тебя, солдат, так крепко, как будто ты только что пришел с войны».

При виде этих слов боль пронзила Терезу до глубины души. Она сама написала их перед уходом Адама.

– Я читал это каждый день, – сказал путешественник. – Ты понятия не имеешь, через какие опасности это провело меня.

Женщина уже ничего не видела из-за слез, текущих из глаз. Эмоции бурлили внутри ее, словно кровь из разорванных сосудов – слишком сильно, чтобы это можно было выдержать.

– Я не прошу тебя предсказывать будущее, – продолжил Хасслер. – Я сейчас говорю о настоящем. Об этом моменте. Ты все еще любишь меня, Тереза?

Она подняла взгляд на его свалявшуюся бороду, на покрытое шрамами лицо и выцветшие глаза. Видит Бог, она по-прежнему его любила!

– Я и не переставала, – прошептала женщина.

В глазах Адама вспыхнуло облегчение – как будто в последний момент отменили назначенную ему казнь.

– Но мне нужно кое-что знать, – продолжила Тереза. – Когда мы жили вместе, ты знал?

– Знал что?

– Об этом городе. О том, что это такое. Обо всех тайнах, которые хранили от нас.

Мужчина посмотрел ей в глаза:

– До того дня, когда Дэвид Пилчер пришел ко мне и сказал, что я выбран для того, чтобы уйти в странствие за ограждение, я знал не больше, чем ты.

– Зачем он послал тебя туда?

– Чтобы исследовать. Искать следы человеческой жизни вне нашей долины.

– Ты что-нибудь нашел?

– Моя последняя запись здесь… – Хасслер перелистал журнал до конца. – Вот что я написал: «У меня одного есть ключ к тому, что спасет нас всех. Я буквально единственный человек в мире, который может спасти этот мир».

– Так что же это? – спросила Тереза. – Что это за ключ?

– К достижению мира.

– С чем?

– С тем фактом, что это действительно конец. Мир теперь принадлежит аберам.

Даже сквозь горе и потрясение эти слова дошли до сознания Терезы, и она внезапно ощутила себя абсолютно одинокой.

– Не будет никакого открытия, которое сможет спасти нас, – сказал Хасслер. – Которое снова поставит нас на вершину пищевой цепочки. Эта долина – единственное место, где мы сможем выжить. Нам, как виду, предстоит исчезнуть. Это голый факт. Но мы можем сделать это с изяществом. Наслаждаясь каждым днем, каждым моментом.

Мастин

Мастин смахнул снег с камней и устроился на своем насесте. Из-за огромного количества патронов, которые он принес в этот раз, ему понадобился лишний час, чтобы добраться до вершины. Он и раньше изучал город в прицел, но, конечно же, никогда не стрелял по кому бы то ни было в самой долине. Нулевую точку прицела Мастин установил на том, что осталось от «Бронко» шерифа Бёрка. Ему понадобилось три выстрела, после каждого из которых он делал мелкие поправки на параллакс, прежде чем послал пулю именно туда, куда и хотел, – прострелив переднюю шину со стороны водительского сиденья. Город лежал внизу ровными кварталами, длиной триста футов по каждой стороне, и это означало, что дальнейшая пристрелка теперь, когда есть точка отсчета, будет простой.

Мастин покрутил головой, чтобы размять затекшую шею. Передернув затвор, он дослал в ствол первый патрон из пятизарядного магазина, а затем, глядя в оптический прицел и изучая Главную улицу, включил гарнитуру рации:

– Говорит Мастин. Я на позиции. Прием.

– Мы у двери тоннеля, – ответил Итан Бёрк. – Прием.

– Понял. Начинаю первый этап. Ждите. Конец связи.

Тут и там на Главной были разбросаны трупы. Пять аберов пожирали тела посреди улицы перед кофейней «Ароматный парок». Сейчас снайпер не обращал внимания на лес и утесы, окружающие город, – его задачей было изучение авеню, идущих с востока на запад, и улиц, тянущихся с севера на юг. После каждого обзора Мастин делал запись в блокноте. Одиннадцать минут спустя он снова нажал кнопку вызова на своей гарнитуре:

– Мастин на связи. Прием.

– Докладывай, – велел ему Итан.

– Визуально я обнаружил сто пять мерзостей. Примерно половина из них передвигается группами от пятнадцати до двадцати особей. Остальные рыскают по городу поодиночке. Выживших людей не замечено.

– У тебя двадцать минут, – сообщил шериф. – Потом мы стартуем. Прием.

Стрелок улыбнулся. Точный срок. Ему такое нравилось.

– Принимаем ставки? – спросил он. – Прием.

– О чем ты говоришь?

– О числе убитых тварей. Прием.

– Просто сделай это.

И Мастин приступил к делу. Он начал с южного конца Главной улицы и медленно продвигался на север.

Пятнадцать попаданий.

Пять промахов.

Двенадцать убито, а три оставшихся еле ползли по асфальту, явно жалея о том, что не сдохли на месте.

Затем снайпер сместился на Седьмую улицу, сделал поправки и продолжил работу. Вблизи школы он заметил группу из восемнадцати аберов, спящих на улице. И пристрелил четырех из них, пока оставшиеся не проснулись и не осознали, что их атакуют. Пока они разбегались, он убил еще пятерых. Так продолжалось и дальше, и Мастин вынужден был признать, что еще никогда ему не было так весело работать со своей снайперской винтовкой. Когда до конца стрельбы оставалось пять минут, он прикончил еще трех аберов на дороге к югу от города и двух – в окрестностях садов, а в тот момент, когда в наушнике гарнитуры снова послышался голос шерифа, Мастин послал пулю в голову еще одному монстру, на полной скорости бегущему позади больницы.

– Время вышло, – сказал Итан. – Прием.

– Сорок четыре, – отозвался стрелок. – Прием.

– То есть?

– На сорок четыре абера меньше. Прием.

– Впечатляет. Ограждение держится?

Мастин повел прицелом винтовки на юг, изучая лес вблизи ограждения.

– Ворота по-прежнему закрыты, – сообщил он. – Когда вы войдете в город, я смогу обеспечить вам прикрытие, но стрелять их в лесу будет в лучшем случае сомнительно. Прием.

– Понял. Ты будешь нашими глазами. Убей столько, сколько сможешь. Сообщай нам об их приближении. Прием.

Снайпер вставил новый магазин, дослал в ствол очередной патрон и, насколько мог внимательно, оглядел лес и груды валунов, окружавшие вход в убежище.

– Все чисто, можете выезжать, – доложил он секунду спустя.

Итан

Он ехал на переднем пассажирском сиденье бронированного «Хамви», а за рулем сидел Алан Спир. В боковое зеркало было видно, как рабочие заваривают вход в убежище. На крыше «Хамви» стоял за пулеметом пятидесятого калибра один из охранников, а позади него ехали два пикапа «Додж Рэм». В кузове первого находились два человека с помповыми дробовиками, а на втором был установлен еще один пулемет. За пикапами следовали два больших крытых грузовика, а замыкал колонну третий «Рэм», в кузове которого сидели шесть вооруженных до зубов охранников.

В наушнике гарнитуры Итана послышался голос Мастина:

– Советую вам избегать Главной улицы. Каков ваш маршрут? Прием.

Алан вывернул из леса на дорогу, ведущую в город.

– С Тринадцатой до Пятой, – ответил Бёрк, – потом три квартала до школы. Нас там никто не ждет?

– Видишь эту тварь впереди? – спросил снайпер.

Шериф прищурился, глядя сквозь лобовое стекло. В сотне ярдов впереди по дороге на двойной разделительной полосе сидел абер. Приближающийся звук моторов привлек его внимание, он встал – и в тот же момент облачко красной взвеси вырвалось из боковой части его черепа.

– У вас на пути еще несколько бродячих тварюг, – сообщил Мастин. – Я начинаю расчищать дорогу. Прием.

Солнце только начало подниматься над утесами, и долина впереди еще была окутана полумраком раннего утра.

– Ты хоть немного поспал? – спросил Алан своего пассажира.

– А ты как думаешь? – вздохнул тот в ответ.

Кейт

Она слышала «так-так-так» автоматных очередей. Все в классе это слышали.

Кейт и Шпиц взялись за дело – они отодвигали мебель от дверей и вытаскивали гвозди из косяка, а затем, открыв дверь, велели всем ждать и выбежали в холл. Дальше они заспешили вверх по лестнице. Грохот очередей становился громче, а в промежутке между выстрелами стал слышен и другой шум – рокот моторов.

У выхода Бэллинджер вскинула свой «AR-15» и велела Шпицу встать у выхода. Он распахнул дверь, и Кейт сделала два шага в проем. Аберы со школьного двора бежали к колонне машин, выехавших на перекресток Десятой и Пятой – «Хамви», три пикапа и два длинных грузовика. Один монстр отделился от стаи и помчался к людям, стоящим в дверях школы.

– Ты его видишь? – спросил Шпиц свою напарницу.

Та подпустила тварь поближе, на двадцать футов.

– Кейт! – закричал почтальон.

Она нажала на спуск – три красных пятна красивым узором расцвели на шкуре абера, и он рухнул в пяти футах от двери. Выстрелы теперь было подобны грому, а над крышей второго пикапа сверкали вспышки – там работало оружие настолько большое, что его вряд ли можно было бы поставить даже на штурмовой вертолет. Оно выкосило целую шеренгу аберов, разорвав их тела пополам, после чего передняя дверь «Хамви» со стороны пассажирского сиденья распахнулась. Когда из машины вышел Итан, сердце Кейт замерло. Она смотрела, как он огибает машину спереди и бежит к ограде.

Бёрк перелез на школьный двор, и четверо аберов кинулись к нему от игровой площадки. Бэллинджер прицелилась и разрядила в них весь оставшийся магазин, уложив чудовищ одного за другим. Итан посмотрел на нее, в изумлении подняв брови.

На несколько секунд стрельба прекратилась. Повсюду лежали туши аберов, а из машины начали вылезать люди: они устанавливали оцепление по периметру. Кейт бросилась к Бёрку, и он, прихрамывая, тоже зашагал ей навстречу с дробовиком в руках. Джинсы его были разодраны, рубашка висела лохмотьями, а лицо покрывали брызги крови. Слезы мешали женщине смотреть, и она стерла их взмахом руки.

Они встретились, и Бэллинджер обняла своего друга.

– Как раненые? – спросил он.

– Один умер. Еще один держится. Едва-едва, – ответила Кейт.

– Я привел грузовики. Мы заберем всех отсюда в убежище, под гору.

– Ты нашел Гарольда?

– Пока нет.

– А Терезу и Бена?

Шериф молча покачал головой.

Слезы бежали по лицу Кейт. Глаза ее были крепко зажмурены, а Итан все повторял ее имя и твердил, что все будет в порядке, но она не могла перестать плакать и не хотела отпускать его.

Итан

Держа Кейт в объятиях, он краем глаза заметил идущего по Десятой улице мужчину в длинном черном плаще-пыльнике до колен. Лицо этого человека было скрыто черной ковбойской шляпой и длинной неухоженной бородой.

– Кто это, черт побери? – спросил Итан.

Кейт повернула голову в сторону незнакомца:

– Я никогда в жизни его не видела.

Бёрк пересек школьный двор, перелез через изгородь и вышел на середину улицы. Мужчина в черном нес на плече винтовку марки «винчестер» и шел усталой походкой, шаркая тяжелыми ботинками по асфальту. Он остановился в нескольких футах от шерифа. Этот дурно пахнущий оборванец был бы похож на бездомного чудака, если бы не его глаза. В них не было безумия – только явная, отчетливо читающаяся напряженность.

– Черт побери, это и впрямь ты, Итан, – сказал незнакомец.

– Извините, но разве мы знакомы? – удивился Бёрк, но внезапно увидел, как среди всклокоченных прядей бороды этого странного мужчины сверкнула улыбка.

– Знакомы ли мы? – Человек рассмеялся, и голос его был хриплым, как будто его гортань была выстелена наждачной бумагой. – Я тебе намекну. Во время последнего нашего разговора я послал тебя сюда.

Узнавание молнией пронзило мозг Итана – все встало на свои места. Он склонил голову набок:

– Адам?

– Насколько я слышал, ты заварил тут кашу, – сказал путешественник вместо ответа.

– Так ты все это время был в городе?

– Нет-нет. Я только что вернулся.

– Вернулся откуда?

– Оттуда. Снаружи.

– Ты Кочевник?

– Я отсутствовал три с половиной года. И вошел внутрь ограждения вчера на рассвете.

– Адам…

– Я знаю, что у тебя есть вопросы, но если ты ищешь своих родных, то я нашел их минувшей ночью.

– Где?

– Тереза заперлась вместе с Беном в тюремной камере в шерифском участке.

– Они сейчас там?

– Да, и…

Бёрк помчался по Десятой улице, не сбавляя скорости, пролетел шесть кварталов и ворвался в шерифский участок, хватая ртом воздух.

– Тереза! – закричал он.

– Итан? – откликнулся издалека женский голос.

Мужчина бросился по коридору к камере в северном торце здания, и глаза его наполнились слезами: он увидел сквозь решетку жену и сына. Живыми!

Тереза нащупала в кармане ключ и отперла замок.

Итан распахнул дверь и обнял жену, целуя ее лицо и руки так, как будто впервые в жизни смог коснуться ее.

– Я думал, что потерял вас! – выдохнул он.

– Почти потерял.

Бен смотрел на него, нахмурясь.

– Все нормально, дружок? – наклонился к нему отец.

– Да, папа, но мы едва не погибли, – отозвался мальчик.

В нескольких кварталах от участка снова поднялась стрельба.

– Ты привел тяжелую кавалерию, – заметила Тереза.

– Привел, – кивнул ее муж.

– И много людей вы спасли?

– В подвале школы спряталась одна группа – с ними все будет в порядке. Поисковая команда прочесывает город, убивая любую нелюдь и спасая всех, кого может. Почему вы с Беном не остались в пещере?

– Аберы вернулись, – объяснил мальчик. – Многие люди остались там, но мы с мамой обнаружили другой путь вниз с горы.

– Думаю, те, кто остался, не выжили, – вздохнула Тереза.

Неожиданно Итан заметил лежащее на полу, чуть в стороне решетки тело Пэм.

– Она нашла нас здесь прошлой ночью, – сказала его жена. – Мы были заперты в камере, без оружия. Она собиралась убить нас.

– Почему?

– Чтобы причинить боль тебе. – Терезу, казалось, передернуло от воспоминаний об этом. – Нас спас Адам Хасслер.

– Ты знала, что он здесь? – спросил шериф.

– Нет.

Пулемет заговорил снова. Итан достал рацию:

– Бёрк на связи. Прием.

– Да, я тебя слушаю. Прием, – ответил ему голос Алана.

– Ты можешь послать машину к шерифскому участку? Я нашел свою семью и хочу увезти ее в безопасное место.

Часть VIII

Тереза

Заплутавшие Сосны

Пять лет назад

Она стояла под дождем, босая, в больничной рубашке, которая промокла насквозь и липла к коже, и смотрела на ограду высотой в двадцать пять футов. Идущая поверху колючая проволока потрескивала электрическими разрядами.

Два плаката, висящие неподалеку, гласили:

ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ

ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ

и:

ВЕРНИСЬ В ЗАПЛУТАВШИЕ СОСНЫ

ЗА ЭТОЙ ЧЕРТОЙ ТЕБЯ ЖДЕТ СМЕРТЬ

Женщина опустилась прямо в грязь, дрожа от холода. Наступили сумерки – скоро станет слишком темно, чтобы что-либо разглядеть в лесу. Она достигла края. Края своей жизни. Ей не к кому обратиться и некуда больше бежать. Она потерпела полный крах. И теперь, будучи не в силах остановиться, Тереза плакала под тяжелыми струями ледяного дождя.

Чьи-то руки схватили ее за плечи. Женщина отреагировала подобно раненому животному – вырвалась и поползла прочь на четвереньках, слыша, как кто-то окликнул ее: «Тереза!» Но она не остановилась.

С трудом поднявшись на ноги, она рванулась, чтобы бежать прочь, и ноги ее скользнули по мокрым сосновым иглам. Те же руки бросили ее наземь, лицом в грязь, придавили сверху и попытались перекатить на спину. Она сопротивлялась изо всех сил, даже когда противник прижал ее локти к бокам, и думала: «Если этот подонок только потянется зажать мне рот, клянусь, он останется без пальцев!» Но напавший на нее человек сумел перевернуть женщину навзничь и, не выпуская ее рук, придавить коленями ее голени.

– Отпусти! – закричала она.

– Прекрати сопротивляться!

Этот голос… Она взглянула на того, кто ее держал. Было уже слишком темно, чтобы различить что-нибудь, но женщина все-таки узнала это лицо, пришедшее к ней из другой жизни. Из лучших времен.

Она перестала извиваться и тихо спросила:

– Адам?

– Это я.

Хасслер отпустил ее руки и помог ей сесть.

– Что ты… Почему?.. – У нее в голове теснилось так много вопросов, что она не могла сосредоточиться на том, какой из них высказать первым. Наконец Тереза выбрала главный из них. – Что со мной произошло?

– Ты в городе Заплутавшие Сосны, штат Айдахо.

– Я это знаю. Но почему отсюда нет дороги? Зачем здесь это ограждение? Почему никто не говорит мне, что происходит?

– Я знаю, что у тебя есть вопросы…

– Где мой сын?

– Может быть, я сумею помочь тебе найти Бена.

– Ты знаешь, где он?

– Нет, но я…

– Где он?! – Женщина уже кричала в полный голос. – Я должна…

– Тереза, ты сейчас подвергаешь себя опасности. Ты ставишь под угрозу и свою жизнь, и мою. Я прошу тебя – пойдем со мной.

– Куда?

– Ко мне домой.

– К тебе домой?!

Хасслер скинул свою водонепроницаемую куртку, набросил ее на плечи Терезы и заставил ее подняться на ноги.

– Откуда у тебя здесь дом, Адам? Почему? – Она по-прежнему ничего не понимала.

– Потому что я здесь живу.

– И давно?

– Полтора года.

– Это невозможно.

– Знаю, сейчас ты думаешь именно так. Я уверен, в данный момент тебе все кажется странным и неправильным… Где твои туфли?

– Не знаю.

– Я тебя понесу.

Хасслер подхватил Терезу на руки, как будто она совсем ничего не весила. Женщина смотрела ему в лицо, и, несмотря на ужас последних пяти дней здесь, не могла отрицать того, что взгляд этих знакомых глаз успокаивал ее.

– Почему ты здесь, Адам? – снова спросила она.

– Я знаю, что у тебя много вопросов. Но давай сначала я отнесу тебя в дом. Ты совсем замерзла и можешь простудиться.

– Я сошла с ума? Я больше ничего не понимаю. Я очнулась здесь, в больнице, и последние несколько дней были…

– Взгляни на меня, Тереза. Ты не сумасшедшая.

– Тогда что?

– Просто теперь ты в другом месте.

– Я не понимаю, что это значит.

– Знаю. Но если ты мне веришь… клянусь, я о тебе позабочусь! Я не допущу, чтобы с тобою что-нибудь случилось. И я помогу тебе найти твоего сына.

Несмотря на то что теперь куртка Хасслера укрывала ее от дождя и холода, миссис Бёрк дрожала крупной дрожью. А он нес ее все дальше через темный лес, под струями ливня. Последним, что Тереза помнила перед тем, как пришла в себя в этом городе,

было то, как сидела дома, в Куин-Энн, а напротив нее сидел человек по имени Дэвид Пилчер. В ту ночь она устраивала прием в память ее пропавшего без вести мужа, и после того, как гости ушли, в предрассветный час на пороге появился Пилчер со странным предложением: поехать куда-то с ним. Он пообещал, что если она согласится, то они с Беном смогут снова встретиться с Итаном.

Очевидно, это обещание не было выполнено.

*** * ***

Тереза лежала на диване, придвинутом поближе к открытой дверце печки, и смотрела, как Адам Хасслер подкладывает в огонь сосновые поленья. Холод, казалось, въевшийся в самые кости, постепенно покидал ее тело. Она не спала сорок восемь часов – с тех пор, как во второй раз проснулась на больничной койке и увидела ту медсестру с ужасной улыбкой, – но сейчас женщина ощущала подкрадывающуюся сонливость. Похоже, долго бодрствовать она не сможет.

Хасслер растопил печь так, что пламя ревело, а под корой поленьев вскипала и трещала смола. Свет в комнате был выключен, и на стенах плясали отблески огня. Тереза слышала, как непрекращающийся дождь барабанит по черепичной крыше над головой, и от этого звука ей еще больше хотелось спать.

Адам отодвинулся от печки и присел на край дивана. Он посмотрел на Терезу с теплотой, какой она не видела уже так много дней…

– Тебе что-нибудь еще принести? – спросил он. – Воды? Побольше одеял?

– Всё в порядке, – отозвалась женщина. – То есть не в порядке, но…

Хасслер улыбнулся:

– Я понимаю, что ты имеешь в виду.

Тереза пристально поглядела на него:

– Это были самые странные и самые худшие дни в моей жизни.

– Знаю.

– Что со мною происходит?

– Я не могу объяснить.

– Не можешь или не хочешь?

– Ты исчезла из Сиэтла в ночь после приема в память Итана. Ты и Бен.

– Верно.

– Я предположил, что вы поехали в Заплутавшие Сосны искать Итана, поэтому отправился искать вас.

– Черт. Так ты здесь из-за меня?

– Я въехал в город за два дня до Рождества. И все, что я помню, – это тягач, появившийся ниоткуда и столкнувший мою машину с дороги. Я очнулся в больнице, совсем как ты. Без телефона, без бумажника… Ты пыталась звонить в Сиэтл?

– Я звонила своей сестре, Дарле, не знаю уж, сколько раз, с того телефона-автомата возле банка, но каждый раз или не было гудка, или мне говорили, что неправильно набран номер.

– То же самое произошло и со мной.

– И откуда же у тебя тут дом?

– У меня тут есть и работа.

– Что?

– Ты разговариваешь с младшим поваром на стажировке в «Осиновом доме», лучшем ресторане в Заплутавших Соснах.

Тереза смотрела Хасслеру в лицо, пытаясь понять, не шутит ли он, но, судя по всему, ее старый знакомый говорил совершенно искренне.

– Ты был главой полевых агентов отделения секретной службы в Сиэтле, – напомнила она ему. – Ты…

– Многое изменилось.

– Адам…

– Просто послушай меня. – Хасслер положил руку ей на плечо, и она почувствовала тяжесть его ладони сквозь одеяло. – Все те вопросы, которые у тебя возникли, все те страхи, которые ты испытываешь, были и у меня. И они по-прежнему есть. Это не изменилось. Но в этой долине нельзя получить ответы на такие вопросы. Есть лишь единственно правильный образ жизни, и все другие пути приведут тебя к гибели. Как твой друг, Тереза, я надеюсь, что ты услышишь меня. Если ты не прекратишь попытки к бегству, не перестанешь задавать вопросы, этот город убьет тебя.

Женщина отвернулась от Хасслера, глядя в огонь. Пламя расплывалось у нее перед глазами, дробясь в пелене слез. Самое страшное – действительно страшное – заключалось в том, что она поверила Адаму. Стопроцентно. Было что-то неправильное, злое в самом этом месте.

– Я чувствую себя такой потерянной, – призналась миссис Бёрк.

– Знаю. – Хозяин дома сжал ее плечо. – Я здесь, с тобой, и я помогу тебе во всем, в чем только смогу.

Итан

В тот вечер он нашел Кейт сидящей в гостиной дома Бэллинджеров и глядящей в холодный темный камин. Бёрк сел рядом с ней, уперев приклад дробовика в деревянный пол. Аберы побывали в доме во время своего вторжения в город. Переднее окно было выбито, изрядная часть мебели перевернута, и в помещении все еще пахло этими тварями – неприятный, чуждый запах…

– Что ты здесь делаешь? – спросил Итан.

Кейт пожала плечами:

– Кажется, я не могу отделаться от чувства, будто если сидеть здесь достаточно долго, он войдет в ту дверь.

Шериф обнял ее за плечи.

– Но он никогда больше не войдет сюда, верно? – продолжила Кейт. Судя по всему, она удерживалась от слез только силой воли. Ее друг покачал головой.

– Ты нашел его. – Женщина не спрашивала, она утверждала.

Свет, сочившийся сквозь выбитое окно, с каждой минутой становился тусклее. Скоро в долине наступит темнота…

– На его группу напали в тоннелях, – сказал Итан.

Кейт так и не заплакала – только сделала долгий, мучительный вдох, а потом такой же выдох.

– Я хочу увидеть его, – произнесла она.

– Конечно. Мы собирали погибших весь день, делая все возможное, чтобы подготовить их…

– Я не боюсь увидеть его растерзанным, Итан. Я просто хочу его увидеть.

– Хорошо.

– Скольких мы потеряли?

– Мы все еще собираем тела, так что сейчас можем только подсчитать выживших. Из четырехсот шестидесяти одного жителя города осталось сто восемь. Семьдесят пять все еще не найдены.

– Я рада, что именно ты принес эти новости, – отозвалась Бэллинджер.

– На следующие несколько ночей всех выживших приглашают найти убежище в подгорном комплексе.

– Сейчас я останусь здесь.

– Это небезопасно, Кейт. В долине еще остались аберы. Мы перебили не всех. Здесь нет ни электричества, ни отопления, и когда сядет солнце, станет очень темно и холодно. Твари, еще оставшиеся внутри ограждения, вернутся в город.

Женщина посмотрела на своего гостя и безразличным тоном ответила:

– Мне все равно.

– Хочешь, я посижу с тобой немного?

– Я хочу остаться одна.

Итан поднялся на ноги. Каждый дюйм его тела болел и ныл, умоляя об отдыхе.

– Я оставлю тебе дробовик, – сказал шериф. – На всякий случай.

Он не был уверен, что хозяйка дома услышала его. Сейчас она пребывала мыслями совершенно в другом месте.

– Твоя семья жива? – спросила вдруг Кейт.

– Жива.

Бэллинджер молча кивнула.

– Я вернусь утром, – сообщил Бёрк, – и отведу тебя к Гарольду.

Он направился к выходу, но внезапно Кейт окликнула его:

– Эй, послушай!

Итан оглянулся.

– Это не твоя вина, – напомнила она.

* * *

В ту ночь Итан лежал рядом с Терезой в теплой темной комнате глубоко в *горе*, в верхнем комплексе. Бен спал на раскладной койке, поставленной у изножья их постели, и тихо посапывал. Ночник у противоположной стены светился неярким голубым светом, и шериф смотрел в это сияние. Впервые за целую вечность он мог выспаться в тепле и настоящей безопасности, без шпионящих за ним камер. Казалось бы, самое место и время, чтобы спать, – но сон не шел к нему.

Жена провела рукой по его боку, потом по животу и прошептала:

– Не спишь?

Бёрк перекатился на бок, чтобы взглянуть на нее, и при свете ночника увидел странный блеск глаз и мокрые дорожки на ее щеках.

– Я должна тебе кое-что сказать, – произнесла она.

– Хорошо.

– Ты вернулся в нашу жизнь меньше месяца назад.

– Верно.

– А мы пробыли здесь уже пять лет. Мы не знали, где находимся. Не знали, что это вообще за место.

– Я все это уже знаю.

– Я попытаюсь объяснить… до твоего прихода у меня кое-кто был.

– Кое-кто… – повторил за женой Итан, чувствуя, как в груди у него нарастает тяжесть и как эта тяжесть давит на его легкие, не давая им сделать полный вдох.

– Я думала, что ты мертв. Или что, возможно, мертва я.

– Кто?

– Когда я только оказалась в городе, я никого не знала. Я очнулась здесь так же, как ты, и Бена со мною не было, и…

– Кто?

– Ты же видел – Адам Хасслер здесь.

– Хасслер?

– Он спас мою жизнь, Итан. Он помог мне найти Бена.

– Ты не шутишь?

Теперь Тереза плакала, не скрывая этого:

– Я жила с ним в том самом доме на Шестой улице больше года, до того самого дня, как его отослали прочь.

– Ты была с Хасслером?

Женщина подавила всхлип:

– Я думала, что ты мертв. Ты же знаешь, какие шутки играет с тобой этот город.

– Ты делила с ним постель?

– Итан…

– Это так?

Миссис Бёрк молча кивнула.

Шериф снова повернулся на спину и уставился в потолок. Он понятия не имел, как и подступиться к осмыслению услышанного. У него были только вопросы и нарисованные воображением картины того, как Хасслер и его жена… Горькая, жгучая смесь непонимания, гнева и страха зародилась в глубине его души, быстро разрастаясь, подобно взрыву сверхновой.

– Поговори со мной, – промолвила Тереза. – Не замыкайся.

– Ты любила его? – выдавил из себя ее муж.

– Да.

– И теперь любишь?

– Я не могу понять.

– Это не означает «нет».

– Ты хочешь, чтобы я защищала твои чувства, Итан, или чтобы я была с тобой честна?

– Почему ты мне не сказала?

– Потому что была не готова к такому разговору. Ты пробыл здесь всего месяц. Мы только начали заново привыкать друг к другу.

– Ты и не собиралась рассказывать. Твой любовник явился из ниоткуда, и только это заставило тебя…

– Это неправда, Итан. Клянусь, я сказала бы тебе! Я была уверена, что Адам никогда не вернется. И кстати, подумай вот о чем: я была с Хасслером, когда думала, что ты мертв. А ты трахал Кейт Хьюсон, когда я была вполне жива. Когда я была твоей женой. Так что давай рассмотрим это с разных точек зрения, ладно?

– Ты хочешь быть с ним?

– Если б он не нашел меня, я продолжала бы попытки к бегству, пока меня не убили бы. У меня нет в этом сомнений. Он поддержал меня, он позаботился обо мне, когда вокруг не было никого, кто сделал бы это. Когда тебя не было рядом.

Бёрк опять лег на бок, лицом к жене. Их носы соприкасались, и он ощущал дыхание Терезы на своем лице. Внутри у него, словно снежный ком, нарастала масса эмоций, и он не был полностью уверен, что сможет удержать их на привязи.

– Ты хочешь быть с ним? – повторил он свой вопрос.

– Я не знаю.

– Ты не знаешь? Это означает «может быть»?

– Меня никто не любил так, как любит этот человек.

Итан задержал дыхание. Тереза же продолжала:

– Если тебе больно это слышать, прости меня, но я была для него всем миром, Итан, и это… – Она оборвала фразу, оставив слова висеть в воздухе.

– И что?

– Мне не следует говорить…

– Нет, закончи свою мысль!

– Это не было похоже ни на что, пережитое мною прежде. С тех пор как мы с тобой впервые встретились, я любила тебя всей душой. Можно сказать тебе совершенно честно? Я всегда любила тебя больше, чем ты любил меня.

– Это неправда.

– Ты знаешь, что правда. Моя верность, моя преданность тебе была безграничной. Если представить наш брак, как веревку – ты с одной стороны, а я с другой, – я всегда тянула сильнее. И иногда – намного сильнее.

– Это наказание, да? За Кейт?

– Не всегда дело только в тебе. Дело во мне и в том мужчине, которого я полюбила в твое отсутствие. А теперь он вернулся, и я понятия не имею, как справиться с этой поганой ситуацией. Ты можешь поставить себя на мое место на две секунды?

Итан сел на постели и отбросил одеяло.

– Не уходи, – попросила его жена.

– Мне нужно подышать свежим воздухом, – ответил он.

– Мне не следовало тебе этого говорить.

– Нет, тебе следовало сказать мне это в первый же день.

Бёрк слез с кровати и вышел из комнаты в одних носках, пижамных штанах и майке. Было два или три часа ночи, и на Уровне 4 было темно, хотя над головой у Итана тихо гудели слабые флюоресцентные лампы. Шериф двинулся вперед по коридору. За каждой дверью, мимо которой он проходил, крепко спали в безопасности обитатели Заплутавших Сосен. Осознание того, что хоть кого-то удалось спасти, успокаивало…

Столовая была закрыта, и в ней совсем не было света. Остановившись у дверей, ведущих в спортивный зал, Бёрк бросил взгляд сквозь вставленные в них стекла. В слабом свете он с трудом различил баскетбольные кольца и площадку, покрытую рядами матрасов. Люди из верхнего комплекса, все, как один, вызвались уступить свои комнаты на Уровне 4 беженцам, и Итан надеялся, что это добрый знак в преддверии близящихся тяжелых времен.

Спустившись на Уровень 2, он провел через считыватель электронным пропуском и вошел в центр наблюдения. Там, за пультом, сидел, глядя на экраны, Алан Спир. Когда Итан вошел, глава службы безопасности оглянулся, услышав его шаги:

– Поздно уже, а ты не спишь…

Шериф присел рядом с ним.

– Видно что-нибудь?

– Я отключил датчики движения, которые приводили в действие камеры, и теперь изображение передается непрерывно. Наверняка батареи долго не протянут. Я заметил несколько десятков аберов, вернувшихся в город. Утром первым делом отправлю вниз команду, чтобы прикончить их.

– А ограждение?

– Подача энергии полная. Все показатели в норме. Тебе действительно следовало бы поспать.

– Похоже, в будущем мне это почти не светит.

Алан рассмеялся:

– И это ты *мне* рассказываешь?

– Кстати, спасибо тебе, – произнес Итан. – Если бы ты не поддержал меня вчера…

– Ты почтил память моей подруги.

– Люди из города…

– Не говори никому, но мы между собой зовем их городняками.

– Они идут за мной, – продолжил Бёрк. – И почему-то мне кажется, что люди из *горы* идут за тобой.

– Похоже на то. В будущем нам не раз придется делать трудный выбор, и есть два способа справиться с этим: правильный и неправильный.

– Что ты имеешь в виду?

– Пилчер вел дела определенным способом.

– Да. Своим.

– Я не защищаю этого человека, но иногда возникает ситуация выбора между жизнью или смертью, и тогда нужны один или два сильных человека, чтобы принять решение.

– Думаешь, у Пилчера в *горе* есть сторонники?

– Кого ты имеешь в виду? Искренних последователей? Тех, кто в него действительно верил?

– Именно.

– Все, кто жил в *горе,* – его искренние последователи. Разве ты не знаешь, *что* мы отдали, чтобы оказаться здесь?

– Нет.

– Всё. Мы поверили этому человеку, когда он сказал, что старый мир умирает и что у нас есть шанс стать частью будущего нового мира. Я продал свой дом, свои машины, обналичил все свои банковские счета, покинул свою семью… Я отдал ему всё, что у меня было.

– Можно спросить тебя кое о чем?

– Конечно.

– Может быть, в общем запале ты это и упустил, но сегодня в город вернулся Кочевник.

– Да, Адам Хасслер.

– Так ты его знаешь?

– Не очень хорошо. Я изумлен, что он сумел выжить и вернуться.

– Я хотел бы узнать о нем побольше. Он был городняком до того, как отправился на это задание?

– Не могу сказать точно. Тебе нужно поговорить с Фрэнсисом Левеном.

– Кто это?

– Управляющий комплексом.

– Что это значит?

– Он следит за припасами, за надежностью систем, за состоянием людей в анабиозе и за их пробуждением. Он – ходячая сокровищница памяти обо всем комплексе. Глава каждой группы отчитывается перед ним, а он отчитывается – то есть раньше отчитывался – перед Пилчером.

– Никогда с ним не встречался.

– Он замкнутый человек. Предпочитает быть в одиночестве.

– Где мне его найти?

– Его кабинет расположен в самой глубине ковчега.

Итан встал. Действие болеутоляющих проходило. Усталость и раны последних сорока восьми часов все сильнее давали о себе знать.

Когда шериф направился к двери, Алан вдруг снова подал голос:

– И еще одно…

– Да?

– Мы нашли наконец Теда. Он был в своей комнате. Его зарезали, а труп спрятали в шкаф. Пилчер вырезал и уничтожил его микрочип.

Бёрк думал, что после такого дня еще одна поганая новость просто разобьется о его сознание, как волна о пирс, однако это известие ранило его, и ранило глубоко. Он покинул Спира и вышел обратно в коридор. Начал было подниматься по лестнице на жилой Уровень 4, но потом остановился. Повернувшись обратно, спустился по последнему лестничному пролету на Уровень 1.

Маргарет – абер, чью разумность Пилчер проверял в течение последних нескольких месяцев, – не спала и расхаживала по своей клетке в свете флюоресцентных ламп. Шериф приник к маленькому окошку и стал смотреть внутрь. От его дыхания на стекле оседал туман. Когда Бёрк видел эту самку в прошлый раз, она спокойно сидела в своем углу – покорная, человекоподобная… Теперь же она выглядела встревоженной. Не злой, не кровожадной, а просто нервной.

«Это потому, что так много твоих братьев и сестер явилось в долину? – подумал Итан. – Или потому, что так много их было убито, даже в этом комплексе?» Пилчер говорил ему, что аберы общаются между собой посредством феромонов. «Используют их, как мы используем слова» – так он тогда сказал.

Маргарет увидела шерифа. Она подобралась на четвереньках к двери и встала на задние конечности. Расстояние лишь в несколько дюймов – и еще стекло – разделяли глаза Бёрка и ее глаза. Вблизи глаза чудовища казались почти красивыми.

Итан двинулся дальше по коридору. Миновав шесть дверей, он заглянул в оконце еще одной клетки. Там не было ни кровати, ни стула – только пол, стены и Дэвид Пилчер, сидящий в углу, свесив голову, как будто заснул сидя. Свет ламп падал в окно и озарял левую половину лица узника. Пилчеру не были дозволены какие бы то ни было личные вещи, включая бритву, и на его подбородке уже пробивалась белесая щетина.

«Ты сделал это, – думал шериф. – Ты разрушил так много жизней… Мою жизнь. Мой брак». Если б у Итана был электронный ключ от этой клетки, он ворвался бы внутрь и забил бы этого человека насмерть.

* * *

Все – и *городняки*, и *люди из горы* – пришли на похороны. Кладбище было слишком мало, чтобы вместить все тела, и их решено было упокоить на поле у южного края кладбища. Итан помогал Кейт хоронить Гарольда.

Небо было серым, и крошечные снежинки падали, кружась, на головы людей. Все молчали – слышались только размеренные удары лопат, вгрызающихся в твердую смерзшуюся землю.

Когда могилы были вырыты, люди присели на заснеженную траву рядом с теми, кого любили, – или с тем, что от них осталось. Мертвые были плотно завернуты в некогда белые простыни. Рытье могил на время дало живым хоть какое-то занятие, но теперь, когда они сидели, неподвижные и замерзшие, рядом с погибшими отцами и матерями, братьями и сестрами, женами, мужьями, друзьями и детьми, из толпы стали доноситься приглушенные рыдания.

Итан вышел на середину поля. Оттуда, где он стоял, открывалось печальное зрелище: маленькие холмики земли, мертвые тела, ждущие, чтобы их опустили в место последнего упокоения, горе тех, кто лишился всего, люди из-под горы, с торжественным и скорбным видом стоящие рядом с горожанами, и столб дыма, поднимающийся в небо на северной окраине города. На костре, испускавшем эти черные клубы, от которых исходил мертвенно-сладкий запах, горели, превращаясь в ничто, тела шести сотен аберов.

Если не считать Дэвида Пилчера, ответственного за всю эту боль, на поле собрались все оставшиеся на Земле люди. Даже Адам Хасслер, стоящий поодаль вместе с Терезой и Беном.

Итана внезапно пронзила одна-единственная ужасная мысль: «Я теряю свою жену». Он медленно повернулся, вглядываясь в лица собравшихся. Скорбь была всепоглощающей – она словно обрела собственную жизнь.

– Я не знаю, что сказать, – произнес шериф. – Слова не утешат и не исправят ничего. Мы потеряли три четверти наших людей, и оставшимся еще долго, очень долго будет больно. Давайте сделаем все, что в наших силах, чтобы помочь друг другу, потому что в этом мире есть только мы.

Когда все начали осторожно укладывать тела в вырытые ямы, Бёрк направился по полю, сквозь редкий снегопад обратно к Кейт. Он помог ей опустить Гарольда в могилу, а потом они взяли лопаты и, как и все остальные, стали забрасывать яму землей.

Тереза

Она шла рядом с Хасслером через лес к югу от города. Снежинки медленно опускались наземь, порхая между соснами. Адам сбрил бороду и подстриг волосы, но это только подчеркнуло изможденность его лица. Он выглядел истощенным, словно беженец из голодного края, и Тереза не могла отделаться от ощущения нереальности, вызванного тем, что они снова вместе. Прежде чем признать его мертвым, она нередко представляла себе их воссоединение, но все эти фантазии оказались совершенно непохожими на реальность.

– Ты хорошо спал? – спросила миссис Бёрк.

– Забавно. Ты представить не можешь, сколько ночей в глуши я мечтал о том, чтобы снова поспать в постели! – усмехнулся тот. – С подушками, с одеялами, в тепле и безопасности. Чтобы иметь возможность в темноте протянуть руку, взять с прикроватного столика стакан и напиться чистой прохладной воды. Но с тех пор, как вернулся сюда, я почти не сплю. Полагаю, я слишком привык засыпать в спальном мешке, подвешенном на дереве в тридцати футах над землей… А ты как спала?

– Все сложно, – уклончиво ответила женщина.

– Кошмары?

– Мне постоянно снится, что все пошло иначе. Что те аберы все-таки ворвались в тюремную камеру.

– А как Бен?

– В порядке, насколько это возможно. Я вижу, что он пытается осмыслить случившееся. Многие из его одноклассников не выжили.

– Он видел вещи, которых не должен видеть ни один ребенок.

– Ему уже двенадцать лет. Ты можешь в это поверить?

– Он очень похож на тебя, Тереза. Я хотел бы как следует рассмотреть его, просто поговорить с ним, но это кажется мне неправильным. Пока что – нет, – вздохнул Адам.

– Вероятно, это и к лучшему, – обронила она.

– А где Итан?

– Он собирался ненадолго остаться с Кейт после похорон.

– Кое-что так и не изменилось, верно?

– Она потеряла мужа. И у нее действительно больше никого нет. – Тереза тоже вздохнула. – Я рассказала Итану.

– Рассказала ему…

– …о нас.

– Вот как…

– У меня не было выбора. Я просто больше не могла скрывать это от него.

– И как он это принял?

– Ты же знаешь Итана. Как, по-твоему, он мог это принять?

– Но он же понимает, какими были обстоятельства, правильно? То, что и ты, и я были пойманы здесь, словно в ловушке. То, что мы оба считали его мертвым.

– Я объяснила ему всё.

– И он тебе не поверил?

– Не знаю, поверил или нет; скорее, он пытается как-то свыкнуться с мыслью о том, что… ну, ты знаешь.

– Что я трахал его жену.

Тереза остановилась.

В лесу было невыносимо тихо.

– Это было хорошее время, верно? – спросил Хасслер. – Когда были только мы с тобою и Бен. Ты была счастлива со мной, не так ли?

– Очень.

– Ты и представить не можешь, что бы я сделал ради тебя, Тереза.

Женщина посмотрела ему в глаза, и он ответил ей взглядом, полным безграничной любви. Воздух вокруг них словно звенел, и Тереза вдруг ощутила, что этот момент куда более важен, чем она осознавала. Когда-то ее сердце было широко распахнуто для этого человека, и если она позволит ему вот так смотреть на нее – так, словно она единственное, что существует в этом мире…

Адам сделал шаг к женщине и поцеловал ее. Сначала она отпрянула, но потом позволила ему целовать себя, а спустя мгновение сама ответила на его поцелуй. Мужчина медленно оттеснял ее к сосне, и когда он прижал ее спиной к стволу, Тереза запустила пальцы в его волосы.

Хасслер целовал ее шею. Она откинула голову назад и посмотрела на снежинки, которые падали ей на лицо и таяли. Адам расстегнул ее куртку, затем его пальцы быстро пробежали по пуговицам ее рубашки, ловко выдергивая их из петель, и женщина обнаружила, что тянется навстречу этим рукам.

Но внезапно она остановилась.

– Что? – спросил ее любимый, с трудом дыша. – Что случилось?

– Я все еще замужем.

– Когда-то это его не остановило, – заметил Адам, и какая-то часть Терезы хотела, чтобы он уговорил ее, чтобы продолжал этот напор, чтобы не останавливался. – Помнишь, что ты чувствовала тогда, Тереза? Помнишь, что ты сказала мне об этом? Твоя любовь к нему всегда горела жарче, чем его любовь к тебе.

– Я видела, как он изменился за последний месяц. Я видела проблески…

– Проблески? А что ты видела от меня? Тоже проблески?

Женщина покачала головой:

– Я люблю тебя всем сердцем, всей душой. Не оставляя себе ничего, не оглядываясь ни на что, отдавая тебе все. Каждую секунду каждого дня.

Издали, вспарывая лесную тишину, донесся крик. Крик абера – высокий, тонкий и леденящий кровь. Хасслер отпрянул от Терезы, и она увидела, как на его лбу собираются напряженные складки.

– Это… – прошептала она испуганно.

– Не думаю, что это внутри ограждения, – сказал Адам.

– Все равно, давай уйдем отсюда, – попросила женщина, застегивая рубашку и куртку.

Они снова зашагали по направлению к городу. Тело у миссис Бёрк гудело, а голова кружилась. Они вышли на дорогу и пошли вдоль двойной разделительной линии. Вдалеке замаячили здания.

В Заплутавшие Сосны Адам и Тереза вошли в молчании. Женщина чувствовала, что это безрассудно, но продолжала идти рядом со своим любимым. На пересечении Шестой авеню и Главной улицы он спросил:

– Посмотрим вместе?

– Конечно.

Они пошли по тротуару через знакомый квартал. Вокруг не было ни души – дома стояли пустые и темные. Все выглядело холодным, серым и лишенным жизни.

– Больше нет ощущения того, что мы здесь живем, – произнес Адам, стоя у крыльца того, что когда-то было их желтым домиком в викторианском стиле. Он прошел через столовую в кухню и вышел обратно в коридор. – Представить не могу, как это трудно для тебя, Тереза.

– Да, не можешь, – согласилась она.

Хасслер появился из темного коридора и, подойдя к ней, опустился на одно колено:

– Кажется, это так делается, верно?

Он взял ее за руку. Его ладони были грубыми, совсем не такими, как она помнила. Они стали жилистыми и твердыми, как сталь, а под ногти так глубоко въелась грязь внешнего мира, что женщине казалось, будто эта грязь никогда не отмоется.

– Будь со мной, Тереза, что бы это ни значило в том новом мире, где мы живем.

Слезы струились по ее щекам и капали с подбородка на пол, а голос дрожал, когда она снова попыталась объяснить ему:

– Я уже…

– Я знаю, что ты замужем, я знаю, что Итан здесь, но мне плевать, и тебе тоже должно быть плевать на это. Жизнь слишком трудна и слишком коротка, чтобы не быть с теми, кого ты любишь. Поэтому выбери меня.

Часть IX

Итан

Фрэнсис Левен жил в отдельном здании в дальнем углу ковчега, выстроенном под навесом каменной стены. Электронный пропуск Бёрка на считывателе не сработал, поэтому он просто постучал кулаком в стальную дверь:

– Мистер Левен!

Через пару секунд щелкнул замок, и дверь со скрипом открылась. Стоящий на пороге человек был едва ли пяти футов ростом, а одет он был в банный халат, грязный и затертый, но когда-то, видимо, бывший белым. Итан предположил, что Левену лет сорок пять или пятьдесят, хотя точно сказать было трудно – настолько неухоженным был этот «управляющий комплексом». Его спутанные волосы отросли до плеч и лоснились от грязи, а большие голубые глаза смотрели на гостя с неприкрытым подозрением, граничащим с враждебностью.

– Что вам? – спросил Фрэнсис.

– Мне нужно с вами поговорить.

– Я занят. В другой раз.

Левен попытался закрыть дверь, но Итан с силой толкнул ее, распахнув настежь, и вошел. Пол внутри усеивали конфетные обертки, а в воздухе висел влажный запах плесени, словно в жилище шестнадцатилетнего подростка, к которому примешивался едкий запах несвежего кофе. Единственное освещение исходило от встроенного в потолок квадратного плафона и от гигантских жидкокристаллических дисплеев, которые покрывали почти каждый квадратный дюйм стен. Бёрк посмотрел на ближайший экран – там мерцала круговая диаграмма, которая, если судить по обозначениям на ней, отражала состав воздуха в комплексе.

Шериф не понимал, как можно охватить разумом столько дисплеев одновременно. Они ежесекундно выдавали огромный, почти непредставимый объем данных: ряды температурных градиентов в градусах по Кельвину, цифровое выражение чего-то – по предположению Итана, тысячи анабиозных камер, жизненные показатели двухсот пятидесяти человек, все еще живущих и дышащих на этой планете, кадры с камер беспилотников, полные биометрические данные пленной самки-абера… Это было похоже на свихнувшийся центр наблюдения.

– Я хочу, чтобы вы ушли, – сказал хозяин этого помещения. – Никто не смеет тревожить меня здесь.

– С Пилчером покончено, – сообщил ему шериф. – На случай, если вы не получили уведомление: теперь вы работаете на меня.

– Это спорный вопрос.

– Что это за место?

Левен посмотрел на Бёрка сквозь толстые стекла очков – упрямый, не желающий подчиняться…

– Я не уйду, – произнес Итан.

– Я веду мониторинг систем, поддерживающих функционирование комплекса и города Заплутавшие Сосны. Мы называем это центром управления.

– Каких систем?

– Всех. Электричество, переборки, фильтрация, наблюдение, анабиоз, вентиляция… Подземный реактор, снабжающий энергией все это.

Шериф прошел дальше в этот нервный центр человечества.

– И вы один отвечаете за все это? – поинтересовался он.

На лице Фрэнсиса появилась ухмылка:

– У меня есть подчиненные. Понимаете, на тот случай, если меня собьет пресловутый автобус.

Итан улыбнулся, отметив этот намек на мрачное чувство юмора.

– Я слышал, что вы любите уединение, – заметил он.

– Я отвечаю за двигатель, делающий возможным наше существование. Работаю восемнадцать часов в день ежедневно. До похорон сегодня утром я не видел неба три года.

– Не очень-то веселая жизнь!

– Но это моя жизнь. Я даже полюбил ее.

Шериф подошел к кластеру мониторов в темной нише – по ним стремительным потоком, со скоростью цифр на биржевом котировочном аппарате, бежали кодированные строчки.

– Что это? – спросил Бёрк.

– Красиво, не правда ли? Я занимаюсь кое-каким прогнозированием.

– Прогнозированием чего?

Левен подошел и встал рядом с гостем, и они вместе стали смотреть на строки кода, текущие по экрану, словно вода в горной реке. Наконец, управляющий произнес:

– Прогнозированием жизнеспособности того, что осталось от нашего вида. Понимаете, все шло плохо еще до того, как Дэвид не сдержал свой гнев и бросил свой народ на растерзание волкам.

– В каком смысле – плохо? – не понял Бёрк.

– Идите за мной.

Управляющий провел Итана к главному пульту, где они сели в просторные кожаные кресла перед огромной стеной экранов.

– До резни в долине в *горе* жило сто шестьдесят человек, – начал Левен. – И четыреста шестьдесят один – в Заплутавших Соснах. Наши данные уходят в прошлое всего на четырнадцать лет, но первые заморозки обычно наступают в конце августа. Вас еще не было зимой, но зимы здесь стоят долгие и суровые. Глубина снежного покрова в долине достигает десяти-пятнадцати футов. Тут, в горах, нет садов, чтобы собирать урожай – нет ни фруктов, ни овощей. Мы существуем только на наших запасах сублимированного мяса, пищевых добавках и мясных консервах. Хотите услышать поганый маленький секрет? Ведь теперь этим предстоит заниматься вам. Дэвид Пилчер вовсе не предполагал, что мы останемся в этой долине навсегда.

– О чем вы говорите?

– Он просчитался в том, каким враждебным и не пригодным для обитания станет этот мир.

Итан ощутил, как в его душе шевелится тьма.

– Я перепроверяю свои расчеты, – продолжал Фрэнсис, – но у меня выходит, что наших зимних запасов хватит на четыре целых две десятых года. Что мы можем сделать? Оттянуть неизбежное, введя уменьшенные пищевые пайки. Но это даст нам, в лучшем случае, лишний год или два, не больше.

– Не хочу показаться бессердечным, но теперь ведь нам нужно кормить меньше ртов, – заметил Бёрк.

– Да, но аберы уничтожили наш скот, нашу молочную ферму. Не будет ни молока, ни мяса. Чтобы восстановить стадо, могут потребоваться годы.

– Тогда нам нужно найти способ сохранить на зиму то, что мы выращиваем.

– При текущем раскладе город не производит достаточно пищи, чтобы накормить нас и сделать запасы на будущее.

– Вы хотите сказать, что мы съедаем все выращенное? – уточнил шериф.

– Именно. А сейчас – даже больше. Мы слишком далеко на севере. Две тысячи лет назад мы, возможно, смогли бы извлечь что-то из сельскохозяйственного сезона, но теперь он стал короче и холоднее. А последние несколько лет были особенно холодными. Вот что я хотел вам показать.

Левен ввел какой-то новый код на сенсорной панели, и на экране начал разворачиваться список. Итан уставился на висящий перед ним монитор.

Рис: 17 %

Мука пшеничная: 6 %

Сахар: 11 %

Пшеница: 3 %

Йодированная соль: 32 %

Кукуруза: 0 %

Витамин С: 55 %

Соя: 0 %

Сухое молоко: 0 %

Солод: 4 %

Ячмень: 3 %

Дрожжи: 1 %...

Список продолжался.

– Это уровень запасов основных продуктов питания? – спросил Бёрк.

– Именно так. И, как видите, он критически низок.

– Что планировал сделать Пилчер?

– При полной численности населения города нам, возможно, хватило бы рабочей силы, чтобы расширить общинные сады достаточно быстро для пополнения запасов. Мы также думали построить большое тепличное хозяйство, но проблема в сильных зимних снегопадах. Если на стеклянных крышах накопится достаточная масса снега, они проломятся. Опять же, увы, мы слишком далеко на севере.

– Люди в *горе* понимают, что нас ждет?

– Нет. Дэвид не хотел беспокоить никого, пока мы не найдем решение.

– А вы не нашли.

– Решения не существует, – просто сказал Фрэнсис. – Прогностическая модель на пять лет подтверждает, что эта долина станет необитаемой. Возможно, и раньше, если выдастся очень морозная зима. Мы все происходим из современной эпохи. При большой необходимости мы можем адаптироваться к сельскому образу жизни в более умеренном климате. Но при такой погоде?.. Единственное, что могло бы поддержать нас, – это кочевой образ жизни охотников-собирателей.

– Не считая того, что мы заперты в этой долине.

– Именно.

– А что насчет аберов?

– Как продовольственного ресурса?

– Да.

– Во-первых, это отвратительно. Во-вторых, мы провели моделирование, и оно показало, что делать вылазки за ограду, чтобы убивать аберов, слишком опасно. Если мы будем делать это на постоянной основе, то потеряем слишком много людей. Я понимаю, что вы сейчас ищете пути решения, но, поверьте мне, я бьюсь над этой проблемой уже три года. Решения не было и прежде. Сейчас осталось и того меньше.

– Вы знали, что собирается сделать Дэвид?

– Вы имеете в виду отключение подачи энергии на ограждение?

– Да.

– Не знал. Я сидел вот здесь в ту ночь, когда ограждение отключилось. Я вызвал босса, но он не ответил. Пилчер сделал это из своего кабинета и отрезал мне доступ к системе.

– Так он не посоветовался с вами заблаговременно?

– Мы с Дэвидом были не в лучших отношениях последние несколько лет.

– Почему?

Левен оттолкнулся от пульта и прокатился несколько футов в своем кресле на колесиках:

– Дэвид Пилчер, которого вы знаете, был уже не тем самым человеком, который переманил меня из «Локхид Мартин». Финал Заплутавших Сосен надвигался уже давно, но Дэвид не желал видеть этого. Я думаю, что дело было в его самонадеянности, в нежелании признать, что он упустил этот потенциальный кризис, что не смог предвидеть этого и завел нас всех не туда. В последнее время он становился все более замкнутым. Непостоянным, эмоциональным. Он убил собственную дочь, и это был первый большой надлом. Потом, когда вы захватили власть в городе и сказали обитателям правду, Дэвид решил, что больше так не может – по крайней мере, я так думаю. Он сказал: «К чёрту все!» – и запустил самоуничтожение.

– Итак, вы говорите, что все кончено. Мы все умрем с голоду, – подытожил услышанное шериф.

Левен улыбнулся:

– Если прежде нас не сожрут аберы.

Итан поднялся с кресла, созерцая, как по монитору ползут строки списка почти закончившегося продовольствия – словно письмена пророчества о Судном дне.

– У вас есть доступ ко всем базам данных в комплексе? – спросил он.

– Совершенно верно.

– Вы слышали, что в город только что вернулся Кочевник? Адам Хасслер.

– До меня доходили обрывки слухов.

– У вас есть доступ к его личному делу?

Фрэнсис склонил голову набок:

– Мне не очень-то нравится то, к чему вы клоните.

– Я хочу, чтобы вы вывели его файл.

– Зачем?

– Когда-то, еще в двадцать первом веке, мы с Хасслером работали вместе. Он был моим начальником в секретной службе, и именно он послал меня сюда. Я понятия не имел, что он здесь, пока не увидел его на улице пару дней назад. Оказалось, что до того, как Пилчер вывел меня из анабиоза, Хасслер жил здесь, и мне кажется, что это не совпадение. Что-то тут не так.

Управляющий снова подъехал к пульту и начал постукивать пальцами по сенсорным панелям.

– И что именно вы хотите знать? – спросил он.

На экране возникло лицо Адама Тобиаса Хасслера: глаза закрыты, кожа бледная – снимок был сделан сразу после его пробуждения от анабиоза.

– Я хочу узнать, как он оказался здесь, – ответил Бёрк.

– Вот как. – Левен перестал печатать и развернулся вместе с креслом. – Не думаю, что найду здесь такие подробности. Вам нужно спросить самого Пилчера.

****

Войдя в клетку, Итан обнаружил, что Дэвид Пилчер поедает свой обед – какую-то сублимированную гадость из зимних запасов. С длинной белой щетиной, уже отросшей на подбородке и щеках, бывший босс выглядел еще старше своих лет. Сев напротив него в тесной клетке, шериф мимоходом подумал о том, сколько же злости таится под этой немощной оболочкой. Хотя у самого Бёрка злости накопилось не меньше. Он не мог стереть из памяти вид скорбящих людей, которые потеряли своих родных, не мог забыть стук лопат, вгрызающихся в холодный грунт, и отделаться от мыслей, что вся боль и скорбь – дело рук вот этого человека.

– Пахнет совсем не так, как стряпня Тима, – заметил Итан.

Пилчер поднял на него взгляд – упрямый, надменный и словно бы ощетиненный:

– Словно дерьмо сатаны на тарелочке. Ты должен быть доволен.

– Чем? – усмехнулся Бёрк.

– Тем, что видишь меня в таком вот состоянии. Запертым в клетку, которая строилась для содержания в ней чудовищ.

– Я бы сказал, что сейчас она идеально отвечает своему назначению.

– Я думал, что ты забыл обо мне, Итан.

– Нет, я просто был занят, разгребая всю кашу, которую ты заварил.

– Кашу, которую я заварил? – Дэвид рассмеялся.

– Адам Хасслер, – произнес шериф.

– Что Адам Хасслер?

– Я слышал, что до того, как я был выведен из анабиоза, Адам жил с моей женой и воспитывал моего сына.

– И насколько я помню, все они были вполне счастливы, – добавил управляющий.

– Каким образом Адам Хасслер оказался обитателем Заплутавших Сосен?

У глаз Пилчера собрались чуть заметные морщинки – как будто он чему-то втайне радовался.

– А какое значение это имеет теперь? – спросил он невозмутимо.

– Лучше не шути со мной сейчас, – предупредил его шериф.

Дэвид отставил свою тарелку, и Итан продолжил:

– Мне сообщили, что он явился сюда после моего исчезновения – искать меня. И что ты похитил его. Что он очнулся здесь так же, как и я. Как и все в городе.

– Хм-м… Интересно. Чисто из любопытства: кто подсказал тебе расспросить меня об этом? Фрэнсис Левен?

– Верно.

– Возможно, Фрэнсис также поделился с тобой частью страшных новостей о перспективах нашего будущего? – поинтересовался пленник и уточнил: – Когда я говорю «нашего», я, конечно же, имею в виду человеческую расу.

– Расскажи мне о Хасслере, – стоял на своем Бёрк.

– Мы все умрем от голода за считаные годы, – проигнорировал его вопрос Дэвид. – Ты действительно думаешь, что сумеешь решить эту проблему, Итан? Ты готов принять эту тяжесть на свои плечи? Что ты собираешься сделать? Вынести это на голосование? Послушай, я натворил дел. Я это признаю. Но я тебе нужен. Я нужен вам всем.

Шериф с трудом поднялся на ноги и направился к двери.

– Ладно, ладно! – торопливо произнес Пилчер. – Слушай. Сначала это была просто стандартная взятка.

– Какая стандартная взятка?

– Деньги. Чтобы купить молчание Адама о тебе, Кейт Хьюсон и Билле Эвансе. Чтобы закрыть расследование вашего исчезновения. Но потом кое-что изменилось. Он решил, что хочет присоединиться ко мне и моей команде. Хочет вместе с нами проделать это путешествие.

Итан отвел назад правую руку и с силой ударил кулаком в дверь. Кровь из разбитых костяшек размазалась по стали, и он ударил еще раз.

– Между нами говоря, – продолжил Пилчер, – я всегда считал Хасслера заносчивым выскочкой. Я позволил ему провести один спокойный год в Соснах, а потом отправил его с самоубийственной задачей за ограждение. Он так и не вернулся.

Не ответив ему, Бёрк позвал охранника.

– Я нужен тебе, – настаивал заключенный. – Ты знаешь, что я тебе нужен. Если не предпринять что-нибудь, мы вымрем всего лишь…

– Это уже не твоя забота, – отозвался, наконец, шериф.

– То есть?

Охранник открыл дверь.

– Как тебе понравился твой обед? – спросил вдруг Итан у Пилчера.

– Что? – не понял тот.

– Твой обед. Как он?

– Ужасно.

– Мне очень жаль, особенно если учесть, что это твоя последняя трапеза.

– Что это значит? – Дэвид все еще не понимал, о чем речь.

– Помнишь, ты спросил меня, что будет с тобой, и я ответил, что решать это будут люди? Ну что ж, они решили, – объявил Бёрк. – Мы провели голосование несколько часов назад, сразу после того, как закончили хоронить всех тех, кого ты убил. Это произойдет сегодня вечером.

Итан вышел в коридор, слыша, как Пилчер выкрикивает его имя.

* * *

Шел предвечерний час. Солнце уже скрылось за утесами, и небо было затянуто равномерной пеленой облаков, суливших снег. Подача электроэнергии в город уже была возобновлена, но лишь немногие люди вернулись в свои жилища, чтобы прибраться

и попытаться собрать воедино осколки жизни, которая уже никогда не будет прежней. Вдали все еще дымился костер, на котором сжигали тела аберов.

Итан не знал почему – может быть, из-за того, что день уходит, над головой сгущаются темные тучи, а вокруг долины высятся безразличные серые утесы, – но городок Заплутавшие Сосны, вероятно, впервые с тех пор, как он прибыл сюда, ощущался именно тем, чем, по сути, и был: последним городом на земле. Бёрк припарковался у тротуара перед своим викторианским домиком на Шестой улице. Яркий желтый цвет стен с белой отделкой поражал своим несоответствием тому, что произошло в последние несколько дней. Теперь все они жили в мире, где жизнь не была разноцветной и радостной. За жизнь нужно было бороться, за нее нужно было цепляться, невзирая на боль, словно за резиновый брус во время сеанса электрошоковой терапии.

Шериф распахнул дверцу джипа ударом плеча и вышел на улицу. Квартал был безмолвен, безрадостен и насторожен. Трупы уже не лежали на улице, но неподалеку на асфальте все еще темнело большое пятно крови. «Понадобится целый день проливного дождя, чтобы смыть его», – подумал Бёрк и перешагнул бордюр.

Дом выглядел нетронутым – по крайней мере, со стороны переднего двора. Окна не выбиты, дверь не выломана… Мужчина прошел по выложенной плиткой дорожке и ступил на крыльцо. Ступеньки заскрипели, и он открыл застекленную дверь, ведущую в прихожую, а за ней – деревянную дверь гостиной.

Внутри было темно и холодно, и Адам Хасслер, сидящий в кресле-качалке у нерастопленной печи, выглядел, как пустая оболочка человека, которого помнил Итан.

– Какого черта ты делаешь в моем доме? – Голос Бёрка прозвучал, как низкий рык.

Хасслер оглянулся – от истощения его скулы и подглазья выступали так сильно, словно готовы были прорвать кожу.

– Поверь, я так же удивлен тем, что вижу тебя здесь, – пожал он плечами.

В следующий миг они оказались на полу. Итан пытался сомкнуть руки у Адама на шее, чтобы выдавить из него всю жизнь, до капли. Он предполагал, что легко сумеет взять верх над изможденным странствиями соперником, но тот оказался жилистым и неподатливым, словно дубленая кожа. Толчком бедра Хасслер опрокинул Бёрка на спину. Тот ударил противника, но его кулак лишь скользнул по плечу Адама, который, в свою очередь, ответил мощным, оглушающим ударом. Мир взорвался у Итана перед глазами: тот ощутил во рту вкус крови и почувствовал, как она струйкой ползет у него из носа.

– Ты никогда не знал, чем владеешь, – сказал Хасслер.

Он замахнулся для нового удара, но шериф перехватил его руку в локте и вывернул ее в обратную сторону. Адам вскрикнул, чувствуя, как растягиваются сухожилия. Итан толкнул его на опрокинутое кресло-качалку и поднялся, ища какое-нибудь оружие, что-нибудь твердое и тяжелое. Но Хасслер сумел устоять и принял боксерскую стойку. В гостиной было слишком темно, чтобы Бёрк заметил удар, так что Адам с силой толкнул его в грудь, а потом нанес крепкий хук справа, который отправил бы его противника в нокаут, не будь сам Хасслер настолько ослаблен.

И все-таки от этого удара в шее у Итана что-то щелкнуло, и его развернуло на девяносто градусов, а Хасслер уже снова ударил – на этот раз в печень. Шериф закричал и вывалился в прихожую. Соперник наступал на него – спокойный и собранный.

– Это неравная схватка, – промолвил Кочевник. – Я просто лучше тебя. И всегда был лучше.

Пальцы Итана сомкнулись на железной вешалке-стойке для одежды.

– Я даже любил твою жену сильнее, чем мог любить ты, – продолжал Адам.

Тяжелое металлическое основание вешалки описало в воздухе широкую дугу. Хасслер пригнулся, и вешалка пробила дыру в перегородке. Адам бросился вперед, но Бёрк нанес ему встречный удар локтем в челюсть, и у Кочевника подкосились колени. Итан в первый раз ударил Хасслера в лицо, почувствовав, как треснула под кулаком его скула, и это доставило шерифу такое удовольствие, что он ударил еще раз, а потом еще и еще. Хасслер слабел, а Бёрк собирался с силами, и с каждым ударом в нем нарастало желание причинить врагу еще больше боли. Страх, скопившийся внутри его, вырвался наружу ураганом необузданной жестокости – страх перед тем, что мог сделать этот человек, страх за то, что мог отнять у него Хасслер, страх потерять Терезу.

Наконец Итан отпустил шею Адама, и тот со стоном рухнул на пол. Шериф вырвал вешалку из стены, крепко перехватил металлический стержень обеими руками и занес чугунное основание над головой Хасслера. «Я убью его», – совершенно ясно понял он в тот момент.

Хасслер поднял на него взгляд. Лицо Кочевника было разбито в кровавую кашу: один глаз уже заплыл, а второй был полон осознания того, что сейчас произойдет.

– Сделай это, – выдохнул он.

– Ты послал меня сюда! – прорычал Бёрк. – Ты сделал это ради денег? Или ради того, чтобы заполучить мою жену?!

– Она заслуживала куда большего, чем ты.

– Тереза знала, что ты подстроил все это для того, чтобы быть с ней?

– Я сказал ей, что приехал сюда, разыскивая тебя, и попал в автокатастрофу. Она была счастлива со мной, Итан. Истинно счастлива.

Долгое мгновение шериф стоял над поверженным соперником, готовый размозжить ему череп – желая это сделать и одновременно не желая быть человеком, который это сделает. Он швырнул вешалку через всю комнату и рухнул на дощатый пол рядом с Хасслером, чувствуя, как пульсирует боль в печени.

– Мы здесь из-за тебя, – сказал Итан. – Моя жена, мой сын…

– Мы здесь потому, что две тысячи лет назад ты трахал Кейт Хьюсон и унижал свою жену, – возразил Адам. – Если б Кейт не получила перевод в Бойсе, она никогда не оказалась бы в Заплутавших Соснах. Пилчер не похитил бы ее и Билла Эванса.

– И ты никогда не продал бы меня.

– Пойми, если б я этого не сделал, вы были бы уже давно мертвы.

– Нет, мы прожили бы нашу жизнь в Сиэтле.

– Ты называешь то, что было у тебя и Терезы, жизнью? Она была несчастна. Ты был влюблен в другую женщину. И ты собираешься сидеть здесь и рассказывать мне, что я поступил неправильно?

– Ты серьезно? То, что ты только что сказал, – ты правда так думаешь?

– Больше не существует правильного или неправильного, Итан. Есть только выживание. Я усвоил это за три с половиной года скитаний по тому аду, что лежит за ограждением. Так что не смотри на меня, надеясь увидеть проблеск раскаяния!

– Значит, убить – или быть убитым? Это то, до чего мы дошли теперь?

– Мы всегда были такими.

– Тогда почему ты не убил меня?

Хасслер улыбнулся, несмотря на то, что между зубами у него сочилась кровь:

– Когда ты возвращался в комплекс вчера вечером от Кейт, я был там. В лесу. Там, в темноте, не было никого, кроме нас с тобой. У меня имелся охотничий нож, тот самый, которым я убивал аберов в схватке лицом к лицу – ты такое и представить себе не можешь. И ты не знаешь, как близко я к тебе подошел.

Итан почувствовал, как по спине у него ползет холодок:

– И что же тебя остановило?

Адам стер заливающую глаза кровь:

– Я много думал об этом. Мне кажется, это потому, что я уже не так тверд, как был когда-то. Видишь ли, разумом я понимаю, что не существует правильного или неправильного, но мое сердце с этим не согласно. Моя прошивка времен двадцать первого века слишком глубока, слишком изначальна. Мое сознание помешало мне.

Бёрк смотрел на своего бывшего босса сквозь завесу темноты, сгущающейся в комнате:

– И к чему это нас подводит?

Хасслер застонал, с трудом принимая сидячее положение. Наконец, он сел, опираясь спиной на стену. Даже в слабом свете Итан видел, как распухает челюсть Кочевника: теперь тот говорил с трудом, невнятно.

– Я уйду. Навсегда, – пообещал Адам. – При одном условии.

– Думаешь, ты в том положении, чтобы диктовать условия?

– Тереза никогда не должна узнать о том, что произошло на самом деле.

– Ну и обеспечивай это сам, ведь она по-прежнему любит тебя!

– Она выбрала тебя, Итан.

– Что?!

«Она выбрала тебя». – Бёрк повторил эти слова про себя, и на него волной нахлынуло облегчение. Горло сдавило от эмоций.

– Теперь, когда все позади, я не хочу, чтобы она знала, – продолжал Хасслер. – Уважь это желание, и я сделаю невыносимую ситуацию приемлемой.

– Есть и другой вариант, – отозвался шериф.

– Какой же?

– Я мог бы убить тебя.

– А в тебе есть это, друг мой? Потому что если есть, то дай этому волю.

Итан посмотрел на холодную печь, а потом на окно, в которое сочился слабый вечерний свет, и задумался о том, сможет ли когда-либо снова ощутить это место своим домом. Наконец он произнес:

– Я не убийца.

– Видишь? Мы оба слишком мягки для этого нового мира.

Бёрк поднялся на ноги и спросил:

– Ты провел за оградой три с половиной года?

– Верно.

– Значит, ты знаешь об этом новом мире больше, чем кто-либо из нас.

– Вероятно, да.

– А если я скажу тебе, что мы не можем больше оставаться в Заплутавших Соснах? Что нам нужно покинуть эту долину и перебраться куда-то, где теплее, где можно выращивать злаки? Как ты думаешь, у нас есть шанс?

– Выжить целой группой по ту сторону ограждения?

– Да.

– Это будет больше похоже на массовое самоубийство. Но есть ли у нас подлинный выбор? Остаться в этой долине и умереть – или попытать удачи и направиться на юг? Полагаю, нам нужно найти выход.

* * *

По пути до столовой Итан снова остановился у клетки с самкой-абером. Та спала, свернувшись в углу у дальней стены, и выглядела еще более тощей и слабой, чем в последний раз, когда он видел ее.

Один из лаборантов, работавших в отделе по содержанию аберов, прошел мимо шерифа, направляясь к лестнице.

– Эй! – окликнул его Бёрк.

Молодой человек в белом халате остановился посреди коридора и повернулся к нему.

– Она больна? Что с ней? – спросил Итан.

Лаборант неприятно ухмыльнулся:

– Умирает с голоду.

– Вы морите ее голодом?

– Нет, она сама отказывается есть и пить.

– Почему?

Сотрудник лаборатории пожал плечами:

– Понятия не имею. Может быть, потому, что мы устроили костер из всех ее родичей?

Он хихикнул над собственными словами и продолжил свой путь по коридору.

* * *

Итан нашел Терезу и Бена за угловым столиком в битком набитой столовой. Когда жена увидела синяки на его лице, ее глаза – красные и опухшие от слез – широко раскрылись:

– Что случилось?

– Ты плакала? – спросил Бёрк вместо ответа.

– Поговорим позже, – тут же заявила женщина.

Ужин состоял из упаковок сублимированной гадости: лазанья для Итана, бефстроганов для Бена и баклажаны по-пармски для Терезы. Все, о чем мог думать шериф за едой, – это о том, насколько сократились их продовольственные запасы за одну эту трапезу. Они стали на один ужин ближе к нулю, и никто понятия не имел, как быстро убывают эти запасы. Все просто

принимали, как должное, что могут пойти в столовую либо, если речь шла о горожанах, – в общинные сады или в городскую булочную и получить еду.

Куда денется их цивилизованность, когда все это закончится?

– Ты хочешь поговорить о том, что произойдет сегодня поздно вечером, Бен? – спросил Итан.

– Вообще-то нет, – признался мальчик.

– Ты не обязан туда идти, если не хочешь этого видеть, милый, – напомнила ему мать.

– Но я хочу это увидеть, – возразил Бёрк-младший. – Это ведь наказание за то, что он сделал?

– Да, – ответил шериф, – и мы должны это свершить. Ты сам понимаешь почему, – потому что больше не существует никаких судов. Нет судей или присяжных. Мы должны сами присматривать за собой, а этот человек причинил боль множеству людей. С ним нужно поступить так, как до́лжно.

После ужина Итан отослал Бена обратно в их комнату и попросил Терезу пройтись с ним и поговорить.

– Мы с Хасслером выяснили отношения, – начал он, когда они поднимались по лестнице.

– Боже мой, Итан, вы что, в старшей школе?! – возмутилась женщина.

Миновав три двери по правой стороне коридора на Уровне 4, Бёрк провел карточкой через считыватель и потянул ручку тяжелой стальной двери. Они с женой вышли на маленькую платформу.

– Держись за перила, – сказал шериф и нажал кнопку со стрелкой, указывающей вверх. Платформа помчалась вверх по каменной трубе, все быстрее и быстрее, словно скоростной лифт. Она пролетела четыреста футов вертикально вверх, и когда, наконец, сильно вздрогнув, остановилась, супруги шагнули на мостик, тянувшийся вдаль на двадцать футов и заканчивающийся у такой же тяжелой стальной двери. Итан снова применил электронный пропуск. Замок зажужжал, он открыл дверь, и они вышли наружу, в объятия оглушающего холода.

– Что это за место? – спросила Тереза.

– Я обнаружил его несколько ночей назад, когда не мог уснуть и просто слонялся тут и там.

Тучи, до этого застилавшие небо, разошлись, и сияние звезд было невероятно ярким, холодным и резким. Мужчина и женщина стояли на тропинке, углубленной на три фута в поверхность скалы, а за краем тропинки зиял обрыв в ничто.

– Думаю, местные жители приходили сюда покурить или подышать свежим воздухом, – пояснил Итан. – Это самый быстрый способ увидеть настоящий дневной свет, не спускаясь по тоннелю в город. Они называют эту тропу солярием.

– Как далеко она ведет? – спросила миссис Бёрк.

– Через все эти горные пики. Мне сказали, что она спускается в лес к западу от стадиона.

Они медленно двинулись по тропинке и вскоре миновали острый скальный гребень.

– После того как мы с Адамом набили друг другу морды, мы поговорили, – сказал шериф.

– Это уже ближе к тому, как ведут себя взрослые люди, – усмехнулась его спутница.

– Он сказал, что ты выбрала меня.

Тереза остановилась и повернулась к мужу. Он чувствовал, как холод щиплет ему кожу на скулах.

– Для меня все это свелось к очень простому выбору, Итан, – проговорила женщина. – Предпочту я любить или быть любимой?

– О чем ты говоришь?

– Адам сделал бы что угодно ради…

– Значит, я должен…

– Погоди, послушай меня. Я сказала тебе, что никто никогда не любил меня так, как любит Адам, и именно это я имела в виду. Но я никогда никого не любила так, как люблю тебя. Иногда я ненавидела себя за это, потому что чувствовала себя слабой. Порой мне хотелось просто собраться с силами, послать тебя к черту и уйти прочь, но я не могла этого сделать. Даже после того, как узнала о вас с Кейт. Как будто ты каким-то образом держал меня. Это драгоценная вещь, Итан, и ее нужно беречь. Ты причинял мне боль. Сильную боль.

– Я знаю, что в прошлом поступал, как идиот. Я знаю, что относился к тебе не так, как ты того заслуживала.

– Итан…

– Нет, теперь ты послушай меня! Я разрушил многое. Черт, я разрушил все! Тем, что думал только о работе, тем, что крутил роман с Кейт, тем, что не делал ничего с тем дерьмом, которое осталось в моих мозгах после войны. Но я стараюсь, Тереза. С тех пор, как я пришел в себя в этом городе, я стараюсь изо всех сил. Стараюсь защитить тебя и Бена, стараюсь любить тебя так сильно, как вообще могу, стараюсь делать правильный выбор.

– Я знаю, что ты стараешься. Я это вижу. Я вижу, *что* у нас может быть. Это все, чего я хочу. Этого я всегда и хотела. – Тереза поцеловала мужа. – Но ты должен пообещать мне кое-что, Итан.

– Что?

– Что ты не будешь злиться на Адама. Нам всем теперь придется жить в этой долине.

Шериф смотрел жене в лицо, борясь с желанием рассказать ей обо всем, что совершил этот человек. Наконец он произнес:

– Я попытаюсь. Ради тебя.

– Спасибо.

Еще некоторое время они шли молча.

– Что не так, милый? – спросила, наконец, Тереза.

– Ну… всё не так, – вздохнул ее муж.

– Нет, что-то еще. Что-то новое. Ты был какой-то странный за ужином.

Бёрк посмотрел на дно каньона, лежащее в трехстах футах ниже. Только месяц назад он впервые столкнулся с аберами там, внизу, и каким бы ужасающим ни было его впечатление об этой встрече, тогда у него все же оставалась надежда. Он по-прежнему верил, что снаружи есть мир. Что, если ему удастся сбежать из этого города, вырваться за эти горы, он найдет своих родных в Сиэтле.

– Итан? – напомнила о себе его супруга.

– У нас проблемы, – отозвался он.

– Я понимаю.

– Нет, я хочу сказать – мы скоро вымрем. Как вид.

Небо прочертил метеор.

– Итан, я прожила здесь намного дольше, чем ты, – заговорила женщина. – Иногда это казалось безнадежным, и сейчас все кажется безнадежнее, чем когда-либо раньше, но у нас в городе есть все необходимое.

– Запасы пищи подходят к концу, – объяснил ей муж. – Помнишь, что мы ели сегодня вечером, наши сублимированные порции? Эти припасы не бесконечны, и, когда они кончатся, мы не сможем выращивать в долине достаточно еды, чтобы пережить здешние долгие суровые зимы. Если б мы жили южнее, у нас могло бы получиться, но мы заперты в этой долине. Извини, что говорю тебе это, но я не хочу ничего скрывать от тебя. Больше никаких тайн. Мне нужно, чтобы ты была со мной, потому что я не знаю, что делать.

– Сколько времени у нас осталось? – спросила Тереза.

– Четыре года.

– А что будет потом?

– Потом мы умрем.

Хасслер

Адам перешел реку к востоку от города, и к тому времени, как он, пошатываясь, вышел из воды на дальний берег, ноги у него почти полностью онемели. На четвереньках он карабкался вверх между соснами, прилепившимися к крутому склону – выше, выше… В сотне футов над городом откос стал вертикальным, но это не остановило Хасслера: он продолжил взбираться по обрыву, вверх и вверх.

Кочевник лез без страха и без осторожности. Он не мог поверить, что действительно взбирается на утес самоубийц. За тот год, что он прожил в городе с Терезой, два человека поднялись на эту скалу и спрыгнули вниз. В горах, окружавших Заплутавшие Сосны, было немало других смертельно опасных мест, но у этого обрыва имелось одно преимущество: он был совершенно отвесным. Ни одного шанса случайно прервать падение, ударившись о какой-нибудь выступ или зацепившись за склон. Если кто-то умудрялся взобраться наверх, не сорвавшись при восхождении, то мог совершить беспрепятственный прыжок навстречу смерти.

Хасслер перевалился на длинный карниз, расположенный в пятистах футах над долиной, и рухнул на холодный гранит, чувствуя, как дергает нижнюю челюсть – видимо, Итан сломал ее в драке. Была ночь, и темный город лежал внизу; асфальтированные улицы слабо отблескивали в звездном свете. Штанины Адама схватились льдом.

Чувствуя, как холод пробирается все глубже, он думал о своей жизни. К тому времени, как Кочевник снова поднялся на ноги, он пришел к одной успокоительной мысли: из прожитых им тридцати восьми лет один год был просто волшебным. Он жил в ярко-желтом доме с любовью всей своей жизни, и каждый день, просыпаясь рядом с Терезой, осознавал, как хорошо ему от того, что у него есть все это.

Он жаждал возвращения этих времен, но само то, что у него вообще было это время… Этого достаточно. Достаточно, чтобы держаться за воспоминание об этом годе.

Адаму потребовалось несколько мгновений, но потом он нашел их дом в темноте внизу. Неотрывно глядя туда, он видел этот дом не таким, как сейчас – темным и пустым, – а таким, каким он был в мягком прохладном свете летних вечеров, когда Хасслер подходил к крыльцу, возвращаясь ко всему, что он любил.

Мужчина сделал шаг к краю и понял, что не боится. Ни смерти, ни боли. В своей кочевнической миссии он испытал столько страданий, что их хватило бы на несколько жизней, а к смерти он был готов уже давным-давно. Она сулила отдых и мир – хотя бы ему. Хотя бы это.

Он согнул колени, готовясь к прыжку, но внезапно какой-то звук выдернул его из торжественности момента, подобно рывку веревки. Хасслер обернулся, почти ничего не видя во тьме, и тут же понял, что донесшийся до него звук был чьим-то плачем.

– Эй! – окликнул он всхлипывающего незнакомца.

Плач оборвался, и из темноты послышался женский голос:

– Кто здесь?

– С вами все в порядке? – неуверенно поинтересовался Адам.

– Если б это было так, что бы я здесь делала? – фыркнула его невидимая собеседница.

– Да, полагаю, это верное замечание. Хотите, я подойду к вам?

– Нет.

Хасслер отступил от края и присел на камень.

– Вам не следует этого делать, – сказал он.

– То есть? А вы сами тогда какого черта здесь забыли? Как я понимаю, вы явились сюда за тем же!

– Да. Но я действительно пришел туда, куда должен был прийти.

– Почему? Потому, что ваша жизнь тоже ужасна?

– Вы что, хотите выслушать мою слезливую историю?

– Нет, я хотела бы спрыгнуть раньше. Я наконец-то собралась с духом, и тут какой-то кретин меня прерывает!.. Я уже во второй раз сюда залезаю.

– А что случилось в первый? – поинтересовался Адам.

– Это было днем, а я ненавижу высоту. Я струсила.

– Почему же вы здесь?

– Я расскажу вам, если вы не будете пытаться спасти меня.

– По рукам.

Женщина вздохнула:

– Я потеряла мужа, когда аберы ворвались в город.

– Горько слышать… Вы с ним поженились в Заплутавших Соснах?

– Да, и я знаю, о чем вы думаете, но я любила его. И еще я любила другого мужчину, который тоже живет здесь. Самое безумное то, что с этим другим мы были знакомы в прошлой жизни. Он здесь, со своей женой и сыном, и когда он пришел ко мне рассказать, что мой муж погиб, я спросила его, живы ли его родные.

– А они живы?

– Да, и знаете что? Какая-то часть меня – куда бо́льшая часть, чем я готова была признать, – сожалела о том, что его жена выжила. Не поймите меня неверно, я очень горюю по мужу, но не могу отделаться от мысли…

– …что если бы его жена погибла, вы двое…

– Верно. Короче, мало того что я потеряла мужа, мало того что я не могу быть с человеком, которого люблю, – вдобавок еще и оказалось, что я не человек, а дрянь!

Хасслер рассмеялся.

– Вы смеетесь надо мной?! – возмутилась незнакомка.

– Нет, я просто думаю: как мило, что вы считаете это ужасным! Хотите услышать подлинно ужасную историю?

– Ну, расскажите.

– В своей прежней жизни я любил одну женщину, но она была замужем за человеком, который работал на меня. Я… подстроил цепь событий, благодаря которой ее муж должен был быть устранен из этой картины. Понимаете, я знал, ради чего был создан этот город две тысячи лет назад. Я сделал так, чтобы Дэвид Пилчер похитил эту женщину, а потом я сам вызвался уйти в анабиоз, чтобы быть с ней, когда она проснется. Мы жили в Заплутавших Соснах, и она так и не узнала, что оказалась здесь из-за меня. Год спустя меня послали на миссию за ограждение. Предполагалось, что я никогда не вернусь. Каждый день, что я провел там, снаружи, только мысль о ней заставляла меня двигаться, дышать, бороться и вообще просыпаться по утрам. Несмотря на все возможное и невозможное, я сумел вернуться. Я думал, что возвращаюсь к ней, что буду встречен в городе, как герой. Но вместо этого я обнаружил, что город уничтожен, а ее муж живет здесь.

Внизу, в темноте долины, на Главной улице начали собираться крошечные огоньки. Глядя на них, путешественник продолжил:

– Поэтому я забрался сюда, чтобы покончить с жизнью. Вы думали о плохих вещах, а я их делал. Разве это не меняет вашу точку зрения?

– Почему же вы здесь, наверху? – спросила женщина.

– Я вам только что это рассказал.

– Нет, я имею в виду: потому, что вы не можете жить после того, что сделали, или потому, что не можете быть с вашей любимой?

– Потому, что не могу быть с нею. Понимаете, я не могу прекратить любить ее только потому, что ее муж здесь. Человеческое сердце устроено иначе. Я просто не могу взять и отсечь это чувство. Если б мы жили в прежнем огромном мире, я мог бы просто переехать в другой город, в другой штат, да хоть на другой конец света… Но теперь я не могу никуда уехать, чтобы найти другую жизнь. Сколько нас осталось? Двести пятьдесят человек? И это все. Я не могу не встречаться с ней, и мои чувства к ней уже давным-давно определяют то, чем я являюсь. Я не знаю, кем стану, если попытаюсь отделаться от этих чувств.

– Я это слышу.

– И самое забавное: каким бы плохим человеком я ни был, я не нашел в себе силы убить ее мужа. Есть ли участь хуже, чем быть злодеем наполовину?

Несколько секунд единственным звуком, долетавшим до ушей Адама, был лишь горестный шепот ветра в камнях. Наконец женщина промолвила:

– Я знаю тебя, Адам Хасслер.

– Откуда? – изумился мужчина.

– Когда-то я работала на тебя.

– Кейт?!

– Жизнь – странная штука, верно?

– Я могу оставить тебя сейчас одну, если…

– Я не сужу тебя, Адам.

Он услышал, как его собеседница встала и пошла к нему. Через минуту она возникла из темноты – смутной тенью – и села рядом с ним, точно так же свесив ноги с обрыва.

– У тебя тоже промерзли штаны? – спросил Кочевник.

– Да, и вдобавок я отморозила задницу. Как ты думаешь: то, что мы оба в одну и ту же ночь влезли сюда, чтобы спрыгнуть вниз, – это что-то значит?

– Что ты имеешь в виду? Что мироздание хочет сказать нам «не надо»? Думаю, мы давно должны были прийти к выводу, что мирозданию на нас плевать и было плевать всегда.

Кейт покосилась на бывшего коллегу:

– Мне все равно, спрыгнем мы отсюда вместе или спустимся вместе. Но что бы мы ни выбрали, давай сделаем это не поодиночке?

Пилчер

Кто-то схватил его за руку выше локтя и выпихнул из машины. Впервые за много дней он оказался на открытом воздухе, но увидеть что-либо ему мешал натянутый на голову черный колпак.

– Что происходит? – спросил Дэвид.

С него сорвали колпак, и он увидел огни – пятьдесят, шестьдесят, а может быть, даже сотню огоньков. Это были фонарики и факелы в руках у обитателей Заплутавших Сосен и у его собственных людей из горного убежища. Все они окружили бывшего повелителя плотным кольцом, и когда его глаза привыкли к темноте, Пилчер рассмотрел за их спинами здания Главной улицы, фасады и витрины, озаренные светом факелов. Двое стояли рядом с ним в кругу – Итан Бёрк и Алан Спир, глава его службы безопасности. Итан шагнул ближе.

– Что такое? – снова спросил Дэвид. – Вы устроили для меня празднество?

Он обвел взглядом лица присутствующих, полускрытые тенями и искаженные неверным светом, гневные и напряженные.

– Мы проголосовали, – сказал Бёрк.

– И кто голосовал?

– Все, кроме тебя. Вариант празднества тоже рассматривался, но в итоге мы решили, что это неправильно: казнить тебя тем же способом, которым ты заставлял граждан города истреблять друг друга. – Шериф сделал еще шаг к приговоренному, и в холодном воздухе заклубился пар от его дыхания. – Посмотри на этих людей, Дэвид. Все они потеряли родных, потеряли друзей. Из-за тебя.

Пилчер улыбнулся, несмотря на кипящую внутри ярость – убийственную, разъедающую саму его душу.

– Из-за меня? – переспросил мужчина. – Это очень смешно! – Он отступил от Итана на шаг и оказался в самой середине круга. – Что еще я мог сделать для вас, люди? Я дал вам пищу, дал вам убежище и цель в жизни. Я защищал вас от знания, с которым вы были не в силах совладать. От жестокой истины о мире, царящем за ограждением. И каждому из вас нужно было в уплату за это делать только одно. Одно, черт побери! Только одно! – Дэвид выкрикнул эти слова, срываясь на визг. – Повиноваться мне!!!

Он поймал взгляд женщины, стоящей в нескольких футах от него. По щекам ее, поблескивая в мерцающем свете, катились слезы.

Так много слёз в этой толпе, так много боли и скорби… Когда-то Пилчер мог бы обратить на это внимание, задуматься об этом, но сегодня он видел только неблагодарность этих людей, только их наглость и бунтарство.

– Что еще я мог сделать для вас, черт бы вас всех побрал?! – заорал он.

– Они тебе не ответят, – произнес Итан.

– Тогда зачем все это?

– Они здесь ради того, чтобы проводить тебя.

– Проводить куда?

Бёрк повернулся к ближайшей части круга.

– Вы не уступите нам дорогу? – попросил он, и когда толпа расступилась, сказал: – После тебя, Дэвид.

Пилчер уставился на темную улицу, потом перевел взгляд на шерифа:

– Я не понимаю.

– Иди вперед, – велел ему Бёрк.

– Итан… – попытался Пилчер сказать что-то еще, но тут кто-то толкнул его в спину, и Дэвид покачнулся. Когда ему удалось обрести равновесие, он обернулся и увидел Алана, смотревшего на него с убийственной мрачностью.

– Шериф велел тебе идти! – прорычал глава службы безопасности. – А теперь я говорю тебе то же самое, и, если ты не можешь заставить себя шевелить ногами, мы с радостью потащим тебя за руки.

Пилчер направился на юг по Главной улице мимо темных зданий. Итан шел с одной стороны от него, Алан – с другой. Толпа следовала за ними троими, словно страж, и в воздухе висело напряженное молчание. Никто не произносил ни слова. Не было слышно ни звука, кроме шороха множества ног по асфальту и редких приглушенных всхлипываний. Пленник пытался осмыслить ситуацию, но разум отказывался повиноваться ему: «Куда они ведут меня? Обратно в комплекс? К месту казни?»

Они миновали «Осиновый дом», а затем больницу, и когда все двинулись по дороге, ведущей в лес к югу от города, Пилчер осознал, *что* сейчас случится.

Он оглянулся на Итана. Страх окатил его, словно волна жидкого азота, но каким-то образом он продолжал идти дальше. На повороте дороги все сошли с асфальта и направились в лес. «Я не могу даже оглянуться, не могу даже бросить последний взгляд на Заплутавшие Сосны», – вертелось в голове у Дэвида.

Тонкий слой тумана лежал в лесу, и свет факелов пробивался сквозь него потусторонним сиянием – эти факелы были похожи на бесплотные блуждающие огни. С каждой минутой Пилчеру делалось все холоднее. Он слышал жужжание ограждения: процессия шла вдоль него.

Затем все остановились у ворот. Все случилось так быстро, словно не прошло и минуты с того момента, как с бывшего повелителя сорвали колпак посреди Главной улицы. Бёрк протянул приговоренному маленький рюкзак.

– Здесь немного воды и еды. Тебе хватит на несколько дней, если ты протянешь так долго.

Пилчер лишь покосился на рюкзак.

– Вам даже не хватило смелости самим убить меня? – саркастически спросил он.

– Нет, дело обстоит совсем иначе, – ответил Итан. – Мы все слишком сильно хотели этого. Мы хотели пытать тебя, хотели позволить каждому, кто остался в живых, вырвать из тебя кусок плоти… Так ты точно не возьмешь это?

Дэвид схватил рюкзак и перебросил его лямки через плечо. Шериф подошел к панели управления и набрал код ручного отключения энергии. Жужжание прекратилось, и в лесу наступила тишина.

Пилчер посмотрел на всех своих людей. На тех, кто жил в городе, и на тех, кто жил под горой. Это были последние человеческие лица, которые он видит.

– Вы – неблагодарные подонки! – крикнул он им. – Вы все сдохли бы две тысячи лет назад, если б не я! Я создал для вас рай. Рай на земле! Я ваш Бог!!! И вам хватает наглости изгнать Бога из рая?!

– Кажется, ты неправильно понял Писание, – отозвался Итан. – Из рая изгнали вовсе не Бога, а совсем другого типа.

С этими словами он открыл ворота. Пилчер посмотрел на шерифа долгим пронзительным взглядом, а потом снова оглянулся на толпу. Наконец, он вышел из безопасной части долины на другую сторону ограждения, и ворота за ним закрылись. Вскоре колючая проволока возобновила свое защитное гудение.

Дэвид смотрел, как толпа уходит прочь и как тают в тумане огни фонариков и факелов. Он остался один в холодном темном лесу. Решив, что стоять на одном месте глупо, Пилчер в конце концов направился на юг и шел до тех пор, пока не перестал слышать жужжание ограды. Света звезд, пробивающегося сквозь кроны сосен, было недостаточно, чтобы осветить ему путь…

Когда ноги у Пилчера устали, он сел, прислонившись спиной к сосновому стволу. Издали, с расстояния примерно мили, до него долетел вопль абера. Этому воплю ответил другой – он звучал намного ближе, – а потом еще один.

После этого Дэвид услышал удары лап о землю. Там, в темноте, кто-то бежал – прямо к нему…

Итан

Едва забрезжил рассвет, Итан выехал из комплекса на одном из «доджей» охраны. Сын сидел на пассажирском сиденье рядом с ним. Мимо них проносились сосны и валуны. Затем Бёрк выехал на главную дорогу, ведущую на юг от города, на крутом повороте свернул в лес и поехал вниз по склону, аккуратно петляя между деревьями. Когда они достигли ограждения, водитель свернул параллельно ему и поехал вдоль ограды, пока они не оказались у ворот. Там он заглушил двигатель, и гудение тока, бегущего по стальным кольцам колючей проволоки, стало слышно даже в машине.

– Как ты думаешь, мистер Пилчер уже мертв? – спросил Бен.

– Понятия не имею.

– Но, в конце концов, аберы съедят его, верно?

– Это уж наверняка.

Мальчик оглянулся сквозь заднее стекло кабины на кузов грузовика и промолвил:

– Я не понимаю, папа. Зачем мы это делаем?

– Потому что я никак не могу перестать думать об этом существе.

Теперь уже Итан неотрывно смотрел сквозь заднее окно. Самка-абер, до этого содержавшаяся в лаборатории комплекса, сидела теперь в плексигласовой клетке и смотрела наружу, на лес.

– Странно, – произнес он. – Теперь мир принадлежит им, но мы все же владеем кое-чем, чего у них нет.

– Чем? – заинтересовался его сын.

– Добротой. Состраданием. Это и значит быть человеком. По крайней мере, в лучшем смысле.

Бен, казалось, был в замешательстве.

– Думается мне, эта аберша не такая, как все, – продолжал Бёрк-старший.

– Что ты имеешь в виду?

– В ней есть разумность, кротость, которых я не видел в других монстрах. Ни в одном из них. Может быть, у нее есть родные, которых она хочет увидеть снова…

– Нам следовало пристрелить ее и сжечь вместе с остальными.

– И чего бы мы этим добились? На несколько минут утолили бы наш гнев? А если нам сделать совершенно противоположное? Почему бы не отослать ее обратно во внешний мир с вестью о тех, кто когда-то жил в этой долине? Я знаю, это безумие, но меня не оставляет мысль о том, что этот маленький акт доброты может отозваться подлинным резонансом.

Итан открыл дверь машины и ступил на лесную почву.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил Бен. – Что это может изменить всех аберов? Что, может быть, станет больше таких, как она?

Шериф обошел машину сзади и откинул борт кузова.

– Живые существа эволюционируют, – сказал он. – В самом начале человек был охотником и собирателем, общался с себе подобными при помощи ворчания и жестов. Но потом мы изобрели сельское хозяйство и речь и стали способны на доброту.

– Но это занимает тысячи лет. Мы все умрем задолго до того, как это случится.

Итан улыбнулся:

– Ты прав, сын. На это потребуется много, очень много времени.

Он повернулся к самке. Она мирно сидела в своей клетке – глаза ее были затуманены от успокоительных препаратов, которые по просьбе шерифа ввели ей лаборанты. Вытащив из кобуры свой «Пустынный орел», Бёрк влез в кузов, отпер замки клетки и на несколько дюймов приоткрыл дверцу. В глотке пленницы заклокотало нечто среднее между рычанием и мурлыканьем.

– Я не причиню тебе вреда, – сказал Итан, после чего медленно отступил прочь и вылез из кузова. Аберша уставилась на него. В следующее мгновение распахнула дверь клетки, толкнув ее длинной левой рукой, и выползла наружу.

– Что, если она что-нибудь сделает? – заволновался Бен. – А вдруг она бросится…

– Она не собирается нападать на нас. Она понимает наши намерения. – Его отец поймал взгляд монстра. – Ведь ты понимаешь?

Он пошел к ограждению, и самка медленно, неуклюжей походкой последовала за ним, держась в нескольких шагах позади.

У ворот Итан набрал код ручного отключения энергии и подождал, пока засовы ворот откроются. Ограждение умолкло, и шериф пнул створку ворот, приоткрывая ее.

– Иди, – обратился он к пленнице. – Теперь ты свободна.

Та, настороженно глядя на него, проковыляла мимо и протиснулась в щель – наружу, в свой мир.

– Папа, ты думаешь, мы когда-нибудь сможем жить с ними бок о бок? – с сомнением спросил Бёрк-младший.

Отойдя на десять футов, аберша оглянулась на Итана и склонила голову набок. Она смотрела на него несколько мгновений, и Бёрк мог бы поклясться, что это существо хотело что-то ему сказать. В глазах самки мерцали разум и понимание.

Не было произнесено ни слова, но внезапно шериф все понял.

– Да, – сказал он. – Именно так.

Затем он моргнул, и аберша исчезла…

* * *

Итан и Тереза сидели на одной из скамеек в парке и смотрели на Бена, стоящего посреди поля, задрав голову к небу. В паре сотен футов над ним в струях бриза купался воздушный змей. Мальчику понадобилось несколько попыток, чтобы поднять змея и вывести его из неподвижного воздуха вблизи поверхности земли, но зато теперь алая полоска трепетала в голубизне неба, поймав воздушный поток.

Было так славно сидеть и смотреть на ребенка с воздушным змеем… К тому же это было первое утро за много дней, а может быть, и недель, когда погода не казалась зимней.

– Итан, это безумие, – сказала Тереза.

– Если мы останемся в долине, – отозвался ее муж, – мы все умрем в ближайшие годы. Это даже не предположение, это будет совершенно точно. Так зачем ставить это на голосование?

– Ты должен позволить людям решать.

– А что, если они…

– Ты должен позволить людям решать.

– Люди могут принять неправильное решение.

– Это верно, но ты должен понять, какого рода лидером ты собираешься быть.

– Я знаю, какое решение будет правильным, Тереза.

– Так донеси до них свою мысль.

– Это трудно сделать. Это рискованно. И что случится, если они сделают неправильный выбор? Ведь даже ты колеблешься!

– Может, и так, но это будет *наш* неправильный выбор, милый. Если ты хочешь силой заставить людей следовать за тобой, тогда какой смысл вообще был говорить им правду о Заплутавших Соснах?

– Я спровоцировал все это, – промолвил Итан. – Все эти смерти, это страдание и потери. Я перевернул наши жизни вверх дном, и теперь я просто хочу исправить это.

– Тебе так плохо из-за этого?

– Я в ужасе, – признался шериф, и жена взяла его руку в свои ладони. – Ты просишь меня не просто доверить людям их судьбы. Ты просишь меня доверить им твою судьбу. И судьбу Бена. – Он посмотрел на сына, который бегал по полю, таща за собой на прочной бечевке змея, и смеялся. – В тот день, когда я вломился в комплекс, Пилчер сказал мне, что я, в конце концов, пойму все то, что он совершил. Все те решения, которые он принял.

– И теперь ты понял?

– Я начинаю ощущать ту тяжесть, которую он нес на плечах. Теперь она лежит на мне.

– Он не доверял выбор своим людям, – напомнила Тереза, – потому что боялся. Но тебе не нужно бояться, Итан. Если ты делаешь то, что всей душой считаешь правильным, если ты даешь людям свободу выбирать собственную судьбу, собственную участь…

– Мы можем умереть с голода в этой долине.

– Это правда. Но ты не должен отказываться от своей честности, не должен предавать ее. Это предательство – единственное, чего тебе следует бояться.

*** * ***

В тот вечер Итан стоял там, где все началось, – на голой сцене оперного театра, под невыносимым сиянием прожекторов. На него смотрели последние двести пятьдесят человек на этой планете.

– Вот к чему мы пришли, – обратился он к собравшимся. – К финалу человеческого мира. Мы сейчас здесь из-за того выбора, который я сделал, рассказав всем правду об этом городе. Не думайте, будто я позабыл об этом. Многие из вас потеряли тех, кого любили. Мы все страдали. Мне предстоит до смертного часа жить с осознанием того, *чего* нам стоило это решение, но сейчас время подумать о будущем. Именно об этом я думал всю последнюю неделю.

Центральная группа ближайшего окружения Пилчера сидела в первом ряду у левой части сцены: Фрэнсис Левен, Алан, Маркус, Мастин… И все они смотрели на оратора.

В зале стояло напряженное молчание. Тишина была абсолютной.

– Я знаю, что мы все пытаемся понять, куда нам идти дальше после всего случившегося, – продолжил Итан. – Что произойдет дальше? Какой может стать наша жизнь, жизнь каждого из нас? Нам предстоит столкнуться с жестокими истинами, и мы должны противостоять им вместе. Прямо сейчас. И вот первая из них: наши запасы пищи на исходе.

По толпе пробежали перешептывания и вздохи.

– На сколько их хватит? – выкрикнул кто-то.

– Примерно на четыре года, – ответил шериф. – И это подводит нас ко второй жестокой истине. Мы не можем оставаться в этой долине. То есть, конечно, мы могли бы. До следующего перебоя с подачей энергии на ограждение, до наступления столь суровой зимы, какую мы и вообразить себе не можем, или до тех пор, пока не закончатся припасы. Здесь присутствует Фрэнсис Левен из *горы*, и он может сообщить вам все подробности, объяснить в деталях, почему мы больше не способны обеспечивать себя жизненно необходимыми продуктами. Но я собрал вас всех здесь не только для того, чтобы сообщить вам плохие новости. Я хочу также предложить вам новый образ действий. Нечто радикальное, опасное и дерзкое. Прыжок в темноту.

Бёрк взглядом нашел среди публики Терезу и продолжил:

– Если говорить честно, я сомневался даже в том, давать ли вам такой выбор. Один мой друг недавно сказал мне, что в некоторых ситуациях, когда речь идет о жизни и смерти, один или два сильных лидера должны принять решение. Но я думаю, мы все покончили с контролем над нашей жизнью. Я не знаю, каким образом, но мы должны найти способ преодолеть это. Меня убедили в том, что лучше мы примем неправильное решение все вместе, чем будем жить без свободы. Отобрать у людей свободу решения – это был старый метод. Метод, которым пользовался Пилчер. А теперь я прошу вас всех выслушать меня, и потом мы решим, что нам делать. Вместе. Как подобает свободным людям.

Часть X

Итан

Месяц спустя

В их жизни все еще были такие моменты. В комнатах горел мягкий электрический свет, а с кухни доносился запах Терезиной стряпни. Моменты, когда все казалось обычным. Словно это были нормальные выходные из прежней жизни Итана.

Бен был наверху, в своей спальне, а Итан сидел в кабинете, набрасывая в блокноте строки текста, который он намеревался произнести завтра. Сквозь окно в вечернем свете шериф видел темный дом Дженнифер Рочестер. Сама Дженнифер погибла во время вторжения аберов, а недавний мороз убил и ее сад. Но уличные фонари снова горели, и из динамиков слышался стрекот сверчков в дальнем кустарнике. Итану не хватало пианино Гектора Гайтера – когда-то эти звуки неслись из радиоприемников во всех домах Заплутавших Сосен. Шерифу хотелось еще один, последний раз забыть обо всем и просто слушать эту музыку.

На краткий миг Бёрк сгорбился в рабочем кресле, закрыл глаза и позволил себе погрузиться в ощущение обыденности, пытаясь выбросить из головы все мысли о том, как хрупка эта обыденность. Но это было невозможно. Он никак не мог смириться с тем фактом, что принадлежит к виду, стоящему на грани исчезновения.

Это наполняло каждый момент его жизни значимостью.

Это наполняло каждый момент его жизни ужасом.

*** * ***

Итан вышел в кухню, где пахло варящимися макаронами и загустевающим в кастрюльке соусом к ним.

– Чудесный запах, – заметил он.

Подойдя сзади к Терезе, стоящей у плиты, Бёрк обнял жену за талию и поцеловал в шею.

– Последняя трапеза в Заплутавших Соснах, – отозвалась та. – Сегодняшний вечер особенный. Я выгребла все, что было в холодильнике.

– Приставь и меня к работе. Я могу вымыть все эти тарелки.

– Я думаю, ничего страшного не случится, если оставить их как есть, – заявила Тереза, помешивая соус.

Итан засмеялся – а ведь верно! Конечно, не случится.

Жена вытерла глаза, и он заметил это:

– Ты плачешь?

– Всё в порядке.

Итан осторожно взял жену за плечо и повернул ее лицом к себе:

– Что случилось?

– Я просто боюсь, вот и всё.

*** * ***

Они в последний раз собрались за этим обеденным столом. Итан посмотрел на Терезу и сына, а потом встал и поднял свой стакан.

– Я хотел бы сказать несколько слов двум самым важным людям в моей жизни. – Голос его уже дрожал. – Я не идеален. На самом деле я очень далек от идеала. Но я сделаю все, что угодно, чтобы защитить тебя, Тереза. И тебя, Бен. Все, что угодно. Я не знаю, что несет нам завтрашний день, и послезавтрашний тоже; не знаю, что будет потом. – Он нахмурился, пытаясь сдержать подступающие слезы. – Я просто очень рад, что сейчас мы вместе.

Глаза его жены заблестели, и, когда он сел, будучи не в силах больше ничего сказать, она потянулась через стол и взяла его за руку.

*** * ***

Это была последняя ночь, когда Итан мог поспать на мягком матрасе. Они с Терезой лежали, обнявшись, под горой одеял. Час был поздний, но оба они не спали. Итан чувствовал, как жена моргает, ее ресницы щекотали ему грудь.

– Ты можешь поверить, что это – наша жизнь? – прошептала она.

– Я так и не осознал это. И вряд ли когда-нибудь осознаю, – признался Бёрк.

– А если ничего не получится? Если мы все умрем?

– Это вполне возможно.

– Какая-то часть моей души хочет, чтобы этого не было, – промолвила она. – Пусть нам даже и осталось всего четыре года – почему бы не прожить их в полной мере, почему бы не сделать их прекрасными? Наслаждаться каждым моментом, каждым кусочком пищи, каждым глотком воздуха… Каждым поцелуем и каждым днем, когда мы не испытываем голода или жажды, когда нам не надо спасаться от смертельной опасности…

– Но потом мы непременно умрем. Наш вид вымрет полностью.

– Может быть, это не так уж плохо? У нас был шанс, и мы сами его упустили…

– Мы должны пытаться снова и снова, должны продолжать сражаться.

– Почему?

– Потому, что мы так устроены.

– Не знаю, гожусь ли я на такое.

Дверь в спальню со скрипом приоткрылась.

– Мама? Папа? – окликнул шепчущихся супругов Бен.

– Что такое, дружок? – спросила Тереза.

– Я не могу уснуть.

– Тогда забирайся к нам.

Мальчик вскарабкался на кровать и устроился под одеялом между родителями.

– Так лучше? – спросил Итан.

– Да, – ответил его сын. – Намного лучше.

Потом они еще долго лежали в темноте и молчали. Никто не проронил ни слова. Первым задремал Бен, за ним – Тереза, и один только Итан так и не смог уснуть. Он приподнялся на локте и смотрел на жену и сына – смотрел на них всю ночь, пока небо за окном не посветлело и не занялся рассвет – рассвет их последнего дня в Заплутавших Соснах.

* * *

По всей долине, в каждом доме, зазвонили телефоны. Итан вышел из кухни в гостиную с чашкой черного кофе в руке и на третьем звонке снял трубку старомодного дискового телефона. Шериф знал, какое сообщение будет передано, и все-таки, когда он поднес трубку к уху, внутри его все сжалось в комок. Он услышал запись, сделанную накануне – услышал свой собственный голос: «Жители Заплутавших Сосен, время пришло».

* * *

Итан открыл парадную дверь и придержал ее перед Терезой – та вышла на крыльцо, неся картонную коробку с фотографиями их семьи. Это было единственное материальное имущество, которое они решили взять с собой. Стояло прекрасное утро, в самый раз для исхода.

Тут и там по всему кварталу из домов выходили люди. Кто-то нес маленькие коробки, наполненные самыми ценными для них вещами; у некоторых не было вообще ничего, кроме того, во что они были одеты. Семья Бёрков спустилась с крыльца, миновала передний двор и вышла на улицу. Все жители города собрались на Главной улице и единой группой двинулись к лесу на южной окраине города. Итан заметил впереди Кейт, несущую на плечах маленький рюкзачок. Она шла рядом с Адамом Хасслером. Шериф ощутил прилив какого-то чувства, которое не смог опознать, и подумал, что оно, должно быть, было слишком сложным. Но что бы он сейчас ни испытывал, это определенно было близко к ностальгии.

Выпустив руку Терезы, Итан произнес:

– Я сейчас вернусь.

Он нагнал бывшую напарницу, когда группа поравнялась с «Осиновым домом».

– Доброе утро.

Кейт обернулась и улыбнулась ему:

– Готов к тому, что будет?

– Это безумие, да?

– В некотором роде.

– Привет, Итан, – поздоровался Хасслер. Месяц цивилизованной жизни сотворил с ним чудеса. Исхудавший Кочевник набрал достаточно веса, чтобы выглядеть почти как в прежние времена.

– Привет, Адам, – кивнул ему Бёрк. – Как вы оба, держитесь?

– Полагаю, всё в порядке, – отозвался его бывший начальник.

– У меня такое ощущение, что я сажусь на рейс вслепую, – отозвалась Бэллинджер. – И понятия не имею, куда он меня завезет.

Они миновали больницу. Итан вспомнил, как впервые очнулся в этом здании и увидел улыбающееся лицо медсестры Пэм. Вспомнил те первые дни, когда он блуждал по городу в замешательстве, все время пытаясь позвонить домой и не имея возможности связаться с родными… А потом ему вспомнилось, как он увидел здесь Кейт – оказавшуюся на девять лет старше, чем она должна была быть. Невероятное путешествие…

Бёрк посмотрел на миссис Бэллинджер:

– Через некоторое время начнется суматоха. Я подумал: наверное, нам следует попрощаться сейчас.

Женщина остановилась посреди дороги. Она улыбалась, щуря глаза от утреннего солнца, светившего ей в лицо, и в этот миг выглядела совсем как Кейт Хьюсон прошлых времен. Времен их работы в Сиэтле. Времен самой худшей – и самой лучшей – ошибки, которую Бёрк сделал в жизни.

Последние жители Заплутавших Сосен проходили мимо них.

Они обнялись с яростной силой.

– Спасибо за то, что поехал искать меня все эти годы назад, – сказала Кейт. – И извини, что это закончилось вот так.

– Я не стал бы ничего менять, – признался шериф.

– Ты поступил правильно, – прошептала его бывшая коллега. – Не смей в этом сомневаться.

К ним подошла Тереза. Она улыбнулась Кейт, потом шагнула к Хасслеру и обняла его и, когда они разомкнули объятия, спросила:

– Не хотите ли немного пройтись вместе с нами?

– С радостью, – ответил Адам.

Стоя на дороге рядом с женой, сыном, бывшей любовницей и человеком, который его некогда предал, Итан гадал: «Может быть, так и выглядит семья в этом новом мире?» Потому что вне зависимости от того, что случилось в прошлом, теперь, в настоящем – в тяжелом и требовательном настоящем, – каждый из них нуждался во всех остальных.

Мимо них прошел последний человек из толпы, но они еще немного помедлили там, где главная дорога из Заплутавших Сосен ныряла под темную сень соснового леса. Позади них оставался покинутый город, улицы которого озаряло утреннее солнце. Стекла витрин на западной стороне Главной сверкали золотом, и все пятеро начали жадно вбирать в себя взглядом разноцветные викторианские домики за штакетными заборчиками, окружающие утесы и осины, с которых ветер срывал последние червонные листья. В тот момент все это выглядело таким… идиллическим.

Блестящее и безумное творение Пилчера.

Через несколько минут Итан и его спутники повернулись и вместе зашагали по дороге в лес, прочь от Заплутавших Сосен.

* * *

Итан сидел у главного пульта в центре наблюдения, между Аланом Спиром и Фрэнсисом Левеном.

– Какой конкретно смысл в таком послании? – спросил последний.

– На тот случай, если кто-нибудь наткнется на это место, – объяснил Бёрк.

– Я считаю это маловероятным, – покачал головой Фрэнсис.

– А ты знаешь, что именно хочешь сказать? – поинтересовался у Итана Алан.

– Я кое-что набросал вчера вечером.

Пальцы Спира пробежались по сенсорной панели:

– Скажи, когда будешь готов.

– Уже готов, давай начнем, – попросил шериф.

– Запись пошла, – объявил безопасник.

Итан достал из заднего кармана листок бумаги, развернул его и склонился к микрофону. Текст послания был недлинным.

Когда Бёрк умолк, Алан остановил запись:

– Хорошо сказано, шериф.

На стене над ними светились двадцать пять мониторов: они все еще передавали кадры, заснятые наблюдательными камерами в долине. Пустые коридоры больничного подвала, безлюдные рекреации школы, опустевший парк, брошенные дома, покинутые улицы… Итан оглянулся на Фрэнсиса Левена и спросил:

– Мы готовы?

– Все системы, кроме необходимых, отключены, – подтвердил тот.

– Все люди подготовлены?

– Процесс уже идет.

* * *

Итан шел по коридору Уровня 1, и потолочные лампы над его головой угасали, одна за другой. Когда он достиг раздвижных стеклянных дверей, ведущих в ковчег, то оглянулся и увидел, как тонет во тьме дальний конец коридора – последнее освещение там отключилось. Было уже заметно холоднее: системы обогрева и вентиляции были введены в режим ожидания. Каменный пол огромной пещеры под босыми ногами Бёрка стал ледяным.

В анабиозном центре тоже царил холод – температура была лишь на несколько градусов выше нуля. Вокруг происходило какое-то движение, смутно различимое в голубоватом тумане. Машины гудели и выбрасывали струйки белого газа.

Итан прошел сквозь туман, свернул за угол и зашагал между двумя рядами камер. Мужчины в белых лабораторных халатах помогали жителям Заплутавших Сосен забраться в анабиозные капсулы.

Бёрк остановился у камеры в конце ряда. На ее жидкокристаллическом дисплее мерцали строчки данных:

КЕЙТ ХЬЮСОН

ДАТА ВВЕДЕНИЯ В АНАБИОЗ: 19.09.12

БОЙСЕ, АЙДАХО

ВРЕМЯ ПРОЖИВАНИЯ: 8 ЛЕТ, 9 МЕСЯЦЕВ, 22 ДНЯ

Сама она уже находилась внутри. Итан посмотрел сквозь двухдюймовой толщины стеклянную переборку, закрывающую переднюю часть капсулы. Кейт, запертая в анабиозной камере и дрожащая, ответила ему долгим взглядом. Шериф приложил ладонь к стеклу и заговорил – почти беззвучно, но отчетливо, чтобы она смогла прочитать по губам:

– Все будет хорошо.

Женщина кивнула.

Бёрк прошел еще три ряда камер, проталкиваясь между людьми, одетыми в белые костюмы для погружения в анабиоз. Тереза стояла на коленях, обнимая Бена и что-то шепча ему на ухо. Итан сгреб в объятия их обоих разом, крепко прижимая к себе, и по лицу его покатились слезы.

– Я не хочу этого делать, папа! – всхлипнул мальчик. – Я боюсь…

– Я тоже боюсь, – отозвался его отец. – Мы все боимся, и это нормально.

– А что, если это конец всему? – спросила Тереза.

Итан внимательно посмотрел в зеленые глаза жены.

– Тогда знайте, что я люблю вас, – произнес он и после короткой паузы добавил: – Пора.

Он помог сыну выпрямиться и поддержал его под руку, когда мальчик вошел в камеру. Бен дрожал – от холода и страха. Итан усадил его на металлическое сиденье, после чего из стены выползли захваты, зафиксировавшие лодыжки и запястья ребенка.

– Мне ужасно холодно, пап, – пожаловался он.

– Я люблю тебя, Бен. И очень тобой горжусь. А теперь мне нужно закрыть дверь, – мягко сказал Бёрк-старший.

– Подожди немного. Пожалуйста!

Итан наклонился и поцеловал мальчика в лоб. «Возможно, сейчас я в последний раз прикасаюсь к сыну», – не давали ему покоя тяжелые мысли. Он посмотрел Бену в глаза:

– Взгляни на меня, сын. Будь храбрым.

Мальчик кивнул.

Отец вытер слезы с его щек и вышел из анабиозной камеры.

– Я люблю тебя, Бен, – сказала Тереза.

– Я тоже люблю тебя, мама, – отозвался ребенок.

Бёрк-старший нажал кнопку закрытия дверцы. Та задвинулась, и внутренний запирающий механизм загерметизировал ее.

Итан и Тереза смотрели через стекло, как капсула Бена начала наполняться газом, и когда глаза мальчика закрылись, его родители улыбнулись сквозь слезы. Миссис Бёрк повернулась к мужу:

– Проводишь меня?

Он взял жену за руку и подвел к ее камере. Дверца уже была открыта, и Тереза уставилась на черное композитное сиденье, черные подлокотники и черные трубки, свисающие с внутренней стены. Каждая из трубок заканчивалась полой иглой – эти иглы должны будут вытянуть из ее вен всю кровь, до капли.

– О господи! – испуганно выдохнула женщина.

Она вошла внутрь, села, и захваты зафиксировали ее руки и ноги.

– Увидимся по ту сторону, – сказал Итан.

– Ты думаешь, мы действительно туда попадем? – недоверчиво вздохнула его супруга.

– Я абсолютно в этом уверен.

А потом он поцеловал жену так, как будто прикасался к ней в последний раз.

* * *

Забравшись в свою анабиозную камеру, Итан подумал о том послании, которое набросал вчера вечером в своем кабинете, и еще раз мысленно прочитал слова, надиктованные им в наблюдательном центре. Возможно, это последний записанный документ в истории человечества.

Этот мир безжалостен. Этот мир суров, и мы в этой долине жили во власти страха перед аберами. Мы жили, подобно узникам, и это противоречило самой сущности нашей природы. Человечество должно исследовать; люди существуют, чтобы открывать и покорять новое. Это записано в нашей ДНК, и именно это мы собираемся сделать сейчас.

Бёрк опустился на сиденье.

Это будет долгое путешествие, и никто не может сказать, что мы обнаружим, когда достигнем его цели.

Фиксаторы сомкнулись на его лодыжках.

Я боюсь этого. Мы все боимся.

На его запястьях.

Что за мир будет ждать нас по ту сторону долгого сна? В каком-то смысле это неважно. Потому что обитатели Заплутавших Сосен встретят этот мир все вместе. Без тайн, без лжи и без королей.

Автоматика задвинула и запечатала дверь капсулы.

Мы все сказали слова прощания. Мы все знаем, что это может быть нашей гибелью, и мы все, насколько могли, смирились с этим фактом.

Зашипел поступающий в камеру под давлением газ, и это шипение сопровождалось смоделированным на компьютере женским голосом, странно успокаивающим.

– Пожалуйста, начинайте глубоко дышать, – произнес этот голос. – Наслаждайтесь запахом цветов перед сном.

Говорят, что время лечит все раны... Что ж, у нас много ран – но и много времени... Достаточно времени, чтобы империи возвысились и пали. Достаточно времени, чтобы живые виды эволюционировали. Достаточно времени для того, чтобы мир стал добрее.

Газ пах лавандой и сиренью, и, едва вдохнув его, Итан ощутил, как сознание покидает его.

Мы все пускаемся в путь, гадая, что лежит за горизонтом, что ждет нас за следующим поворотом. И разве не это, в конечном итоге, движет нами?

Веки мужчины начали слипаться, и он представил себе лица жены и сына.

У нас снова есть надежда.

Образы Терезы и Бена он унес с собой в этот долгий, долгий сон.

Сейчас мир принадлежит аберам, но будущее… Будущее может быть нашим.

Эпилог

Семьдесят тысяч лет спустя Итан Бёрк открыл глаза.

Благодарности

Глубочайшая признательность Дэвиду Хейлу Смиту, Ричарду Пайну, Алексис Харли, всем в «Inkell Management» и моим «бойцам Западного Побережья» – Энджеле Чен Каплан и Джоэлу ван дер Коолту. Вы – великолепная команда, и я счастлив, что вы отстаиваете мои книги.

Людям из «Thomas & Mercer» и «Amazon Publishing» – Алану Тёкусу, Дафне Дарем, Джеффу Беллю, Кристо Каултер, Даниэле Маршалл, Грейси Дойл, Энди Бартлетту, Саре Томашек, Риме Аль-Забен, Филиппу Патрику, Тиффани Покорны, Нику Леффлеру и Джоди Варшау – самой бесстрашной группе, с какой я имел счастье работать. Я в восторге, что прошел этот путь с вами.

Спасибо Жаку Бен-Закри, который проделал адский труд, вычитывая эту книгу, и не дал ей стать макулатурой на тысячи разных ладов.

И Майклу Хоупу Андерсону за великолепную корректуру.

Энн Восс Петерсон, Джо Конрату, Маркусу Сейки и Джордану Краучу, которые снабжали меня превосходными читательскими мнениями и помогли вывести эту книгу на качественно новый уровень.

И последняя – и наиболее важная – благодарность: моей прекрасной, чудесной семье.

Об авторе

Блейк Крауч – автор более чем десятка романов-бестселлеров, написанных в жанрах приключений, детектива и ужасов. Его короткие рассказы включены в ряд различных антологий и издавались в журналах «Ellery Queen’s Mystery Magazine» и «Alfred Hitchcock’s Mystery Magazine», а также в серии «Кладбищенские танцы» и других сборниках. Многие его работы,

включая серию «Заплутавшие Сосны», были выбраны для экранизации в кино и на телевидении. Те, кто владеет английским языком, могут узнать об этом авторе больше, посетив его сайт .blakecrouch.com.

Сноски

1

«Хамви» – общепринятое именование американского армейского вездехода HMMV (сокращение от англ. High Mobility Multipurpose heeled Vehicle – «высокоподвижное многоцелевое колесное транспортное средство»).

2

«Моссберг 930» (Mossberg 930) – полуавтоматическое ружье.

3

«Бушмастер AR-15» (Bushmaster AR-15) – вариант штурмовой винтовки AR-15.

4

СВУ – самодельное взрывное устройство.

5

Плимутская скала – камень в Плимуте, шт. Массачусетс, по преданию, являющийся частью суши, на которую впервые ступили первые европейские поселенцы в США. Перед окончательной высадкой на берег они подписали знаменитое Мейфлауэрское соглашение, которое считается первой американской конституцией.
